

С32

Надежда Серебренникова

РОДИТЬСЯ ВОПРОЕКИ

Сказочный роман

В этой книге, помимо мастерского владения пером, отточенным на поприще социального журналиста в ежедневной газете, есть глубокие наблюдения, женская логика, острый ум, яркий слог, обалденное чувство юмора и чисто питерская безбашенность. Автор открыт и добродушен донельзя: ни удары судьбы, ни жестокая реальность, ни периоды смятения так и не смогли перевесить в его душе обостренное чувство справедливости и мировой гармонии.

Этот текст глотаешь, как в жаркий летний полдень домашний лимонад, который щекочет нос и почему-то отдает в голову, хоть это и безалкогольный, безвинный, сладкий напиток. Спасибо автору за эти глотки позитива! Дай Бог каждому сохранить в душе такого ребенка, которого описывает и каким является автор.

Мария Кингисепп, журналист, Санкт-Петербург

***

Многие ли на самом деле задаются вопросом «Откуда берутся дети?»

Эта книга — захватывающий, интересный и, как ни странно, очень жизненный и правдоподобный ответ на этот вопрос. Абсолютно согласна с тем, что нашей жизнью управляют эти крохотные души, которые то подлетают, когда мы на верном пути, то исчезают, когда мы позволяем рутине, правилам, сомнениям, рациональности преобладать над чувством любви.

Книгу советовала бы прочитать всем будущим мамам, независимо от того, когда у них наступит это будущее.

Оксана Быстрова, Челябинск

Роман читается на удивление легко и сразу увлекает быстроразвивающимся сюжетом. Благодаря «Родиться вопреки» я поверила в себя. Что все возможно, что необязательно придерживаться каких-то определенных правил, что можно изобретать новые жанры в литературе, главное — не бояться и делать все искренне.

Анастасия Сенченко, Воронеж

Замечательная книжка, без морализаторства излишнего, без лишней боли, но с кучей радости. Такое всепрощение там присутствует и такая любовь, что просто душа смеяться начинает.

Ксения Орлова, Санкт-Петербург

*Посвящается моим детям,
которые всегда рядом, и друзьям,
что так рано ушли...*

— Ребенок сам идет, сам! — это было первое, что я услышал. И сразу почувствовал какие-то запахи. А потом открылись глаза — они совсем немножко открылись, потому что я ужасно устал, — и через эти небольшие щелочки я увидел свет и двух существ в голубом. Они ловко помогли мне выбраться из моего мироубежища и положили на что-то теплое. Вернее, на кого-то. Та, на ком я лежал, с любопытством разглядывала меня. В ее глазах и на лице были красные прожилки, тонкие, как ниточки.

— Привет, — обратилась она ко мне и слегка дотронулась указательным пальцем, будто хотела убедиться, настоящий ли я.

Похоже, это и есть моя мама, подумал я, пока ее глаза меня изучали. Но почему она так мало напоминает ту девушку, которую я выбрал своей мамой, когда летал? Может быть, люди меняются? Родить ребенка дело, наверное, непростое. Да нет, кажется, все-таки она... Ну, ничего, отдохнет, приведет себя в порядок и будет самая красивая мама на свете. Моя мама! И вообще мне положено любить ее такую, какая есть.

— Ноль часов две минуты, — заявили те, в голубых одеждах.

Тут она заговорила еще с кем-то, кто стоял за ее головой.

— Сколько на твоих? — обратилась она к нему. Я пока не видел, кто там.

— Ноль-ноль и тридцать секунд, — ответил мужской голос. — Уже тридцать три.

И тогда мама стала спорить из-за двух минут. Принципиальная! Помню, когда я был внутри, она тоже любила поспорить. Вот и тут началось. Она отвлеклась от меня, и мне стало немного обидно. Люди в голубом быстро сдались и записали то, на чем настаивала она, потом меня подхватили и куда-то понесли. А моя

мама осталась там... Они с ней еще что-то делали, и я переживал, что, может быть, ей до сих пор больно. Я все время думал о ней. И — о, ужас! — я забыл, как ее зовут. Похоже, я вообще многое забыл, появившись на свет.

Меня долго протирали, зачем-то возились с моим животом, взвешивали, привязали к руке бирочку с надписью «Воробьева. Мальчик. 27.05, 00.00. 53 см. 3650 г», туго запеленали и оставили одного. Но вскоре ко мне подошел кто-то в черном и навел на меня странный предмет с круглым стеклышком. Я не знал, что это, и на всякий случай зажмурился. Глаза все еще открывались плохо. И тут он очень тихо сказал, что я похож на опухшую бабушку. Но я все равно услышал и рассердился на него. Дурак какой-то. Сам ты бабушка. Ну, гляди, я тебе потом покажу!

— Так вот ты какой: Даня, Федя, Степа... — немного задумчиво сказал Черный.

Нет, это не мой папа, подумал я. Я знаю своего папу. Ты точно не он. Вот маму я узнал. И узнал бы и папу, ведь я их выбрал сам. Еще задолго до сегодняшнего дня...

В общем, я родился. И это было бесповоротно. Теперь мне предстояло жить здесь. Уже не будет постоянно тепленькой водички, в которой я лежал и сосал палец, не будет ощущения полной защищенности, не будет возможности подслушивать взрослые разговоры, не опасаясь, что это заметят. А самое печальное — я больше никогда не буду летать...

Мне стало так грустно, что захотелось плакать. И я заплакал. Правда, от усталости у меня получилось какое-то невнятное всхлипывание. Никто не понял, что я плачу просто потому, что мне грустно. Оказывается, новорожденному ребенку по статусу полагается поплакать, чтобы оповестить мир о том, что он родился.

***

Когда я впервые увидел свою будущую маму, она выглядела совершенно иначе. Хотя я тогда вообще не выглядел никак и точно не мог напоминать ничью бабушку. А мама была рыжая, мед-

но-золотая и кудрявая. Настоящая счастливая девчонка! Загорелая, в голубых джинсах и ярко-желтой майке на бретельках. Она много смеялась. Вместе с каким-то молодым человеком они ехали в лодке и разговаривали. В воде рядом с ними гонялись друг за другом солнечные зайчики.

Я летел мимо с моими друзьями: другими, еще никому не принадлежащими душами. Нашей задачей было найти себе тех, кто станет нашими родителями. Я искал счастливых людей, которые любили друг друга. И вдруг услышал ее смех...

— Все, ребята, дальше без меня! — крикнул я своим и сел к ней на плечо. Она сразу почесала его, будто почувствовала что-то. Наверное, ей стало щекотно, несмотря на то что я был невидимкой.

Люди иногда чувствуют подобные вещи. Для них наше щекотание по ощущениям похоже на маленького жучка, ползущего по щеке. Я заглянул в ее смеющиеся карие глаза и увидел в них какое-то теплое и радостное чувство. Возможно, это любовь и я на верном пути? — подумал я тогда.

— Ну, где уже эти обезьяны, Вить? Похоже, мы заблудились... — сказала она своему спутнику.

— Не переживай, Рыжик, сейчас найдем!

Они искали какой-то остров. Я решил остаться с ними и наблюдать.

Лодкой молодые люди управляли по очереди.

— Сфотографируй меня, красивую, на веслах, — засмеялась она и откинулась чуть назад. Она и в самом деле была (или виделась мне) очень красивой. Поток удивительной солнечной энергии, что исходил от нее, будто прошел сквозь меня. Мне показалось, что я тоже стал похож на солнечного зайчика. Быть может, в эту минуту меня даже можно было увидеть.

— Я хочу, чтобы ты стала моей мамой, — шепнул я ей на ухо, и она его почесала. Есть контакт!

В тот вечер я остался с ними. Они нашли, наконец, остров, где жили обезьяны, которых завезли на всеобщее обозрение в Центральный парк культуры и отдыха летом 1999-го. Покормив

их с рук, ребята поплыли назад, вернули лодку, а потом долго валялись на траве, пили пиво и разговаривали.

Я узнал, что девушку зовут Лера и что живет она недалеко от питерской станции метро «Дыбенко», на Товарищеском проспекте. Имя молодого человека — Виктор. Прошло уже два месяца, как они расстались, но несколько дней назад он привез по просьбе Леры вещи, забытые в квартире, где они жили вместе, и снова задержался в ее жизни. За то время, что они не виделись, у каждого уже складывались новые отношения, но эта встреча помешала им развиваться во что-то большее.

— Рыжик, а ведь ты мне фактически жена... — глядя на нее с любовью, сказал он, и я видел, что ей невероятно приятно это слышать. — Мы столько пережили вместе! Ты одна ходила ко мне в больницу каждый день, когда я сломал позвоночник и целый месяц лежал без движения... Да чего только не было! Знаешь, вот увидел тебя на той неделе и хожу сам не свой. На работе сосредоточиться не могу, несколько дней с одним договором вожусь, коллеги уже спрашивают, что со мной... А вчера я понял что: это любовь, Рыжик! — он погладил ее по волнистым волосам.

Но, несмотря на его слова, Виктор мне не понравился. Я не хотел бы себе такого папу. Он был похож на пещерного человека со странной формы головой и оттопыренными ушами, а лицо напоминало гнома — то злого, то доброго, в зависимости от выражения глаз. Но дело было даже не в том, как он выглядел. Я чувствовал что-то холодное и жестокое в его глазах и не мог найти этому определения... В них будто было второе дно.

Надо непременно помочь моей будущей маме найти кого-то другого. С кем, интересно, она начинала встречаться, когда в ее жизнь снова наведалься «пещерный человечек»? Хотелось бы на него посмотреть.

***

95 июля. Такого не бывает, это я точно знал. Однако именно эта дата была сложена на календаре из деревянных кубиков

на книжной полке в комнате моей будущей мамы, когда я впервые попал в ее квартиру. Да, похоже, это необычная девушка и вместе с ней мне предстоит пережить разные необычные события.

Она так увлеченно читала книгу, что даже не почувствовала, как я легонько пощекотал ее за ухом. Это был всего лишь один из способов дать о себе знать. Еще мы можем отправлять людям сообщения, те самые, о которых они, покачивая головой, говорят: это знак! Его я отправил своей будущей маме недавно, когда она утром ехала на работу, размышляя об их отношениях с Виктором. Лера смотрела в окно автобуса, а я читал ее мысли:

«К чему мы снова это затеяли, все же было понятно еще весной. Не стоило этого делать: ведь разбитая чашка уже будет с трещиной. Катимся по накатанной колее прожитых чувств, — она вздохнула и прильнула щекой к оконному стеклу, опершись на ладонь. — Кто бы подсказал, что делать, сказал бы наверняка: Он это или не Он...». Автобус как раз проезжал мимо огромного рекламного стенда, на котором аршинными буквами было написано: «НЕОН». И хотя это была реклама такси, — но чем не знак? А главное — чистая правда, уж это я точно знал. Да и сама она давно чувствовала. Я заметил, как внезапно изменилось выражение ее глаз: от задумчиво-грустного к удивленному.

Еще мы умеем приходить во сне. Когда моя будущая мама увлеклась чтением книги и не заметила моего прикосновения, я расстроился и решил ей присниться. Надо будет только придумать, в каком образе.

У меня пока нет имени. Я маленькая, легкая, как глоток воздуха, душа, которой пришло время обрести свое воплощение на земле. Я ничего не помню о своих прошлых жизнях и не знаю, были ли они вообще. Мне просто пришла пора начать жить среди людей, а для этого нужно найти тех, кто стал бы моими родителями.

Мой номер М-04041999. «М» означает, что я должен родиться мальчиком, остальные цифры — дата, когда я отправился на поиски своих родителей. По правилам, мальчики сначала выбирают

себе маму, а девочки — папу. Кроме меня точно такой же номер есть у еще нескольких десятков тысяч, кто получил аналогичное задание четвертого апреля 1999 года, но я уже потерял их из виду. Сколько времени продлятся мои поиски и когда я появлюсь на свет в виде младенца мужского пола, заранее не известно.

Иногда нам приходится сначала устраивать первую встречу наших будущих родителей и заботиться о том, чтобы они не потерялись в пространстве раньше, чем произойдет самое главное, ради чего они встретились — зачатие. А иногда вынуждены делать наоборот: разлучать с теми, кто не подходит на роль второго родителя. Как в моем случае. Эх, чего только не сделаешь ради семейного благополучия! Я твердо решил помочь Лере найти того, с кем всё будет иначе. Как? Это невозможно предсказать. В общем, того, с кем будет всё.

***

Лера давно хотела ребенка. Я узнал это из телефонного разговора с одной из ее подруг. Малыш мог появиться у нее еще в восемнадцать лет, но рожать на первом курсе института от того, с кем не могло сложиться ничего серьезного, у девчонки не хватило духа.

Вместе с одним другом, имеющим довольно среднее медицинское образование, она, по молодости и глупости, попыталась самостоятельно решить проблему с помощью каких-то гормональных инъекций, но ничего не помогло. Пришлось, по совету еще одной подруги, недавно пережившей подобный опыт, обратиться к гинекологическим дел мастеру и все ему рассказать. Милейший голубоглазый профессор отнесся к ней, как к дочери, потрепал по макушке и велел прийти завтра с халатом и тапочками.

— Я очень боюсь, что наркоз не подействует... — последнее, что она помнила, сказанное собой, еще беременной. И улыбку широкоплечего анестезиолога — реакцию на ее слова.

Все произошло очень быстро, и совсем недавно нашедшая себе приют душа ее дочки оказалась не у дел. Стараясь не смот-

реть на процесс изъятия ее будущего тела, она полетела к своим. Ей было необходимо выплакаться за рухнувшие надежды — она уже успела полюбить эту юную хохотушку, которая даже узнала о существовании своего ребенка первого апреля — в День смеха. Поначалу «виновник торжества» даже принял эту новость за розыгрыш. Теперь же, когда все выглядело слишком жестокой шуткой, душа ее дочки должна была признать, что если и не ошиблась в выборе, то сделала его слишком рано для своей мамы. За такой просчет она на два года лишалась возможности выбрать родителей.

Первое время при виде маленьких детей Лере хотелось плакать. Ей несколько раз снилась рыженькая девочка с серыми глазами. Позже чувство потери возвращалось, когда она держала на руках детей своих подруг. Во время совместной жизни с Виктором желание стать матерью стало невыносимо сильным. В том же году Лерина подруга Аня родила мальчика, который, как она рассказала, снился ей еще до зачатия и наказал назвать его Ромкой. Накануне его рождения Лера была у нее в гостях, как раз первого апреля, и в шутку посоветовала рожать семнадцатого числа, мотивируя тем, что это ее любимое. Каково же было ее удивление, когда все именно так и случилось!

— Теперь, Ань, надеюсь, ты понимаешь, кого должна выбрать его крестной матерью? — смеясь, спросила она.

— Без сомнения, — улыбнулась подруга. — Чуть подрастет, и устроим крестины.

— Это будет уже второй мой крестник. Мне недавно рассказали, что, после того как станешь крестной мальчика, жизнь должна измениться к лучшему. А у меня будет аж два мальчика!

— Значит, точно должно все повернуться к лучшему! — с уверенностью сказала Аня.

Когда будущая крестная впервые взяла месячного Ромку на руки, на секунду попытавшись представить, что вот он — ее малыш, Лерин запрос попал к нам, в Небесную канцелярию. И моя душа, которая уже два месяца находилась в активном поиске, на него отозвалась...

Такой запрос на собственного ребенка обычно происходит тогда, когда женщина видит младенца, который ей нравится. Внутри нее происходит нечто, трудно поддающееся определению: восторг, восхищение, переходящие в желание иметь такого же малыша... Этот сигнал улавливается душой, стремящейся к земному воплощению, и с этого момента между ними устанавливается энергетическая связь. Я нашел Леру по наитию, даже не подозревая, что это именно она.

Вернувшись домой от будущего крестника, девушка рассказала о своих эмоциях Виктору. Но их желания сразу разошлись. Уже однажды женатый и еще окончательно не разведенный Витя был старше своей второй, неофициальной, жены на семь лет. Он считал себя опытным и практичным, а Валерию — молодой, наивной и излишне эмоциональной. Виктор был щедрым, веселым, иной раз балагуром, и это причудливым образом уживалось в нем с цинизмом и деспотизмом. Этакий король из фильма «Обыкновенное чудо»: в нем при кажущейся доброте и легкости характера в любой момент мог «проснуться дедушка по маминной линии» и пожелать «казнить» тех, кто попадет к нему под руку.

Лере иногда казалось, что в нем живут сразу двое: добродушный весельчак, которого она любила, и практичный циник с колючим взглядом, которого по-настоящему боялась. Если доверять гороскопам, для Близнецов такое раздвоение — нормальное положение дел. Тот, второй, полагал, что Лера немного безалаберна, слишком свободолюбива, да к тому же плохая хозяйка, в жены ее не планировал и общего ребенка, как следствие, не хотел. Категорически. Но так как первая, светлая половина его личности искренне любила Леру, то второй ничего не оставалось, как мириться с ситуацией.

***

К середине мая, как раз когда я почувствовал, что где-то есть та, с которой мы нужны друг другу, отношения Виктора и Валерии расстроились окончательно. Исчезла былая легкость и ро-

мантика, молодые люди лишь улаживали бытовые вопросы: что купить на ужин, мелко ли резать лук, а во время еды говорили исключительно о работе. Тепла не было. Когда стало совсем невыносимо, Лера, пока Виктор ушел к друзьям, собрала вещи. Выходя из квартиры, она столкнулась с бывшим возлюбленным в дверях, и он молча проводил ее до лифта.

А днем позже в редакции газеты, где она работала в пиар-отделе, появился новый, молодой и симпатичный журналист Артем Голубков, которого сразу представили всем сотрудникам. Главный редактор водил немного смущенного новобранца по кабинетам с просьбой любить и жаловать.

— Значит, будем и любить, и жаловать, — не удержалась от шуточки Лера, заметив смущение новичка. Внешне он был совершенно в ее вкусе: среднего роста, серые глаза с каким-то очень милым прищуром и сексуальные губы, как у Бреда Пита. Да еще и, похоже, очень скромный, что тоже было плюсом — ей нравилось смущать людей. — Вы, Артем, что больше предпочитаете? — этим вопросом она окончательно вогнала юношу в краску.

Новенький, застенчиво улыбнувшись, предпочел побыстрее выйти из кабинета. Лера сразу ему запомнилась. Такие рыжие всегда нравились Артему, но были не по зубам, а попробовать очень хотелось. Он набрался храбрости и минут через десять еще раз зашел к ним в кабинет.

— Никто не хочет сегодня на «ДДТ»? В «Юбилейном» концерт в семь, у меня есть лишний билет, — Артем обращался ко всем, но смотрел на нее.

— Лера, сходи, ты же любишь Шевчука, — отозвалась коллега, которая это заметила.

— Шевчука? Шевчука уважаю. А люблю Земфиру.

— Земфиру в другой раз послушаете. Иди-иди, Кавалерия ты наша, раз собиралась жаловать нашего нового журналиста, — хихикала коллега.

— Ну, разве что ради этого... — подхватила Лера. — Хорошо, я пойду, Артем.

На концерте был аншлаг, но на трибуны почему-то пускали не сразу. А когда пустили, туда рванула толпа и молодых людей тесно прижало друг к другу. Но им не было от этого плохо. Артем даже мысленно поблагодарил фанатов Шевчука, ибо сам еще нескоро решился бы на такую близость.

Шевчук был в ударе. Концерт удался. Когда «в небе сожгли все корабли», толпа поплыла в метро. Лера и Артем стояли в вагоне нос к носу и оба ощущали очень сильное физическое притяжение.

«Как странно, — подумала тогда Лера. — Вчера мне хотелось плакать, но прошел всего один день, и я уже рядом с другим человеком, и, судя по взгляду, ужасно ему нравлюсь. А ведь он очень даже симпатичный, побриться бы вот только не мешало...»

— А зачем ты отрастил такую забавную бороду, тебе же всего двадцать три! — без обиняков заявила она. — Мы же почти ровесники, кстати. И я бороду, как видишь, не ношу.

— Думал, с ней буду солиднее выглядеть... Что, не получилось?

— Нет, не получилось. Сбрей.

— Я подумаю.

— Да-да, подумай и сбрей.

— Да, тебе палец в рот не клади, — растягивая звук «и», с восхищением произнес Артем.

— А ты и не клади. Зачем мне во рту твой палец? — засмеялась она.

Он, не придумав ответ, не нашел ничего лучшего, как легонько дернуть ее за волосы.

И где меня только носило в тот момент? Почему не было рядом? Ведь это была как раз та самая минута, когда все могло пойти либо в одну сторону, либо в другую. Некому было послать Лере знак, что вот тот самый Он, и, как поется в песне, надо только не дать ему уйти. Некому было предупредить, что с ним не стоит отпускать колкостей. Юноша был совсем еще «зеленый», и из него можно было вылепить все, что угодно. При правильном

моделировании он мог бы стать моим настоящим, любимым папой. Но Лера по природе своей скульптором не была, ее и саму не мешало бы несколько отесать. А материал, из которого был сделан ее новый коллега, хоть и был податливым, потрескался бы при первом же обжиге. Поэтому с самого начала между ними все пошло не так...

Молодые люди еще несколько раз гуляли после работы с компанией коллег, приглядывая друг к другу. В одну из таких прогулок захмелевший Артем, к которому у Леры тогда рождались нежные чувства, неожиданно решил приударить за ее подругой Юлей, что случайно оказалась с ними в тот день. Валерия с изумлением наблюдала, как эта парочка отделилась от них и несколько минут спустя уже страстно целовалась возле памятника Ленину у Финляндского вокзала.

Чего хотел добиться Артем таким поведением, Лере было непонятно. У еще не умевшего общаться с женщинами бородатого юноши это было попыткой вызвать ее ревность и тем самым повысить интерес к своей персоне, — он даже поделился с ней приятными впечатлениями о поцелуе. Однако результат получился обратным: Лера недоуменно пожала плечами и мысленно умножила его на ноль. Да и с Юлей эта спонтанная романтическая встреча стала у Артема единственной.

***

Я находился в Лериной комнате и наблюдал, как она смотрит на две розовые полоски на тоненькой бумажной пластинке. Я чувствовал ее смятение и слушал ее мысли. Мне было не по себе. Я сам не мог понять, как это произошло, ведь я хотел, чтобы Лера до того, как зачать меня, поняла, что с Виктором ей не по пути. Теперь все сильно усложнилось.

«Господи... Что скажет Витя, когда проснется? Скажет, что я все это подстроила сама, он ведь не хотел...»

Я смотрел, как он мирно спит, аккуратно положив свои выдающиеся уши на подушку. Для меня этот юридически подкованный господинчик «с камнем за спиной» представлял собой не

самое приятное зрелище не только когда бодрствовал, но и когда спал. Я не мог понять, как Лера не чувствует, что камень полетит в нее в любой момент. Если бы его хозяин не так сильно любил эту, по его мнению, не вполне подходящую для создания семьи девушку, это произошло бы давным-давно... И камень продолжал ждать своего часа...

Виктор был тем самым молодым человеком, с которым Лера каталась на лодке, когда я впервые увидел ее. И я с радостью оставил бы его на острове с обезьянами! А камень пригодился бы ему для самообороны.

Сам он давно мечтал о дочке и уже точно решил, что назовет ее Катей — это было имя девочки, которую он платонически любил в школьные годы. И я знал, что так оно и будет, но не сейчас, не с Лерой. Тут была какая-то ошибка, ведь я должен родиться мальчиком, значит, он не мог стать моим папой! Я чувствовал, что все, что происходит, это — не моя жизнь. Но однажды я ошибся, очень сильно ошибся...

Был очень солнечный и жаркий июльский день, и — я просто не знаю, как все произошло — наверное, мне напекло мою несуществующую голову...

Нас всегда притягивают сильные чувства между будущими родителями, а в тот день между Валерией и Виктором они были. Еще утром, выйдя из кинотеатра, заново влюбившиеся друг в друга, они почти не помнили, о чем был фильм, потому что во время сеанса непрерывно целовались на последнем ряду. А возвращаясь домой, держались за руки. Виктор вдруг стал другим. Его как подменили: холодность, которую я видел в его глазах, исчезла, будто ее и не было вовсе. Их чувства были настоящими, поэтому я не мог себя контролировать. Меня засасывало, как в воронку...

Все пошло по иному пути Лериной судьбы, по которому ей идти не стоило. Близость между ними решила мою судьбу. Да и не только мою.

— Рожай от кого угодно, только не от меня, — первое, что сказал Виктор, увидев две полоски.

Они сидели на кухне. Я чувствовал, как внутри у моей мамы все сжалось, и она еле сдерживалась, чтобы не расплакаться.

— Но мы же с тобой говорили о Кате... Я тоже хочу дочку с таким именем.

— Нет, Рыжик, все же, думаю, нам не стоит оставлять ребенка. Сходи к врачу.

— Схожу, но только вместе с тобой.

Врачом оказался тот самый голубоглазый профессор. Он вспомнил Леру и, по ее просьбе, попытался уговорить молодого человека сохранить будущего ребенка.

— Срок около пяти недель. Стенки матки очень тонкие, аборт может негативно повлиять на будущие беременности, понимаете? — сказал он будущему отцу, выйдя в коридор после осмотра. Виктор согласно покачал головой, делая вид, что все понимает. Профессор на прощанье подмигнул Лере, мол, надеюсь, все удалось уладить. Она тоже хотела в это верить.

***

Билеты в Сочи на третье сентября были куплены еще до того, как выяснилось, что поедут они уже не вдвоем. Быть может, Виктору не хотелось менять планы на отпуск и он решил пока ни на чем не настаивать? Мне почему-то не хотелось лететь с ними, но теперь я мог наблюдать за ними на расстоянии, слушая их мысли. Я чувствовал, что из-за маминой беременности между моими будущими родителями пропала прежняя искренность. Вся энергия Леры была направлена на то, чтобы убедить Витю, что все будет хорошо и ребенок не помешает запланированному течению его жизни. А своего нежеланного отца я несколько раз ловил на ужасных мыслях, особенно когда Лера заводила разговор об их совместном будущем и о дочке. Это было действительно страшно, и мне очень хотелось верить, что он так думает не всерьез: «Может, взять да утопить ее, никто и не узнает...» — крутилось в голове Виктора, когда они оказывались на пляже вдвоем. Несмотря на то, что он уже тогда, похоже, все для себя решил, его чувство собственности продолжало

устраивать Лере скандалы из-за того, что та хотела загорать топлес. В общем, отпуск получился «сказочный».

От всего этого было так невыносимо грустно, что хотелось заплакать по-настоящему, как ребенок. Но я пока так не мог. В «Сказе про Федота-стрельца», который Лера часто переслушивала, и поэтому я многое запомнил, было будто про меня:

Я бы рад, да мой портрет
Для меня и то секрет.
Сам порою сомневаюсь,
То ли есть я, то ли нет...
У меня забот не счесть:
Есть еда, да нечем есть,
Есть табак, да нечем нюхать,
Есть скамья, да нечем сесть...

Выходит, и я тоже, в принципе, «То-Чего-На-Белом-Свете-Вообще-Не-Может-Быть». Меня никто не видел, кроме таких же, как я. А ведь их тоже никто не видит, кроме меня. Даже я сам могу сделать так, что другая душа не будет меня видеть, включив так называемый «режим невидимки». И где же доказательство нашего существования? Люди давно спорят, что такое душа. А кто ее видел? Да никто. Одни байки ходят. А есть она или нет... Остается ли она после смерти и перерождается ли в кого-то другого, никому из людей доподлинно не известно. Я, похоже, уже сам в себя не верил. Существоваю ли я вообще.

Каждый вечер нас собиралось до нескольких десятков тысяч. Образуя маленькие группы, те, кому было что рассказать, делились с другими самыми интересными впечатлениями дня. Души, которые в тот день обрели плоть внутри будущих мам, устраивали танцы, а остальные за них искренне радовались. Сегодня одна из моих знакомых душ — Д-16121998 — собрала вокруг себя огромную компанию своей новостью о том, что мама наконец узнала о ее существовании:

— Она пошла к своей подруге и показала тест на беременность, — делилась со всеми милая болтушка. — А та ей и говорит: ну все, ты точно в положении, можешь даже не сомневать-

ся. И моя мама улыбнулась! У нее такая замечательная улыбка! И папа такой восхитительный, я непременно должна быть на него похожа! У него такие большие выразительные глаза! — мечтательно добавила она. — Я ведь в глаза сначала и влюбилась, когда увидела их отражение в зеркале его автомобиля.

— А он уже знает? — интересовались другие будущие девочки.

— Про меня? Еще нет. Оля — так зовут мою маму — пока боится говорить. Они же совсем недавно с Володей знакомы, и с мужем до сих пор не решили о разводе. Я слышала, как он угрожал ей либо с собой что-то сделать, либо с ней, если она вдруг решит уйти от него. Сильно сложно все в их семье... У них еще мальчик растет, Петя, ему скоро пять. А тут еще я... Но Ольга — она удивительная, я просто восхищаюсь ею! Как же хочется быстрее оказаться у нее на руках настоящей дочкой, с ручками, ножками и большими голубыми глазами. Такими, как у папы! — Д-16121998 кружилась в танце и мечтала, мечтала... Она ощущала себя совершенно счастливой, обретя, наконец, свою идеальную маму.

У каждого из нас был свой собственный образ идеальных мамы или папы, с которым мы отправлялись на поиски. Лера полностью соответствовала образу, что в своем воображении нарисовал себе я. А мой близкий друг выбрал себе в мамы совсем юную девочку, которой было еще четырнадцать. Он не стал ждать и родился через восемь месяцев после того, как впервые увидел ее. Как раз в тот день, когда его маме исполнилось пятнадцать. В спешке он погорячился с выбором отца, поэтому девочке-маме первое время приходилось очень непросто, и учебу в школе она была вынуждена на время оставить. А будущую прабабушку информация о грядущем правнуке чуть не довела до инфаркта.

Мы перестаем общаться, когда появляемся на свет, и, встретившись в своем земном воплощении, никогда не узнаем друг друга.

Я наблюдал за своим другом после его рождения: у него теперь другой папа, родился брат, его мама продолжает учиться

и наконец-то счастлива... Думаю, мой друг сделал правильный выбор. Быть может, когда я стану человеком, мы снова познакомимся, но уже никогда не вспомним, как лучшими друзьями с номерами вместо имен заглядывали в окна и вместе влетали в форточки в поисках своих будущих родителей.

***

Первый раз после ее отпуска на море я увидел Леру в кабинете врача. Она лежала на кушетке, а белокурая дама в белом халате, что сидела рядом, небольшим приборчиком водила по ее животу. На экране, которого моя мама не видела, было черно-белое изображение маленького человека. Это был я! Тот, что внутри. Мое будущее тело.

— Какой у вас бэбик послушный. Я его попросила пошевелиться, и он сразу пошевелился, — сказала белая дама, и мама заулыбалась.

— А видно уже кто: мальчик или девочка? — поинтересовалась она.

— Нет, рано еще. Срок 10–11 недель. Сделать вам его фотографию?

— Конечно! Покажу послушного бэбика папе.

Фотография, которая тут же вылезла из принтера, упала на пол.

— Чудеса какие-то, — удивилась дама и, нагнувшись, наполовину скрылась под столом.

Мне так не терпелось посмотреть на свою первую фотографию, что я устроил эту маленькую шалость. Сидя под столом, я пытался разглядеть будущего себя, но ничего, кроме маленького пятнышка на пестром серо-черном фоне, не увидел.

Лера оделась, взяла маленькую бумажку и в коридоре медицинского центра, где случилось ее первое УЗИ, принялась меня разглядывать:

— Вот тут, наверное, ручки, а это — ножки, — водила она пальцем, думая о том, как покажет первое фото их малыша Виктору. В последнее время он становился все мрачнее, и это ее пугало.

А на работе рядом был Артем, который ни о чем не знал. Он лишь видел, что с Лерой что-то происходит, но на его вопросы она всегда отшучивалась. Вместе они больше никуда не ходили, и все общение сводилось к тому, что они отправляли друг другу сообщения. Чаще это происходило по его инициативе.

Однажды такая переписка привела к конфликту. В тот вечер Артем, видимо, напился где-то с друзьями, и «тормоза отказали». Он уже окончательно влюбился в свою рыжеволосую коллегу, и, переживая, что не вызывает ответных чувств, с регулярностью каждые двадцать минут писал ей всякие глупости.

«Хочу хочу хочу хочу хочу хочу хочу хочу хочу. Твой маленький зеленоглазый хочун», — получила Лера и не могла не улыбнуться. Как раз накануне после какой-то очередной редакционной вечеринки они говорили с Артемом о сексе и об отношении к нему. У него оказался крайне скудный опыт общения с девушками, хотя он и вырос в исключительно женском обществе: мамы и сестры. Мать, еще молодая и интересная женщина, часто меняла мужей, сожителей и любовников, а сын ее молча осуждал. Известие о том, что у шестнадцатилетней сестры появился парень и у них близкие отношения, повергли его в шок, и первым человеком, с которым он захотел поделиться своими переживаниями, стала Лера.

— Ну, а что ты хочешь, сейчас девочки еще раньше начинают, — попыталась успокоить его она.

— А ты во сколько... начала?

— По нынешним меркам, поздно, — засмеялась она: — В семнадцать.

— Вот видишь! А Полинке всего шестнадцать!

— Ну и что... Я ж не эталон.

— Для меня — эталон, — сказал он без тени улыбки, глядя ей прямо в глаза.

Лере стало не по себе, и она предпочла свести все к шутке:

— Стоп, стоп, а то еще разовьешь во мне манию величия.

— Лерию величия, — пошутил Артем.

— Ой, а это вообще не дай Бог, — расхохоталась Лера. Ей нравились шутки с игрой слов, как и те, кто умел ими играть.

После работы они в сумерках сидели на лавочке в ближайшем парке. Неожиданно разоткровенничавшись под влиянием баночки джин-тоника, коллега поведал ей о собственном сексуальном опыте, который заключался лишь в том, что год назад его напоила и соблазнила женщина в два раза старше его. Попытки построить отношения с девушкой более близкого возраста к желаемому результату не привели. Артем рассказал о своей семье, о безответственном отце, которого в последний раз видел в глубоком детстве. После развода к матери не зарастала тропа поклонников. Сестра Полина родилась от второго мужа, после него был и третий, и четвертый, уже неофициальные... Последний супруг оказался человеком щедрым и оставил своей гражданской жене довольно крупную сумму. Долга. И недавно их семье пришлось продать квартиру, чтобы с ним расплатиться. Рассказывая об этом, Артем был похож на маленького обиженного ребенка, и мне стало жаль его. Я понял, почему так хотел видеть его своим папой: он и в самом деле был ребенком — добрым и открытым, капризным и упрямым... Мне кажется, мы бы хорошо понимали друг друга.

— А где ты сейчас живешь-то? — спросила Лера.

— Снимаю однушку на Просвете. Заезжай в гости, я диван купил. Дома виноград есть, фильм какой-нибудь посмотрим. У меня сегодня такое... киновиноградное настроение, — Артем наглед с каждой минутой.

— Презентация дивана?

— Ну, типа того. Надо же обновить!

— Зайду как-нибудь. Позже. Если у тебя будет горячая вода. А то у меня как раз скоро отключат, — отшутилась Лера. Ей почему-то не хотелось сообщать Артему, что у нее есть с кем «обновлять» диваны. Видимо, этот разговор дал ему повод думать, что между ними что-то возможно, потому что следующее сообщение, полученное ею в тот злополучный вечер, было следующего «поэтического» содержания:

Я толстой важной птицей
Влечу к тебе окно
И тонкой влажной спицей
Войду в твое лоно.

Лера прыснула. Во дает! «Я поэт зовусь Незнайка...» В этот момент телефон внезапно оказался в руках Вити:

— Это кто моей девушке пишет такие сообщения?

— Да петрушка один с работы, — махнула рукой Лера, давая понять, что это несерьезно. — «Напился в чебуречной «Ялта» и телеграфирует». Не бери в голову.

— Как это не бери в голову? Дай-ка я ему позвоню!

— Ой, Вить, не надо... Не порти человеку настроение, жалко, что ли, — пусть дурачится.

— Я не порти человеку настроение? — взревел Виктор. — А мне он, значит, может портить настроение своими идиотскими стишками?

— Ну... Он же не тебе их шлет.

— Он шлет их моей девушке!

— Для твоей девушки они не имеют никакого значения, — очень спокойно произнесла она.

— А для меня — имеют! Значит, он не уважает меня! — Виктор стал похож на быка перед корридой, было ощущение, что у него скоро задымятся ноздри.

— О, Господи... Витя... Да он вообще тебя не знает! Как он может уважать того, о ком ему ничего не известно?... — поморщилась Лера. Ей совершенно не хотелось продолжать этот разговор.

— Ах, вот, значит, как! Значит, он не в курсе, что у тебя есть мужчина, ты ему об этом не сообщила... — его голос все больше набирал силу. — Запасной вариант? — взревел он.

— Витя, да ты что, перестань говорить глупости... Какой может быть запасной вариант, если у нас с тобой через семь месяцев ребенок будет!

— Не хочу я никакого ребенка! Я его сразу не хотел и продолжаю не хотеть. Пойми, я никогда не женюсь на женщине, которая не может создать дома ни уюта, ни порядка, вообще — ничего!

У Леры внутри все похолодело. Она физически ощутила, что такое «комок в горле». Из-за него она не могла произнести ни слова. Да и что она могла сказать? Моя мама молча встала со стула и пошла к входной двери. Витя остался в комнате. Она обулась, взяла куртку, открыла дверной замок и вышла, негромко закрыв за собой дверь. Забыв про лифт, Лера стала спускаться с седьмого этажа по лестнице. Перед глазами были ступеньки, и на каждой горели огромные огненные буквы: «НЕ УХОДИ».

— Я не могу, — отвечала она этим надписям. — Не могу...

Слезы подступили к глазам, но дальше не шли.

Наверху открылась дверь и послышался Витин голос:

— Лера!

Комок был на месте и продолжал мешать.

Пауза. Еще раз:

— Лера!

Тишина. Дверь закрылась.

Автобус подъехал сразу, будто специально за ней. Лера смотрела в заднее стекло на удаляющийся дом, где был зачат их ребенок, которого она так давно хотела. Она уезжала, понимая, что это, скорее всего, конец. Если бы она не ушла — возможно, все могло пойти по-другому. Ведь с ее чувством юмора можно было свести разговор к шутке, сказав, например: «Знаю, знаю, что не умею поддерживать порядок в доме, но ты же в этом профи и дашь мне пару мастер-классов по уюту?» Но она не сказала. Такое легко только в теории, — если бы люди так спокойно реагировали на то, что их задевает, статистика разводов была бы совершенно другой.

«НЕОН» — она снова проехала мимо того самого рекламного стенда.

И тут слезы дали себе волю. В автобусе Лера плакала беззвучно, чтобы не привлекать внимания, но, когда вышла на своей остановке, проходя через парк, где не было ни души, зарыдала в голос. Ей было жалко себя, жалко своего будущего ребенка, а еще ей было просто страшно. Страшно за свое будущее. Она не хотела стать матерью-одиночкой. Да и просто любила Вик-

тора, но навязать ему ребенка и себя в качестве спутницы жизни не представлялось возможным. А без ребенка... А как без ребенка? Он ведь уже есть. А если его не будет, то как такое можно простить? Лера была уверена, что после этого вместе быть невозможно.

— Подумаю об этом завтра, — вспомнились ей слова Скарлетт из «Унесенных ветром» — одной из любимых книг ее детства.

«Бедный малыш, — думала Лера, лежа дома на своем старом диване. — Он ведь, наверное, все слышит и все чувствует. И понимает, что я сейчас могу сделать непоправимую для него вещь».

Я действительно все слышал и все чувствовал. Я бы рвал на себе волосы, если б они у меня были, из-за того, что все складывалось именно так, ведь изначально я мог это предотвратить.

Виктору не было предназначено стать моим отцом, поэтому пазл и не складывался. Позже он непременно найдет себе подходящую жену, что будет терпеливо ждать его с работы с разогретым ужином, закрывать глаза на его неночевки дома и родит дочку Катю, которую он давно запланировал. Как в эту нить вплелась Лерина — непонятно... Какой-то недобрый рок. Она была временным человеком в жизни Виктора, как и он в ее, и, единожды расставшись, не стоило соединяться снова. Но моя мама по собственной воле дважды вошла в одну воду, и это стало ее главной ошибкой. Уходя — уходи.

А я — не помог, чем наказал и ее, и себя. Если она сейчас избежит от ребенка, ей уже нельзя будет стать моей мамой. А другую я могу начать искать не раньше, чем через два года. Этот срок мы находимся на «исправительных работах»: помогаем ангелам-хранителям в их нелегких ежедневных делах, — такова расплата за ошибку. У помощников ангелов не бывает ни одной свободной минуты, и совсем некогда думать о своем будущем рождении.

***

Весь следующий день Лера ждала Витиноного звонка. Эта неделя была последней, и нужно было что-то срочно решать. После двенадцати недель беременность прерывают только по медицинским показаниям, а в женской консультации, где Лера уже успела встать на учет, сказали, что все идет прекрасно. Теперь даже мысль о том, чтобы избавиться от ребенка, которого она так хотела, приводила ее в ужас.

Звонок случился вечером третьего дня.

— Алло.

— Алло, привет, — после этих слов могло произойти чудо, но его не произошло. Виктор чужим холодным голосом сообщил, что хочет, чтобы она сделала аборт. Она ждала этой фразы, но когда услышала, разревелась, как маленькая, и крикнула в трубку:

— А давай... давай лучше тебе... тебе внутри что-нибудь вырежут безо всяких на то медицинских показаний!

— Это все эмоции, Лерочка, — отрезал Виктор. — В общем, решено. Я заеду послезавтра утром и поедем к твоему любимому доктору.

Он повесил трубку.

На следующий день Лера взяла отгул и сидела дома на диване, обхватив колени руками и думая, как поступить. Ей было двадцать два года. Рожать одной было страшно. Впереди диплом, недавно устроилась на новую работу — начальство не одобрит такой поспешный уход в декрет. Родители люди творческие — сегодня здесь, завтра там, регулярно помогать ни материально, ни физически не смогут. У нее было ровно сутки на размышление: завтра был операционный день у того самого профессора.

Я хотел отправить ей один сон, который придумал заранее, когда она еще отдыхала на море, будто предчувствовал то, что происходило сейчас. В этом сне мама стоит на солнечной лужайке, а в руках у нее — связка разноцветных воздушных шаров. Они тянут ее в небо. А рядом с ней мальчик лет пяти — та-

кой, каким я буду потом, — просит: «Мама, не улетай!». Но я не стал посылать такой сон, вдруг осознав, что не хочу влиять на ее решение. Я не хотел, чтобы из-за моей ошибки она оказалась на всю жизнь связана с этим случайным в ее жизни человеком.

— Пойми одно, — сказала Лере по телефону подруга Аня. Она была старше и мудрее на девять лет, и первый малыш, тот самый Рома, благодаря которому я почувствовал желание Леры стать матерью, появился у нее всего полгода назад. — Мужики приходят и уходят, а дети остаются с нами всегда. Если тебе нужен именно ребенок — оставляй. Если же ты хочешь родить его только ради того, чтобы быть вместе с Витей — то, наверное, не стоит. Я тебя люблю и поддержу в любом твоем решении.

Моя мама просидела на диване до ночи и приняла решение в мою пользу. Еще одна подруга, Надя, хорошо знавшая Лерину ситуацию, позвонила вечером, чтобы узнать, что та надумала:

— Ну, может, и правильно, — с некоторым сомнением в голосе отреагировала она.

— Правильно-правильно, — авторитетно одобрил решение ее отец, наблюдающий за жизнью дочери со стороны и мало что знавший о ней. — Надо рожать. Прерывать первую беременность опасно.

— Не знаю, Лера, я бы, наверное, не советовала. Я давно поняла, что Витя — не твой человек, — в приватном разговоре высказала свое мнение ее творческая мама.

Утром человек приехал, и она молча впустила его в квартиру. Увидев мать своего нежеланного ребенка в постели, Виктор изменился в лице:

— Что, решила рожать?

— Решила, — Лера сидела под одеялом в той же позе, что и вчера, и старалась выглядеть спокойной.

— Что ж, мой милый Рыжик, рожай, дело твое. Только меня ты больше никогда не увидишь.

— Ничего, когда ребенок родится, сделаем анализ ДНК, подтвердим твое отцовство, и будешь платить алименты, — огрызнулась будущая мать, натянув до подбородка одеяло.

— Вот как ты заговорила, Лерочка! — он был вне себя от злости. — Давай. Только знай, дорогая моя, что официальная зарплата у меня восемьсот рублей. Тебе отойдет целая четверть! — с нехорошей усмешкой съязвил он.

Я видел, с каким ужасом Лера смотрит на Виктора.

В этот момент мой нежеланный отец в самом деле выглядел жутко, с жестоким, искаженным от злобы лицом, похожим на лицо монстра.

Я услышал мысли моей мамы: «А что если родится мальчик, и лет через двадцать я на этом же самом месте увижу точно такое лицо?..»

Решение, к которому она шла весь вчерашний день, изменилось в одну секунду.

Мне почему-то не было страшно. Наверное, так чувствуют себя солдаты на войне, когда понимают неизбежность смерти, зная, что это поможет кого-то спасти.

Витя сказал, что ждет ее в машине и вышел. Лера слышала, как в коридор выскочила мать, которая, я видел, не спала почти всю ночь, и со свойственной ей повышенной эмоциональностью выкрикнула:

— Я хочу, чтобы у моей дочери родился сын или дочь. А Вы, Вы... Будьте Вы прокляты! — эти слова раздались одновременно с хлопком дверью.

Проклятый ретировался.

Лера быстро оделась и позвонила Наде, которая недавно сдала на права и как раз нуждалась в водительской практике на своей первой машине:

— Надюх, утро добрым не бывает. Все изменилось. Он приехал, и я передумала. Заедешь за мной на Мориса Тореза, 72, к двенадцати? А то на автобусе после операции как-то стремно. А с ним я не поеду.

— Конечно, заеду. Держись там!

— Держусь, куда деваться...

Матери в коридоре уже не было. Лера вышла на улицу и села в машину. По дороге до больницы они с Витей не сказали друг

другу ни слова. Дальше тоже все происходило в молчании: осмотр, анализы, переодевание в ночную сорочку — для нее все было будто в полусне.

Виктор полностью взял на себя финансовые вопросы. Профессор Жигалов, который должен был оперировать, зная и видя ситуацию, попытался заговорить с молодым человеком, но быстро понял, что это бесполезно. Витя, несмотря на мучившие его жалость к Лере и стыд за свой поступок, испытывал чувство облегчения, что еще немного, и он избавится от этого балласта.

***

Мне было очень больно. Не физически, конечно. Физически было больно Лере, но, к счастью, люди придумали внутривенный наркоз. Я видел все, что происходило в операционной. Видал то, что могло бы вырасти и стать моим телом, но теперь никогда им не станет. Врачи переговаривались между собой на личные житейские темы. Происходящее для них было рутинной, ежедневной работой, как сотрудникам почты наклеивать марки на конверты. Сколько таких же душ, как я, потеряли надежду родиться здесь, в этом маленьком помещении, пахнущем лекарствами и кровью...

Лера еще спала. У нее пока не было «после».

Я мысленно прощался с этой удивительной, сильной и слабой девушкой, которая могла бы стать моей мамой. Я уже успел очень крепко полюбить ее и не хотел для себя другой. Но, по нашим правилам, возврата быть не может.

Когда Лера пришла в себя после наркоза и оделась, в холле ее уже ждала Надя. Рядом с ней на кожаном диванчике сидел бледный Витя. Лера молча обняла подругу и, уткнувшись в ее плечо, сказала, не глядя в его сторону:

— Не хочу тебя видеть никогда-никогда-никогда...

Девушки сели в машину. За окном появилась Витина фигура с литровым пакетом апельсинового сока в руках. Он открыл дверь и поставил его на пол рядом с Лерой:

— Вот. Тебе. А ключи от квартиры когда отдашь?

— Выброшу в форточку. Найдешь под окном, — она закрыла дверь.

Нить, два с половиной месяца соединявшая их благодаря мне, натянулась и порвалась, когда машина отъехала.

Теперь я мог находиться рядом с Лерой не больше суток. Потом меня ждал разбор моих полетов: как же все так вышло, как же вы допустили и тому подобные бла-бла-бла... Ну и, по традиции, приставят меня к какому-нибудь раздолбаю-ангелу-хранителю, не справлявшемуся со своими обязанностями и буду я подмастерьем на ближайшие два года — вытаскивать его подпечных из внезапных передрыг. И снова вспомнилось из «Федота-стрельца»:

Сознаю свою вину.
Меру. Степень. Глубину.
И прошу меня отправить
На текущую войну...

Снова в точку. Не справился — заработал наказание. Ну что ж, будет время подумать о бренности всего сущего. Целых два года. Я решил побыть рядом с Лерой еще один день, пока меня не станут искать. Информация о том, что душа осталась без дела, очень быстро поступает наверх. Но сутки у меня еще есть. Я хотел убедиться, что с мамой все будет в порядке.

Весь остаток дня Лера пролежала, уткнувшись в подушку. Не спала. Не плакала. Ни о чем не думала. Вечером позвонила какая-то Маша и чем-то насмешила ее. Лера хохотала, как ненормальная. Даже отец отвлекся от дел и заглянул в ее комнату, не веря своим ушам, вероятно, решив, что дочь сошла с ума.

На следующий день мать уговорила ее пойти прогуляться. День был солнечный, небо не по-питерски безоблачное и голубое-голубое. А в небе летели птицы — точно как и мы, души, только намного ниже, и их всем было видно. Мне оставалось быть рядом с моей несостоявшейся мамой меньше часа. Я зарылся в ее пушистые рыжие волосы, и мне невыносимо захотелось плакать от того, что больше никогда не увижу ее.

— Прости, что так вышло, — шепнул я ей.

Она посмотрела вверх на летящих клином птиц, и глаза ее наполнились слезами. Лера вдруг медленно опустилась на колени и громко зарыдала. Та, что могла бы стать моей бабушкой, растерялась. Женщина совершенно не знала, что делать, и только причитала, присев на корточки и глядя дочь по голове:

— Ну, Лерочка, что ты, что ты... Все пройдет. И это тоже пройдет. У тебя еще обязательно будут дети. И человек будет. Намного лучше этого! Обязательно будет! Сегодня праздник большой — день Веры, Надежды и Любви, я тортик испеку вечером, подружек своих позовешь, посидим все вместе. Ну, успокойся, пожалуйста!

А Лере хотелось зажмуриться, а потом открыть глаза, и как будто ничего не было. И чтобы они снова были вместе с Витей. Несмотря на то, что разум не мог простить того, что случилось, она вдруг поняла, что сердце уже простило и ей не было нужно ни это небо, ни эти птицы, ничего — без него. Но возврата не будет. Ведь нет главного, ради чего стоило быть вместе — их ребенка. Такое простить она не могла. Ни ему, ни себе.

Невидимые нити уже тянули меня вверх, и я не мог контролировать себя: пришло время вернуться к родным пенатам.

— Прощай, мам, — напоследок сказал я ей.

— Прощай, — вдруг произнесла она, посмотрев на небо.

***

Когда я вернулся, главного на месте не было — он улетел вместе с другими ангелами-хранителями на место аварии туристического автобуса. Пока ангелы увлеклись игрой в лото, автобус разбился и много туристов получили травмы. Как раз к таким невнимательным крылатым охранникам обычно и приставляли помощников из числа опростоволосившихся душ. Считалось, что два неудачника должны положительно влиять друг на друга, и это непременно вызовет взаимное исправление. Вроде как минус на минус должен давать плюс.

Я сел и стал ждать, к кому меня определяют.

— Привет, — раздалось рядом.

— Здравствуйте, — повернулся я на голос.

Рядом со мной сидел внушительных размеров ангел. Выглядел он как обыкновенный парень лет тридцати, только с очень бледным лицом. Волосы у ангела были до плеч, черные-пречерные, как вороново крыло, и явно давно непричесанные. Из-за спины виднелись сложенные крылья, такие же огромные, как он сам.

— Ну что, давай знакомиться?

— А надо? — поначалу я отнесся к нему настороженно.

— Ты М-04041999?

— Я.

— Меня зовут Элиас. С этой минуты я твой непосредственный начальник, а ты, соответственно, мой помощник. Надеюсь, у тебя получится справляться со своими обязанностями лучше предыдущей сотни. (Я понадеялся, что он шутит.) Номер М-04041999 с сегодняшнего дня в течение двух лет будет неактивен. Ты можешь сам придумать себе новое имя, а то мне сегодня что-то ничего в голову не приходит.

Крылья у ангела были немного помятые и с сероватым оттенком. Давно не мешало бы под очистительный дождь. «Творческая личность, — предположил я. — Наверняка тоже стихи пишет, как мама Леры». Глаза были серо-зеленые и очень добрые. Хотя какие еще глаза могут быть у ангела? И еще у него были очень красивые пушистые ресницы. Слишком выдающиеся для ангела неженского пола.

— А воспитательная беседа... отменяется? — уточнил я.

— Откладывается, — и он зачем-то несколько раз поводит сомкнутыми губами вправо-влево. — Да ты ведь и сам знаешь свои ошибки. Но, когда главный вспомнит про тебя, не сомневайся, он тебя вызовет. А теперь ты мой. Скучать не придется, под моим крылом семь человек, но я пока не решил, кем именно ты займешься. До завтра тебе надо придумать имя. А сейчас я полетел, есть еще одно дело сегодня. Встретимся завтра в это же время здесь же.

Он улетел, громко хлопая крыльями.

Имя... Надо придумать себе имя. Может, взять себе какое-нибудь человеческое? Может, назваться Артемом, в честь милого бородатого юноши? Нет, нужно что-то более значимое и умиротворяющее. И покороче. О! Пусть я буду Мир! Звучит всеобъемлюще. И Элиас сможет при случае сказать: «Я пришел с Миром!» В смысле, прилетел. Да, красиво. Пусть так и будет. Буду дарить миру себя.

Пока у меня появилось свободное время, я решил навестить своих приятелей. У них как раз были вечерние танцы. Увидев меня, Д-16121998 вскрикнула:

— О, привет! Как ты?

— Разве вы еще не знаете? Ничего не получилось. Меня на два года отстранили.

— Да ты что... — с сопереживанием в голосе протянула она. — Ужасно жалко. Он все-таки оказался негодяем, как ты и предполагал?

— Как-то так.

— Ох, я тебе очень сочувствую! Ну, может, через два года...

— Да уж наверняка, — я попытался придать голосу оптимизм. — А как твои дела?

— О, у меня все прекрасно! — защебетала она. — Правда, сначала мне показалось, что возможен сценарий, похожий на твой, но папа, к счастью, одумался. Оля собирается с духом вот-вот окончательно выяснить отношения с мужем, а потом вместе с моим будущим братом переехать к Володе. Правда, здорово?

— Здорово, — сказал я без восторга.

— А вчера я ей приснилась, ну... для убедительности, — продолжала Д-16121998. — И с утра она написала моему папе сообщение: «Мне снилась девочка, похожая на тебя».

— А он?

— Он ответил, что, говорят, если девочка похожа на отца, значит, будет счастливая.

— Повезло тебе... — хотя я был рад за нее, мне все равно стало грустно.

— Ой, не говори. И тебе обязательно повезет! Подумаешь, два года!.. Пролетят, и не заметишь! — она вспорхнула с места. — Я полечу, ладно? Сегодня решила побыть рядом с папой.

— Конечно, лети.

Остальные «М» и «Д» занимались тем, что хаотично летали и устраивали друг с другом такие же трехминутные разговоры.

Между нами редко случались привязанности, как та, что была у меня с другом, который уже родился. После я так и не смог найти себе близкую душу. Улетая, Д-16121998 успела разболтать о моей незавидной участи сразу нескольким душам, и теперь они по очереди подлетали ко мне, чтобы посочувствовать.

— У меня было такое, пять лет назад, — сказал один из них. — После этого совершенно ничего не хотел делать, однако ангел, к которому меня приставили, завалил меня заданиями по самое «не хочу». Это так здорово отвлекло меня от мрачных мыслей, что их нет до сих пор. Правда, теперь я очень осторожен в выборе.

— А ты что-нибудь знаешь о той, которая решила не родить тебя?

— Нет. И не хочу. Я очень сильно обиделся тогда. Ничего не хотел о ней знать. Вроде, слышал, у нее кто-то родился потом... Не думаю, чтобы она очень переживала из-за меня. Легкомысленная попалась особа, больше такую ни за что не выберу. А твоя что, тоже оказалась дурой?

— Нет, зачем так грубо? Она отнюдь не дура.

— Чего ж тогда? Просто испугалась ответственности? — он был мудр не по годам.

— Наверное... Я еще не понял, — неуверенно ответил я.

— Ну и забудь. Живи настоящим. А о ней забудь, совсем. Как будто б ее и не было вовсе.

— Я так не могу...

— А ты смоги. Я же смог!

— А мне кажется, ты все равно помнишь. И до сих пор обижаешься, — сказал я ему, и ему это не понравилось.

— Возможно, — отреагировал он. — Но я стараюсь не думать об этом. Просто решил, что теперь буду искать себе в мамы серьезную, умную женщину лет сорока, для которой буду последним шансом. Чтобы мечтала обо мне лет десять минимум. И папа вместе с ней. Такие родители точно не наделают глупостей.

— Мудро. Что ж, удачи тебе!

— И тебе, друг. Как тебя теперь величать-то?

— Мир.

— О, сильно! Смотри, имя обязывает. Надо оправдывать.

— Я постараюсь, — заверил я.

И мы разлетелись в разные стороны.

Мне уже не терпелось приступить к моим новым обязанностям. О Лере я старался не думать.

***

Элиас опоздал на встречу, но это его, похоже, нисколько не беспокоило. В руках он держал бумагу с именами тех, кому была нужна наша помощь, рядом с каждым ангел обозначил текущую проблему. Одобрив мой выбор имени, он перешел к делу:

— Итак, Мир, смотри. Вот трое бедолаг, у которых вечно что-то не ладится. Конечно, у меня есть и другие, но с ними не возникает столько проблем. А эти... у них постоянно что-то происходит, причем всегда внезапно. И отнюдь не всегда хорошее. Они все время куда-то не туда сворачивают с предначертанного им пути. И — что самое забавное — двое из них недавно познакомились друг с другом. Но давай обо всем по порядку.

Владимир. У него давно уже должна быть семья и две чудесные дочки. И что делал он? Торчал целыми днями в своей комнате, отрастил ужасную бороду, а на девушек не обращал совершенно никакого внимания. Из-за него и у Марины, которая должна была стать его женой, все пошло наперекосяк: от одиночества она ушла жить в монастырь. В итоге приняла монашеский постриг, хотя, как говорится, ничто не предвещало... Вполне себе социальная личность. Сейчас живет в православном

монастыре под Иерусалимом, помогает паломникам. А ведь их девочкам-близнецам могло быть уже по шесть лет!

— И что, Владимир и Марина даже никогда не встретились? — меня взволновала эта история.

— Конечно, встретились! В январе 1994 года на мосту через Фонтанку я помог ей сломать каблук, она стала ловить машину, и Владимир ее подвез. Но при этом всю дорогу молчал... Представь: с тобой рядом сидит твоя судьба, а ты думаешь о том, что дома пустой холодильник, и берешь у нее деньги за проезд! Каково? — Элиас от возмущения хлопнул крыльями. — Володя жил в своей комнате в коммуналке, как в заточении, пока я не устроил его знакомство с одной забавной особой. Нет-нет, не ради того, чтобы у них что-то получилось. Ему нужен был друг, наставник, и лучше, чтобы это была женщина. С ее помощью он по-другому взглянул на мир и стал похож на человека: побрился, стал задумываться о том, чтобы с кем-то встречаться, недавно купил дорогой мобильный телефон.

А благодаря тому, что мы добрые друзья с ангельшей-хранительницей этой дамы, та помогла мне, чтобы ее опекаемая избавила Владимира от одиночества. В общем, я снял это со своего контроля. Первые несколько попыток знакомить его с девушками были не слишком удачные. И вот, наконец, сложилось — даже неожиданно для нее самой. И как я раньше сам не видел среди собственных подопечных хорошую партию для него?! Так вышло, что познакомились они без моего участия. Она — зовут ее Ольга — стала его первой женщиной, если ты понимаешь, о чем я. Ведь наверняка понимаешь, ты ж как никто должен знать, после чего у людей появляются дети... — он вопрошительно взглянул на меня.

Я кивнул.

— А сейчас вроде все прекрасно, — продолжил он. — Это, конечно, иной для него путь, не тот, что был бы самым удачным, если бы в 1994-м он лучше разглядел свою попутчицу, но ведь человек сам выбирает себе дорогу, а дорог, Мир, может быть несколько. И задача ангела-хранителя — помочь человеку, напра-

вить его... Я крайне рад, что Володя, наконец, влюбился, и испытываю по этому поводу большое облегчение. А одна из ваших, кстати, даже недавно облюбовала Ольгу как свою будущую мать, — закончил явно утомленный собственным рассказом Элиас. — И отец будущего ребенка — наш герой!

— Ну, так все отлично! В чем же проблема? — не понял я.

— В муже его возлюбленной, с которым их сейчас связывает только штамп в паспорте. Его зовут Клим. Ангел-хранитель давно махнул на него крылом, но его почему-то так никому и не передали. Сейчас Клим предоставлен самому себе. Не в моей власти его контролировать, но скажу тебе по секрету, что этот человек просто опасен. К жене и сыну он относится как к собственности и может причинить вред тому, кто пытается на посягнуть на его вещь. Наша задача — попытаться как можно быстрее изолировать от него жену и ребенка. Надо как-то внушить эту мысль либо ей, либо Владимиру. На Клима мы влиять не можем.

— Хорошо. А кто еще? Вы говорили, бедолаг трое.

— Про третьего расскажу в следующий раз, я уже на встречу опаздываю. На сегодня и так много информации. Значит, первое задание. Лети домой к Владимиру и посмотри, что там делается. Вот адрес, — Элиас сунул мне бумажку. — Завтра доложишь обстановку.

— Будет сделано, шеф!

***

Первое, что я почувствовал в комнате Владимира — незримое присутствие одного из наших. Я никого не видел, но душа неродившегося пока ребенка точно была где-то поблизости.

— Вов, принеси мне, пожалуйста, полотенце! — донесся из ванной комнаты приятный женский голос. — Я забыла.

Из-за компьютера встал среднего роста молодой мужчина, открыл дверцу шкафа, взял светло-зеленое полотенце и отправился исполнять просьбу своей девушки. У Владимира были прямые русые волосы и удивительно большие голубые глаза. Такие бывают на иконах — огромные и пронзительные. В остальном

он выглядел вполне обычно, на его лице не было и следа описанной Элиасом бороды.

Через минуту в комнату они вошли уже вдвоем с Ольгой, которая вытирала полотенцем мокрые волосы. В этой миниатюрной сероглазой девушке с пшеничными волосами до плеч была какая-то удивительная мягкость и женственность. На ее влажном от капель плече сидела Д-16121998. Увидев меня, она ойкнула и чуть не упала.

— А ты тут... как, зачем? — ошалело спросила она.

— Я помощник их ангела-хранителя, — засмеялся я. — Забавное совпадение, да? Так что твоя судьба в моих руках.

— Ой, прям так-таки и в твоих! — фыркнула она. — Я и сама стараюсь, веду на сближение.

— Да, молодец, вижу, что у тебя получается. Значит, будем вести вместе.

Пока мы болтали, между влюбленной парой началось то, о чем говорил мой начальник. И, хотя я уже не был новичком, все равно смутился. Заметив мое смущение, душа будущей дочки столь пылких родителей захихикала.

— Что с тобой? — посмеялась она над моим культурным шоком. — Да они постоянно эти занимаются, когда мама сюда приходит!

— А смысл? Ведь ты же уже там...

— Ну... похоже, им это просто нравится.

Мы сидели на подоконнике, рядом с двумя горшками с землей: в одном росла маленькая елка, а в другом какой-то пышный кустик с красно-зелеными листьями. Было ощущение, что мы в лесу и смотрим фильм для взрослых, на который пробрались тайком.

— Отвезешь меня? — спросила Ольга Володю после «сеанса связи».

— Может, не поедешь? — с жалобными нотками в голосе попросил Володя.

— Ну как ты себе это представляешь? Надо забрать Петьку из садика, и потом, что я скажу Климу? Куда я делась?

— Ляля, тебе давно уже пора сказать ему о нас и о разводе.

— Он, мне кажется, уже и так все понимает. Просто нужно еще немного подождать. В последнее время он какой-то другой стал. Раньше Петьку на него вообще не могла оставить, а вчера пошла к подружке, и он с ним посидел.

— Герой! — с сарказмом усмехнулся Володя. — Пацану пять лет! Привози Петю сюда, я сам с ним посижу. И вообще, переждайте скорее ко мне. У тебя через пару месяцев уже живот будет виден, — что ты тогда ему скажешь?

— Володь, не надо... Я сейчас, скоро уже, надо только собраться с мыслями. Он меня подозревает, мне кажется, он догадался о чем-то. Я боюсь его. У него в прошлом было что-то криминальное, о чем он мне не рассказывает, просто до меня дошли слухи, что от него всего можно ожидать.

— Хочешь, я сам с ним поговорю?

— Ни в коем случае! Это лишнее. Я сама.

— Ну смотри, Ляль. Только поставь себе срок — например, две недели. А то так и будешь собираться с мыслями до родов, — он потрепал ее по влажным волосам.

— Не переживай, раньше соберусь, — Ольга нежно улыбнулась ему и закрыла глаза, показывая, что ждет поцелуя.

Володя нежно дотронулся губами до ее губ. Я смотрел на них и радовался, а рядом со мной во весь свой несуществующий рот улыбалась Д-16121998. Душа голубоглазой девочки, похожей на папу, вспорхнула и полетела вслед за желтой «копейкой», на которой уезжали ее родители. Владимир отвозил ее к мужу, который не был отцом ее будущего ребенка... Таково было ее желание, и в силу слабости характера Володя не мог ей долго перечить. А она — в силу слабости своего характера никак не могла сама разрубить этот гордиев узел.

Я последовал за ними. Теперь это была моя миссия.

Выйдя из машины, Ольга и Володя направились к двухэтажному зданию, огороженному забором, внутри которого небольшими группами гуляли дети. Здесь были уже пяти-шестилетние мальчики и девочки, были и совсем малыши, годика

по полтора–два. От одной группы отделился светловолосый сероглазый мальчишка лет пяти и с радостными криками побежал им навстречу.

— Мама, мама, ты пришла! Привет, Володя, — увидев рядом ее спутника, обрадованно сказал он.

— Привет, Петь, — знаешь, что мы тебе купили?

— Трансформеров? — в голосе мальчика звучало ликование.

— Угадал! Беги, попрощайся с Еленой Владимировной, и пойдем домой, — она ласково потрепала сына по волосам.

— Если хочешь, Петька, можем зайти в кафешку тут рядом, — Володя сел на корточки перед малышом.

— Хочу-у-у-у! — мальчик вприпрыжку побежал прощаться с воспитательницей.

— Елена Владимировна! Елена Владимировна! А мы сейчас с мамой и Володей в кафешку пойдем, они мне шашлык купят, — слышался его радостный голос. — И мороженого!

— Видишь, они уже как настоящая семья, — сказала мне Д-16121998. — Ух, как же я хочу побыстрее родиться, чтобы они меня, наконец, увидели! Знаешь, что сказал Петя нашей маме, когда впервые познакомился с Володей?

— Что?

— Я хочу, чтобы у меня был такой папа...

— Так и сказал?

— Слово в слово!

— Да... Значит, ему точно не хватает чего-то в их семье.

— Конечно. Клим, муж мамы, с самого начала мало общается с ним, всегда занят другими делами. Петька его почти совсем не воспринимает, даже зовет не папой, а просто по имени — Клим. А Володю уже дважды папой назвал. Ему было это так приятно! Я это прямо почувствовала!

Д-16121998 была невероятно эмоциональным существом. Она была готова смеяться и плакать одновременно. Я с трудом мог представить ее душой будущего мальчика. Все-таки мы, мужчины, в большинстве своем более спокойные и рассудительные. А она такая смешная... Но этим и очаровывает. Долж-

но быть, с годами из нее может получиться девушка по характеру похожая на Леру, чувства к которой так и не отпускали меня, и даже смех Д-16121998 часто напоминал мне Лерин...

Интересно, как она сейчас, о чем думает, вспоминает ли обо мне? Может, присниться ей? Только зачем... Чтобы сделать ей больно? Я не хотел этого. А может, прилететь и как-то дать понять, что не сержусь и все равно люблю ее? Подумаю об этом завтра, как говорила Лерина любимая героиня Скарлетт. Сейчас нужно разобраться в текущей ситуации, чтобы доложить обстановку Элиасу.

После кафе Володя отвез Ольгу и Петю к их дому, где они жили в небольшой квартирке на третьем этаже. Судя по темным окнам, дома никого не было. Клим еще не вернулся.

— Скажи ему, Ляля, — обняв ее на прощанье, еще раз попросил Володя.

— Скажу, вот наберусь духу и скажу.

— А где он сейчас?

— На работе.

— На выходные сможешь выбраться ко мне?

— Думаю, да, Клим едет на охоту на бобров, ружье свое старое уже начистил. Его не будет два дня.

— Все от него зависит... — с досадой в голосе произнес Володя. — А если бы не ехал?

— Не мучь меня, Вов... — чуть не плача, ответила она и медленно пошла к дому. Петька, во время разговора возившийся в песочнице, последовал за ней. И мы вдвоем тоже.

Клим вернулся домой к ночи, когда все уже спали. Он был пьян. Этот, совершенно неприметной внешности, среднего роста сорокалетний мужчина имел очень маленькие колючие пороссячи глазки: не в пример огромным иконописным глазам того, кого любила его жена.

Стараясь не шуметь, Клим съел приготовленный для него ужин, достал бутылку пива, открыл ее о край стола, стал пить из горлышка и смотреть в окно. Когда он держал бутылку, я обратил внимание на его руки: они были будто изрезаны мелким

стеклом. Совсем недавно тайно от жены он прочитал всю ее переписку с Володей, где тот ласково называл ее Лялей. В бессильной злобе Клим колотил кулаком по мебели.

— Неожиданно распахнулось окно, дверца была открыта и, видимо, сильно хлопнула от ветра, — сочинил он малоправдоподобную легенду для жены, чтобы оправдать разбитую дверцу серванта.

Итак, Клим обо всем знал, не знал лишь о беременности жены. Допив пиво, он разделся и лег рядом с ней. Он долго смотрел на спящую Ольгу, а потом шепотом произнес:

— Если уйдешь от меня к нему, я его убью.

Отвернувшись к другой стенке, он довольно быстро захрапел.

Я испытал пронзительный ужас от негативной энергии, которую источал этот человек. Почему ангел-хранитель оставил его? Как так вышло, что никто не помог ему полюбить себя? Или же — наоборот — он любит только себя? В вопросах психологии я силен не был, но все равно понимал, что его поведение — реакция на то, что он чувствует себя никому не нужным. Люди с таким ощущением ведут себя по-разному: кто-то начинает доказывать, что чего-то стоит, кто-то может впасть в депрессию, кому-то в голову приходят ужасные мысли о собственной смерти, а кто-то начинает мстить всему миру за собственную ничтожность. Последние два варианта одинаково ужасны.

Как вдохнуть в этого озлобленного человека добро? И возможно ли это? С этими мыслями я полетел на встречу с Элиасом.

***

— Что скажешь, Мир? — спросил меня Элиас. Сейчас он выглядел гораздо опрятнее.

— Вы сегодня какой-то другой... — вот что я сказал.

— Да, у меня была романтическая встреча, вот — привел себя в порядок, — Элиас легким движением руки откинул со лба прядь чистых волос. Он был явно доволен собой.

— Свидание? — уточнил я.

— Считаю, что свидание.

— А разве у ангелов бывают свидания? — спросил я с недоверием.

— А почему нет? Мы же тоже в какой-то степени люди, и человеческие слабости нам не чужды. А то мы бы в них совсем не разбирались, — улыбнулся он. — И ни о чем меня больше не спрашивай, любопытная ты душа!.. Так что насчет нашего бе-долаги?

— Мне кажется, у них с Ольгой все замечательно. А с нашей стороны было бы совсем замечательно, если б мы нашли нового ангела-хранителя этому Климу, и ему тоже стало бы хорошо. А еще я там встретил одну знакомую душу, она как раз должна родиться у Ольги.

— Как у тебя все просто, малыш!.. А человеческие чувства, такие, как ревность, чувство собственности, месть?.. С ними невероятно трудно бороться! Нужно немало времени, чтобы они сами утикли. А у нас его нет, времени. Поторопилась немного твоя знакомая душа, и куда я смотрел... — по лицу Элиаса было видно, что мысли его где-то далеко. — А назначить ангела-хранителя Ольгиному мужу — не в нашей компетенции.

— Вы не переживайте, я подумаю, что можно сделать. И что-нибудь обязательно придумаю.

— Да? — он удивленно взглянул на меня. — А ты молодец, малыш! Перспективы у тебя большие.

— А кто третий-то? — поинтересовался я.

— Кто третий?.. — Элиас опять отвлекся.

— Ну, третий человек, которому я должен помочь. Вы обещали рассказать о нем. Какая у него проблема?

— А, да! Это девушка, ее зовут Маша. И она тоже беременна. Тебе, как нарочно, подобрались такие случаи, прямо по твоему профилю. Надеюсь, эти задания отвлекут тебя от грустных мыслей. Ведь тебе, наверное, грустно, малыш? — он неожиданно с какой-то почти отеческой нежностью посмотрел на меня.

— Спасибо, уже немного отвлекли.

— Вот и славно, — улыбнулся Элиас.

— Так что не так с этой Машей? — поинтересовался я.

— Маша совсем юная, она студентка второго курса факультета иностранных языков. Девушка необычная и эмоциональная. Из-за того, что у нее не ладилась отношения с мамой, ушла из дома в шестнадцать лет и стала жить с бабушкой. Старушка через год умерла, завещав квартиру внучке. А на ее похоронах Маша познакомилась с молодым человеком — внуком бабушкиной подруги из другого города, который сопровождал пожилую женщину. У ребят так быстро все завертелось, что через два месяца они уже поженились.

И ведь этого Николая не должно было быть на тех похоронах! — вдруг повысил голос Элиас, как будто внезапно рассердился на самого себя. — Такого развития событий я никак не планировал, у Маши был совсем другой путь, ей вообще не судьба жить в этой стране, а тут этот незапланированный муж... Мне кажется, он даже не любил ее, а просто заморочил голову. Парень так торопился, что им даже пришлось брать разрешение на регистрацию брака, потому что Марии еще не было восемнадцати лет. Негодяю просто хотелось остаться жить в Питере, вот и прибилась к наивной девчонке, воспользовавшись Машиной юностью и открытостью. Я видел его и уверен, что прав.

Вот так, — вздохнул ангел. — Иногда люди думают, что их судьба вершится здесь, то есть свыше, но зачастую они творят ее сами, стоит нам, ангелам-хранителям, на секунду отвлечься. Где я был в тот момент, не помню, может, были срочные дела у других, она ж у меня не одна... А некоторые считают, что случайностей не бывает, но они, увы, бывают. И вот, пока я отвлекся, попался на ее пути этот придурак! Ой, ты этого не слышал... А то меня оштрафуют за сквернословие.

— А кто сквернословил? Я ничего не слышал, — улыбнулся я.

— Молодец, — похлопал он меня по плечу. Вы спросите, откуда у меня взялось плечо? Дело в том, что Элиас видел меня, но таким, каким ему хотелось, а каким именно — я не знал. — В общем, теперь она беременна от него, в то время как они уже

разъехались. Он встретил другую женщину, старше него и весьма состоятельную. Теперь Машка мечется, не в силах понять, оставить ли ей ребенка. Со всех сторон советуют разное, и она никак не может решить. А этому Коле все равно, он даже сказал ей, что не уверен, что ребенок — его.

— Я должен помочь ей принять решение сохранить малыша?

— Точно, мой ты умница! Другого варианта быть не должно. Я уверен, что у тебя это получится, тем более, что ты сам через это прошел и знаешь, каково это... Не дай никому сбить ее с толку! И чтобы толк был именно тот, что нам нужен. И ей тоже.

— А что с ней будет дальше, если она с малышом останется одна? Моя мама испугалась именно этого.

— С ней все будет в порядке. А вот если она не родит его — то не факт. За нее не переживай, главное — не дать ей совершить непоправимую ошибку. Именно благодаря своему будущему сыну Маша поймет жизненно важные вещи, которые поведут ее дальше. Задание понял?

— Задание понял!

— Исполни, Мир!

— Есть, шеф!

Похоже, мы с Элиасом подружились.

***

Маша, и правда, оказалась очень юной особой. Я застал ее за подготовкой к экзамену. На ее столе был художественный беспорядок из учебников и тетрадей. Судя по почерку, конспекты принадлежали разным людям. Наверное, пропустила много занятий, подумал я. Иногда девушка отвлекалась и, задумавшись, сосала прядь своих длинных русых волос. Еще я заметил, что колпачок ее ручки совсем изгрызен. Итак, уже две дурацких привычки.

Энергетически я почувствовал в Маше что-то похожее на Леру, и меня захлестнули воспоминания о том времени, когда я еще не знал своего будущего. Как это было здорово — верить в хорошее! Теперь все позади, но почему-то светлых воспоминаний

больше. Мои мысли постоянно скакали, и я никак не мог сконцентрироваться.

Итак, к счастью, Маша не сидит с потерянным видом, обхватив колени, как сидела недавно Лера, когда у нас еще был шанс... Значит, не все потеряно. И, даже если отец ее ребенка такой же, как Витя, я уже знал, что делать. Любопытно было бы познакомиться с душой будущего ребенка, но я ее почему-то нигде не видел, в комнате находились только я и Маша. Тишину нарушала только одна назойливая муха, которая, не переставая, издавала громкое противное жужжание. Не выдержав этих звуков, Маша резко встала, отодвинула стул, схватила газету и, свернув ее в рулончик, стала гоняться за мухой.

— Вот ты гадкая муха, не могу ведь из-за тебя сосредоточиться! — Маша носилась за ней по всей комнате, но тщетно. Наконец муха увидела окно и полетела к нему, наверное, подумав, что это уже другой мир и там ей будет спасение, но наткнулась на невидимую преграду и стала биться в стекло, жужжа еще пронзительнее.

— А, не могу этого слышать! Умри, несчастная! — Маша, воспользовавшись ее упрямством, победно шлепнула газетным рулончиком. — Была б ты пчелой, я бы поймала тебя и выпустила в форточку, но тебе не повезло — родилась мухой. Прости за геноцид, насекомое. Нет от тебя никакой пользы. Еще и заниматься мешаешь.

Маша газетой смела то, что осталось от мухи, в корзину для бумаг и вернулась к занятиям. Но это снова продолжалось недолго, — вскоре зазвонил телефон.

— А, это ты, привет, — голос ее потускнел. С мертвой мухой она и то говорила живее. — Ну, что решил?.. Все-таки развод?

Она около минуты молча слушала ответ.

— Нет, Коля, милый, нет, я с тобой не пойду. Ну как почему... Потому что я беременна и хотела бы, чтобы ребенок родился в браке с тем, от кого он зачат. Мне это кажется логичным.

Снова длинная пауза. Человек на том конце провода что-то долго говорил.

— Да, я понимаю, что по совместному заявлению развестись быстрее и проще, а ты торопишься жениться на своей богатенькой старушке... Но заявления я писать не собираюсь, мне этот развод не нужен, — отрезала Маша. — А ты делай, что хочешь. Решение о нашем ребенке в любом случае будет только моим.

Она повесила трубку, хотя оттуда еще слышался торопливый мужской голос.

— Вот козел, какой козел!.. — все повторяла она и вдруг разрыдалась. Маша плакала так же горько, как Лера, когда я видел ее в последний раз, и мне стало очень жалко эту доверчивую девочку.

Как человеку открытому, ей срочно понадобился собеседник, с которым она поделилась бы своими эмоциями, и она набрала номер:

— Привет, это я.

Женский голос из трубки поинтересовался: «Мне кажется или ты реवेशь?»

— Не кажется. Реву, — продолжая всхлипывать, ответила Маша. — Только что звонил Коля и заявил, что все-таки идет подавать на развод. Можно я к тебе сейчас приеду? Мне очень нужно с тобой поговорить. Или, может, встретимся где-нибудь?.. Хорошо, приеду домой. Через час примерно.

Следуя за Машей, мне впервые пришлось спуститься в метро. Это было очень странное место. Люди, дыша в затылки друг другу, двигались медленно-медленно!.. Мы спустились под землю на станции метро «Василеостровская», куда стремилась просто невероятно огромная толпа народа. На лестнице у входа люди делились на честных и хитрых: честные, напирая друг на друга, мелкими шажками двигались к дверям, а хитрые перемахивали сбоку через ограду и сразу оказывались у заветного входа. Честные, естественно, были возмущены, но чувствовали себя скованно и, в основном, молчали, пыхтя от несправедливости.

Попав, наконец, внутрь, Маша встала в очередь к маленькому окошку, от которого каждый отходил либо с карточкой,

либо с металлическим жетоном. Дальше — еще одна очередь — к заветной щелочке в турникете, куда его нужно опустить. Пока Маша ждала, я наблюдал за людьми. Некоторые особо предприимчивые, не желая стоять в очереди, пользовались проверенным трюком: перепрыгивали мешающую им преграду. А один плотно пристроился к незнакомому гражданину сзади и умудрился пройти за ним шаг в шаг, не опуская жетон. Что самое поразительное — незаметно для того, с жетоном! Видимо, он был уже так изрядно помят толпой, что ничего не почувствовал.

Удивительный народ — эти люди... И мне тоже придется жить среди них и привыкать к их странному миропорядку. Само слово означает, что в мире должен быть порядок, но я его пока не заметил... Так, в размышлениях о мировых проблемах (имя-то обязывает!), я последовал за Машей к самоходной лестнице, по которой мы сначала спустились вниз, затем постояли в страшной давке в вагоне, пока, наконец, моя беременная спутница не оказалась на станции метро «Дыбенко». Поднимаясь наверх по такой же лестнице, во взглядах людей, что ехали в противоположную сторону, я читал: «Счастливые, скоро на свежем воздухе окажетесь, а нам еще в вагонах давиться...»

Я заметил, что Маша отличается от всей этой толпы. Даже не тем, что у нее была забавная шапочка с помпоном, ярко-розовая клетчатая куртка и невероятно длинный полосатый шарф. От нее исходила какая-то особая энергия, похожая на ту, по которой я когда-то нашел свою маму. И тот же яркий стиль в одежде. Что-то явно объединяло их.

Пока девушка шла через парк, где лучи осеннего солнца преломлялись о желтые и красные кленовые листья, готовые оторваться и полететь, я размышлял о том, куда же подевалась душа ее ребенка. Ведь она, наверное, тоже переживает за то, какое решение примет эта юная голова со смешным помпончиком. Но Машины мысли я слышать не мог.

Когда мы оказались рядом с домом ее подруги, я вдруг понял, что места для меня здесь как будто родные. Мы зашли в подъезд, сели в лифт... Все вокруг было очень, очень знакомым! «Не-

ужели...» — подумал я. Я не был готов к такому стечению обстоятельств: подругой Маши, которая открыла ей дверь, была... Лера.

***

— Привет, заходи, горе ты мое луковое! И как мы с тобой так вписались — одна за другой?.. — впустила подругу Лера. — Чай ставить? — спросила она, закрывая дверь. — Проходи на кухню.

Я смотрел на нее и не верил в реальность происходящего. Я не видел ее всего несколько дней, но она выглядела совершенно иначе. Лера поступила точно как героиня ее любимого фильма «Осторожно, двери закрываются»: полностью сменила имидж. Теперь у нее была короткая стрижка и светлый цвет волос. Подобное изменение помогло девушке пережить трагедию в личной жизни — видимо, Лера с той же целью решила последовать ее примеру.

— Лерка, ты другая совсем, тебя не узнать... — сказала Маша. — Чего это ты, я б так кардинально не решилась. Я волосы ни разу еще не красила.

— Что ты, Маш, я когда пришла в парикмахерскую, еле поборола желание вообще налысо постричься, аки Чучело, — помнишь? Орбакайте маленькая играет. А Никулин — ее дедушку.

— Помню такой фильм. И повесть читала.

— Вот. Понимаешь, я же тоже Чучело! Ненастоящая женщина. Женился бы он на мне, только если б я последней в мире особью противоположного пола осталась. И то, может, еще бы подумал... Я ж не могу ничего... ни уюта, ни порядка... Так, чмо последнее. Ненавижу себя, Маш! Ужас в том, что я не его — я себя ненавижу... А к нему вообще никакого негатива не испытываю. Вот как так может быть... — в ее голосе слышались слезы.

— Да... Слушай, я к тебе, как к психотерапевту, а тебе, похоже, он самой нужен.

— Давай, что ли, друг другу плакаться, за бесплатно? — Лера всегда могла шутить, даже в самые печальные моменты. — Кто начнет первый? Ты?

— Ну, давай я. В принципе, у нас многое одинаково получается, просто ты уже сделала этот шаг, а я еще нет. Но понимаю, что, наверное, надо.

Лера молчала. Маша смотрела на нее в надежде, что та все решит за нее.

Оказалось, девушки были знакомы с детства: Леру определили вожатой в отряд в летнем лагере, где отдыхала четырнадцатилетняя Маша. А потом выяснилось, что они еще и живут по соседству. С тех пор Лера стала для Маши человеком, который всегда даст дельный совет, девчонки делились друг с другом самым сокровенным. Лера в ее двадцать два, как думала Маша, которой было всего восемнадцать, лучше понимает жизнь. Вроде как «жираф большой, ему видней».

Я еще приходил в себя от шока из-за нашей внезапной встречи. Вот это совпадение! Случайное ли оно? Может, это такая проверка? Как мне все воспринимать? Как реагировать? На меня снова нахлынуло чувство невероятной нежности, желание зарыться в ее волосы... Что она посоветует юной глупенькой девочке, которая угодила в тот же капкан? Похоже, она и сама ничего не знала.

— Лер, а Лер... Что скажешь-то? — Маша дотронулась до ее плеча.

— Ну что тебе сказать про Сахалин... — откликнулась та. — На острове хорошая погода.

— Вечно ты со своими шуточками. Я, наверное, лучше пойду, — она приподнялась с табуретки.

— Эй, Маш, ну ты только не обижайся! Не уходи, пожалуйста, — поняв, что пошутила невовремя, стала отговаривать ее Лера. — Давай лучше чаю попьем и подумаем вместе, как лучше поступить. Сама-то ты чего хочешь?

— Я не знаю, окончательно запуталась, — девушка села обратно. — Уже не знаю, хочу ли я ребенка или хочу все поскорее забыть, как страшный сон...

Вдруг рядом со мной я услышал какие-то странные звуки, как будто бы кто-то плакал, только очень тихонечко. Я присмотрелся — за тюлевой занавеской спряталась душа Машиного сына.

— Привет, почему ты плачешь? — спросил я его.

— Мне очень страшно. Я не хочу умирать... — всхлипнул он.

— Глупенький, души не умирают. Видишь меня? Лера могла бы быть моей мамой... Не сложилось. Но я жив!

— Да? — он недоверчиво посмотрел на меня, продолжая всхлипать. — А почему ты все еще здесь? Вы ведь уже не вместе...

— Сам не знаю, как так вышло. Мне дали задание спасти тебя, и вот я здесь. Где ты был-то?

— Летал... — рассеянно ответил он. — Ты можешь меня спасти?.. Значит, еще есть шанс, что Маша все-таки решится стать моей мамой?

— Шанс всегда есть. Слушай, а как тебя звать-то, какой твой номер?

— М-09071999.

— А меня зовут Мир. Я помощник ангела-хранителя Маши.

— А сам он где?

— Он занят. У него сейчас другие дела.

— Вот, наверное, потому такое и происходит, что он вечно занимается другими делами, а на нее, — он кивнул в сторону, где сидела его мама, — не обращает никакого внимания.

В глубине души я согласился с ним, но поддакивать не стал. Мне нельзя было порочить шефа, кроме того, Элиас был мне весьма симпатичен. Он, как и все люди, состоял из достоинств и недостатков. Вернее, одного недостатка: он никак не мог сосредоточиться на главном. А теперь еще, похоже, влюбился... Час от часу не легче. Нужно было срочно продумывать тактику дальнейших действий: как помочь Ольге избавиться от страха перед мужем и убедить Машу оставить ребенка. Груз небывалой ответственности буквально придавил меня: как я осилю все это? А тут еще Лера... Я и так часто думал о ней, а теперь она постоянно будет рядом. Слишком много всего!

— Я обещаю тебе, что и с тобой, и с Машей все будет в порядке и ты непременно родишься в свой срок. Когда он, кстати?

— Почти через семь месяцев.

— Ну вот. Значит, через семь месяцев.

Вдруг меня осенила одна мысль... Слишком сильно были похожи наши ситуации.

— Слушай, а тебе, когда ты встретил маму, понравился твой будущий папа?

— Не очень. Просто мама очень понравилась. А что? — он непонимающе посмотрел на меня.

— Похоже, мы сделали одну и ту же ошибку. Мне кажется, мы, будущие дети, чувствуем, с кем нашим мамам не по пути. Мы с тобой оба поторопились, и вот результат... Я ничего не смог поделаться: моя мама все решила в последний момент. Наверное, эти чувства — лишь иллюзия любви, а мы должны рождаться от настоящей. Тогда и у мам не будет таких сомнений. Ведь, когда любишь человека, неважно, рядом он или нет — не возникнет и мысли расстаться с его ребенком. Ты меня понимаешь?

— Кажется, да, — он немного повеселел.

Раздался пронзительный свист чайника. Лера выключила газ и встала, чтобы налить чая.

— Скажи мне, только честно, Лер, — ты не жалеешь о содеянном? — спросила Маша. — Мне нужно знать, чтобы понять, что я потом буду чувствовать.

Я слушал изо всех сил. Мне тоже было очень важно это узнать.

— Как тебе сказать, Маш... Даже не знаю. Я не знаю, что было бы, если бы я была беременна, а Витя закрыл бы за собой дверь и ушел. Что бы я думала, что чувствовала? Было ли бы мне больнее, чем сейчас?... Кругом одни «бы». Не попробуешь — не узнаешь.

— Да... — вид у девушки был очень задумчивый.

— Тут, наверное, нужно рассуждать, исходя из практических соображений, — сказала Лера. — Сможешь ли ты воспитывать ребенка одна да еще зарабатывать вам обоим на жизнь, учитывая, что с ним нужно будет неотлучно находиться рядом. Будешь работать дома? Ты ведь могла бы делать какие-то переводы с английского и французского. На это, наверное, можно как-

то жить. Но у тебя еще впереди четыре курса и диплом. Маш, но ведь рожают и живут как-то... Если верить фразе «Бог дает ребенка, Бог дает на ребенка», то надо рожать. Просто я — реалистка...

— Я не хочу «как-то». Не хочу, чтобы мы голодом жили. Что-то переводить, конечно, можно, но как дополнительный заработок. А так... кому я нужна-то буду? Без опыта работы, да еще с маленьким ребенком.

— А мама твоя что?

— Мама почти все время на работе, зарабатывает копейки. К перспективе стать бабушкой относится очень скептически.

— Значит, этого тыла у нас нет...

— Нет.

— А Коля точно не будет помогать, хотя бы финансово?

— Я тебя умоляю... Коля... — Маша усмехнулась. — Он послезавтра идет подавать на развод. Знаешь, у меня такое ощущение, что его приворожили... Слушай, — ее голос вдруг стал жестким, — я не хочу о нем говорить. Не возьму я от него ни рубля.

— Гордая! — Лера с улыбкой покачала головой.

— Слушай, у тебя есть что-нибудь выпить? — неожиданно поинтересовалась Маша.

— Но ведь тебе как бы нельзя...

— Так это ж «как бы». У меня, может, еще и не будет никого. Налей, если есть, а? Стресс снять.

— Водка, кажется, у отца была. Совсем немножко. Ты уверена, что хочешь этого?

— Да.

Лера полезла в шкаф и достала бутылку, в которой оставалось меньше четверти содержимого, и налила стопку.

— А чего я одна-то, как алкашка какая-то... Давай вместе.

— Ладно, — улыбнулась Лера. — Мне теперь уже тоже... можно.

Девушки чокнулись:

— За нас с вами и за хрен с ними, да, Лер? — как-то натянуто улыбнулась Маша и опрокинула стопку вовнутрь.

— Точно, — поддержала ее подруга. — Пусть он пребудет с ними.

— Ну, и сразу по второй, да? Между первой и второй...

— Перерывчик небольшой, — договорила за нее Лера.

Мы молча наблюдали за нашими горе-мамами, которые за несколько минут допили все, что оставалось в бутылке, закусив несколькими дольками яблока.

— Давай, звони своему волшебному врачу, договаривайся насчет меня, — вдруг произнесла Маша. — Не смогу я, не справлюсь... Да и водки уже выпила, теперь точно рожать нельзя.

— Машка, вот ты балда! Я ж тебя спрашивала!

— Да, Лер, я ж специально, чтобы уже точно, без обратного хода... Звони давай. Когда у него операционный день? В среду? Значит, послезавтра.

Маленькая душа М-09071999 на моих глазах буквально сжалась в комочек. Он как будто бы стал еще прозрачнее, хотя, казалось бы, куда уж еще... Благодаря нашему знакомству я с удивлением узнал, что мы, души, оказывается, можем плакать. Мои попытки его утешить ни к чему не привели, он плакал без остановки довольно громко. Я изо всех сил захотел, чтобы Маша его услышала.

— Лерк, у меня слуховые галлюцинации. Кажется, будто ребенок плачет... — и, уже захмелевшая, она тоже расплакалась.

— Ну, ну, будет тебе, — Лера стала гладить подругу по голове, приговаривая это с той же интонацией, с какой ее саму в детстве утешала бабушка, когда внучка разбивала коленку. — А знаешь, мне ребенок несколько раз снился, лежит такой, забавный, улыбается... Я считаю, сколько дней осталось бы до его рождения. Решила весной поехать и нацарапать на капоте Витиной машины «Катя. Апрель 2000».

— Надо скорее обо всем забыть. И тебе, и мне. Во сколько надо быть у профессора? В 9 утра? Поедешь со мной? — спросила Маша.

— Поеду, куда я денусь, не брошу же я тебя одну в такой момент. Хотя, сама понимаешь, воспоминания у меня об этом ме-

сте не самые радужные. Туда лучше не попадать больше одного раза. А еще лучше — вообще не попадать.

Зареванный М-09071999 сидел у Маши на коленях и молча смотрел на нее. У меня оставался всего один день, чтобы его спасти.

***

Приехав домой, Маша попыталась снова готовиться к экзамену, но сосредоточиться у нее так и не получилось. Приняв душ, она выключила свет и залезла под одеяло. Сосредоточиться на сне не получалось тоже. Она просто лежала с закрытыми глазами и думала о бренности бытия: о том, как все может измениться в одну минуту, и о том, как иной раз бываешь бессильной на что-либо влиять. Ей казалось, она хорошо знает своего мужа и может полностью ему доверять, но все произошло так стремительно, что у нее никак не получалось прийти в равновесие.

Принятое решение, с одной стороны, принесло ей изрядное облегчение, а с другой — мысль о том, что ей предстоит избавиться от своего ребенка, была ужасно болезненной. Она искала плюсы и минусы в ситуации, если б он все-таки родился. Плюсы находились больше из области метафизики, и минусы перевешивали. Предстояло засунуть эмоции куда подальше.

От усталости мысли ее стали путаться, и Маша постепенно уснула. Я находился в ее комнате вместе с М-09071999, который, устав сокрушаться о своей судьбе, тоже задремал.

Его мама видела сон. Она стояла босая посреди огромного поля с подсолнухами, многие из них были выше ее роста и больше походили на зонтики от солнца. Солнце только вставало, она шагала между толстыми шершавыми стеблями, раздвигая их руками с ощущением, что этот цветочный лес никогда не закончится. Девушка нагнула большой, круглый, как тарелка, цветок подсолнуха и, повернув его к лицу, глубоко вдохнула. От подсолнуха сладко пахло свежестью и спеющими семечками. Решив попробовать одну, она вдруг услышала детский голосок:

— Не делай так, мне будет больно!

На ее указательном пальце сидел ребенок лет пяти размером с эту семечку. От неожиданности Маша в испуге бросила его на землю. Сразу поняв, что совершила что-то ужасное, она бросилась на поиски упавшей «семечки». В поисках девушка ползала на коленях и, ей казалось, слышала детское всхлипывание. Она шарила руками по земле, но результатом этих усилий была лишь грязь на ладонях.

Потом Маша долго бежала по этому полю, раздвигая стебли подсолнухов, и ей все слышалось: «Мне будет больно»... Нагнув еще один подсолнух, Маша всматривалась в каждую семечку, но все они были самые обыкновенные. Девушка в отчаянии села на землю и вдруг почувствовала, что ее поднимает вверх какая-то непреодолимая сила. Она неожиданно обнаружила, что сидит на огромном подсолнухе, который растет со страшной скоростью, устремляясь прямо к облакам. Она почему-то совсем не чувствовала страха, будто в том, что происходило, не было ничего необычного. Подсолнух прошел сквозь облака, как самолет при взлете. Теперь перед Машей предстал некто в строгом костюме. Глядел он на нее тоже строго, как Господь Бог:

— Ты зачем бросила ребенка, Мария? — сурово просил он.

— Я не бросала... — стала оправдываться Маша.

— Почему же он пришел ко мне и плакал, что его бросила мама? При чем в прямом смысле — на землю!

— Я ненарочно, — Маша совсем растерялась. — Я думала, это просто семечко подсолнуха. Даже хотела его съесть.

— Съесть собственного ребенка? Недурно, недурно...

— Но я же не знала... Это ведь было просто семечко!..

— Деточка, вы, люди, многого не понимаете. А потом списываете все на то, что не ведали, что творили. Еще меня умиляет ваша фраза: «Человек предполагает, а Бог располагает», — с усмешкой произнес он. — Это далеко не всегда так. Ведь ты же не поверишь, если я скажу, что твой будущий ребенок станет талантливым художником. И тебе совершенно не надо бояться остаться одной — это не твой путь. Ты ведь все равно поступишь по-своему? И где же тут Воля Божья?.. Иди. И постарай-

ся больше не терять свое семечко. В нем начало и твоей новой жизни тоже.

Маша не успела ничего ответить, потому что подсолнух стал стремительно снижаться, и от ощущения свободного падения она внезапно проснулась. Сон запомнился ей целиком, от начала до конца, что бывало у нее очень редко.

По выражению ее лица я понял, что этот сон был хорошей идеей. Оставшийся день она должна провести наедине со своими новыми мыслями. Надеясь на счастливый исход моей задумки, я полетел домой к Ольге.

***

Оли и Пети дома не оказалось. За столом на кухне сидел Клим — в серой помятой футболке и черных джинсах. Волосы его имели весьма неухоженный вид, судя по всему, он их довольно долго не мыл, да и лицо было какое-то помятое. Клим с мрачным видом разглядывал фотографии. Те, где они были изображены вдвоем с Ольгой, разглядывал особенно долго.

— Обманываешь меня, значит... — вдруг произнес он вслух.

Взяв одну из свадебных фотографий, мужчина пристально смотрел на нее, будто пытался прожечь ее взглядом, и вдруг смял в кулаке. Испугавшись своего поступка, стал разглаживать, но ничего не получалось. Тогда он разорвал фото на мелкие кусочки и выкинул в мусорное ведро, чтобы уничтожить улики. Похоже, у него еще не было намерения окончательно что-то выяснить с женой.

Мужчина быстро оделся и вышел за дверь. Я проследил за ним. Он шел на работу в таксопарк, где работал водителем. Мне захотелось больше узнать об этом человеке, чтобы понять его, почувствовать... От него исходила явная угроза для Ольги и ее будущего ребенка. Как уберечь их, я пока не знал, это оказалась слишком сложная для меня задача. Похоже, Элиас взвалил на меня то, с чем сам боялся не справиться, — дело было вовсе не в отсутствии времени. Но задания не выбирают, и мне обязательно нужно пройти это испытание, чтобы быть вновь допущенным

к поискам. Необходимо все сделать правильно, ведь я очень хотел родиться!

Я решил раздобыть «досье» на Клим. Элиас должен мне в этом помочь. Его ведь тоже по голове не погладят, если что-то случится с его подопечными. Чтобы понимать, какую опасность представляет Клим, была нужна информация о его прошлом.

В нашей канцелярии на каждого заведена картотека, допуск к которой есть только у ангелов-хранителей, ибо они, собственно, ее и ведут. Вся информация хранится в специальных выдвижных ящиках. В такое хранилище, оформив специальный допуск к чужой информации под каким-то благовидным предлогом, пришлось проникнуть нам с Элиасом. Мы долго искали нужный ящик. В него так давно никто не заглядывал, что его задвинули довольно глубоко.

— А что случилось с ангелом-хранителем Клим? — поинтересовался я.

— Это секретная информация, — пожал плечами Элиас. — То ли его перевели куда-то, то ли он от него отказался, то ли был отстранен как не справившийся со своими обязанностями... Я не знаю. Странно только то, что больше никого не назначили. Ну как так, человек — и без ангела хранителя? Непорядок же! Все же система наша явно несовершенна...

Элиас нашел, наконец, необходимые нам карточки, и мы принялись читать.

«Климент Шелин. Родился 18 июля 1968 года в 4.25 в Челябинске».

— Какой период времени нас интересует? Тут есть 1–3 года. 4–7. 8–11. 12–15. И так далее. По три года, — Элиас быстро перелистывал странички, выхватывая информацию по кусочкам. — Та-а-ак... Мальчишка в 2 года остался без отца: тот погиб в автокатастрофе. Мать много работала, а в свободное от работы время — пила. В итоге мальчик с раннего возраста рос, в основном под контролем бабушки. С 10 лет он уже был фактически самостоятельным... О! Вот запись о его конфликте с матерью, когда ему было 13... Он просил — дословно — «прекратить пить

и водить в дом кого ни попадя». В ответ был послан, культурно выражаясь, пешим эротическим маршрутом. Склонный к агрессивной реакции на оскорбление, он...

Элиас умолк.

— Что там, что там? — заволновался я.

— Ничего хорошего... Он убил свою мать. А бабушка, случайно ставшая свидетельницей убийства, умерла от сердечного приступа. По возрасту и состоянию психического здоровья от наказания был освобожден, пятнадцать лет провел в психиатрической больнице, потом здоровье улучшилось, и он был выпущен на свободу под наблюдение врача.

— Какой ужас...

— Несколько лет Клим жил один в своем старом доме, регулярно наблюдаясь у психиатра, а когда ему исполнилось 35, переехал в Питер, где жил его двоюродный брат, решив начать все с нуля. Я помню их знакомство с Ольгой: она голосовала, а он ехал мимо и подвез ее, взяв вместо денег номер телефона. Тогда он показался мне неплохим парнем. Я же ничего не знал о его прошлом. Да и вел он себя совершенно иначе...

— Второе дно?

— Возможно... Ольга, похоже, тоже не в курсе, ведь все было в его родном городе, а он предпочел скрыть свое прошлое. Рассказал ей, что он сирота и воспитывался в детском доме. Она поверила на слово, да и какой девушке придет в голову это проверить? Оля по характеру напомнила Климу мать, когда та бывала трезвой. Добрая и покладистая, она сразу покорила его тем, что была хорошей хозяйкой, а когда родился Петька — тем, что стала замечательной матерью для их сына. Уже с двух-трех лет водила парнишку на разные занятия: спортивные, музыкальные... Клим, правда, не слишком это одобрял, не понимал, зачем все это нужно. Особенно его раздражает музыка — один из собутыльников матери, выпив, всегда играл на гитаре. Год назад выступал категорически против покупки пианино, но Ольга его послушалась, и теперь он не дает нажать ни одной клавиши в своем присутствии. Ведет себя как домашний тиран. Да еще и занимается

эмоциональным шантажом. Вот тут значится, — ангел ткнул пальцем в нужную строчку, — что она пыталась вернуться к родителям два года назад из-за его пьянства, но он сказал, что если она уйдет, он повесится. И Ольга осталась. Да... Похоже, он психологически зависим от жены.

— Мы как будто детективы, да, Элиас?

— Да, Мир, — ангел дружелюбно потрепал меня по месту, где у людей находятся волосы на голове. Мы можем представлять друг друга такими, какими захотим. Элиас видел меня рыжим, кудрявым и веснушчатым подростком в зеленых штанах с дыркой на колене, просто я этого не знал. Он рассказал мне об этом гораздо позже. А я все не мог понять, почему он так часто улыбается, глядя на меня.

— Каков будет план наших действий?

— Тут так быстро не решить, нужно все хорошенько обдумать, может, даже посоветоваться с товарищами... Ты пока просто наблюдай за ними и, если заметишь что-то подозрительное, — сразу сообщай мне, понял?

— Так я уже заметил...

— ??? — Элиас вопросительно посмотрел мне в глаза, потом перевел взгляд на мое «колено».

— Он фотографию порвал, где они вместе. И сказал, что убьет...

Элиас молчал минуты две. Я ждал, когда он произнесет первое слово. Но, видимо, мысль, которую он обдумывал, настолько отвлекла его от моего присутствия, что ангел вдруг раскрыл крылья и полетел в неизвестном мне направлении. Да, он был точно не в себе. Или — наоборот — в себе? Поэтому и не слишком обращал внимание на то, что творится вокруг. Вот угораздило же такого ангела стать хранителем! Да его самого надо охранять...

Я хотел полететь за ним, чтобы проследить, куда он направляется, но быстро потерял его из виду. Не зная, что делать дальше, я, как птица, сел на ветку дерева и задумался о бренности всего сущего... Суета суетой, но задуматься иногда полезно. Я настолько запутался в своих делах и чувствах, что мне был нужен

чистый лист бумаги и ручка, чтобы многое записать, а лучше — сделать таблицу... Но, увы, приходилось все держать в голове.

Итак, подумал я, что же ужасного происходит? Да, в сущности, ничего. Ну, разве что, кроме моей личной трагедии. Но ведь это уже случилось, так что думать об этом с непреходящей грустью — занятие неконструктивное. Лучше — понять свои ошибки и извлечь из них урок. Вот это будет правильно. И каков же урок на будущее? Надо выбирать себе сразу обоих родителей, а то, получилось, запал на маму, и вот оно как вышло... И еще чтобы в отношениях между будущими родителями не было трещины: ведь, когда ее нет, не факт, что она появится, а когда она уже есть, то в любой момент может увеличиться. «Я помню все твои трещинки, пою твои-мои песенки... Почему?» — эту песню Лера слушала довольно часто, как и другие песни своей любимой певицы — как там ее, что-то на «З»... Какую-то сладость напоминает. Зефир, кажется... Тьфу, какой зефир, — Земфира! Я много ее песен запомнил за то время, пока мы были вместе:

Ты — белый и светлый,
 Я — я темная, теплая.
 Ты плачешь — не видит никто,
 А я — я комкаю стекла, дура.
 Ты так откровенно любишь,
 Я — я так безнадежно попала.
 Мы — мы шепчем друг другу секреты,
 Мы все понимаем, и только этого мало...

Я помню, как Лера плакала, слушая эти слова, когда ниточка, связывающей нас, оставалось быть натянутой всего сутки — чтобы мы могли попрощаться.

Мама, почему?..

Я — белый и светлый — плакал.

Этого никто не видел.

***

Лера занималась мазохизмом, вновь и вновь слушая песни, от которых становилось только больнее:

...Больно бывает не только от боли.
Страшно бывает не только за совесть.
Странно, опять не хватило воли.
Я множу окурки, ты пишешь повесть.

«Жаль, что я не курю, может, помогло бы, — подумала она. — Есть в этом что-то красивое: мять в руках окурки за окурком с написанным на лице неуспехом в поисках смысла жизни... Черт, и Машку жалко. Совсем молодая еще».

Маша после разговора с Лерой изо всех сил старалась настроиться на то, что решение принято и обратного пути нет, но сон о подсолнуховом поле и визите ко Всевышнему произвел на нее очень сильное впечатление, и все утро она была сама не своя. У Маши оставались всего сутки до роковой для М-09071999 операции. А еще через день в Университете должен был состояться довольно сложный экзамен, и девушка пыталась к нему готовиться. Знания в голову, забитую другими мыслями, никак не шли, и весьма способная в других обстоятельствах студентка старательно строчила шпаргалки. В плюс ко всем внешним проблемам беременность тоже не была безоблачной, и Машу часто тошнило: примерно раз в полчаса приходилось отвлекаться на то, чтобы бежать к унитазу. Иногда позывы оказывались ложными, но так было еще противней.

— Ничего, сегодня последний день, — подумала она после очередной пробежки до туалета и обратно. — Завтра это закончится... Потом — развод, буду учиться, получу диплом и уеду куда-нибудь из этой гребаной страны к чертям собачьим. И гори тут все синим пламенем. Вместе с моим бывшим муженьком.

Она снова села за шпаргалки. Душа ее сына, со вчерашнего дня уже переставшая верить в то, что у них есть совместное будущее, плакать перестала и просто безучастно смотрела на свою маму. Он был уже не в силах подать никакого знака... Да и что тут сделаешь?.. Устроишь, чтобы у соседней неожиданно громко включилось радио в момент припева «Твой малыш растет не по годам»?.. Весьма сомнительная затея.

М-09071999 впал в апатию. Я ничего не мог поделаться с его настроением и наказал надеяться на чудо, заверив, что чудеса иногда случаются. Он грустно усмехнулся. В его усмешке я услышал: «Посмотри на себя, чудо не случилось...»

Ближе к ночи зазвонил телефон. Мы слышали только ответы, но вопросы были очевидны, и о том, кто звонил, можно было сразу догадаться:

— Нет, не передумала... Да, подумала хорошо... Слушай, да все уже, не надо, не говори ничего, поболит и перестанет. Ну что такое душа, может, это вообще миф, — кто ее видел хоть раз? Окей, завтра еще поговорим. Да... Да, в 8.30 на Мужества.

Так Лера, сама того не зная, попыталась мне помочь.

— На Мужества, — повторила Маша самой себе, положив трубку. — Надо его еще накопить, мужества-то...

Совершив все необходимые приготовления ко сну, девушка легла спать. Этот вечер от всех остальных вечеров отличало лишь то, что вместо учебников и тетрадей ей нужно было положить в рюкзак халат, ночную сорочку, тапочки и чистые носки.

Ночью ей приснился собственный округлившийся живот, в который изнутри толкала маленькая детская ладошка — через кожу проступал каждый пальчик. Это была последняя попытка М-09071999 достучаться до маминого сердца, уже особо не надеясь. Бывает, мы присылаем подобный сон еще до зачатия, когда хотим сказать: «Я рядом».

***

Я нигде не мог найти Элиаса, он куда-то пропал. Новой встречи мне назначено не было, как не было никакого плана действий. На связь ангел не выходил. Значит, придется самому.

С раннего утра пришлось буквально реанимировать М-09071999, чтобы он мог лететь. Бедняга был уже не борец. Я изо всех сил пытался сообразить, какой знак подать этой милой девушке, чтобы как можно быстрее изменить ее решение. Влиять на ее «благонверного» я, к сожалению, не мог, а ведь именно он мог бы мне помочь.

Обменявшись «приветами», Маша с Лерой молча дождались троллейбуса и половину дороги до клиники ехали молча. Я смотрел на Леру и видел, что ей еще тяжелее, чем Маше. Мне было очень жаль ее. Это как если на Голгофу отправляли бы еще раз, через две недели.

— Чувствую себя твоей мамой, — сказала она Маше перед кабинетом, попытавшись улыбнуться.

— А я себя уже никем не чувствую. Пустое место. Скоро будет еще пустее, — ответила та.

Они зашли в кабинет профессора вместе.

— Здравствуйте, Сергей Александрович, — улыбнулась Лера доктору.

— Ой, привет-привет! — сразу узнал он свою недавнюю пациентку. — Ну, как чувствуешь себя? Что-то беспокоит?

— Скорее, кто-то. Вот — подругу к вам привела: вляпалась в аналогичную ситуацию, что и я...

— Ну что ж вы так, девоньки... — доктор был сама душа. — Как зовут подругу-то? — он попросил медсестру завести новую карточку. — Иди, Мария, на кресло, я тебя посмотрю, — обратился он к Маше. — Подождешь в коридорчике? — вопросительно взглянул он на Леру. Та, кивнув, вышла.

Маша вернулась из кабинета, держа в руках несколько бумажек. Профессор выглянул в коридор и сказал Лере:

— Вот, сходи с ней на первый этаж, кровь сдайте. Мазок я взял. Квитанцию надо в кассе оплатить и принести мне. В общем, ты же все знаешь, проводишь.

— Провожу.

— А как твой парнишка-то? — вдруг поинтересовался он. — Совесть не мучает?

— Он больше не мой, — отрезала Лера. — С того дня не виделись.

— Ну и правильно. Не расстраивайся. Другого встретишь, понимающего! — он похлопал ее по плечу. — Не ошибись только. Не надо больше операций... В следующий раз непременно рожай!

— Обещаю, — грустно улыбнулась она. — Непременно рожу. — От такого самовнушения Лера вдруг повеселела. Ее изображение мгновенно возродило сознательно затоптанную картину, как она, наконец, станет матерью. — А вы роды, кстати, принимаете? Я бы только у вас рожать хотела!..

— Нет, роды я не принимаю, но посоветую тебе одного хорошего врача, когда придешь, — он говорил как о решенном вопросе.

— А чего не прийти — приду, — в ее улыбке уже не было грусти. — За советом.

— Ну, бегите, через полчаса операции уже. Сегодня шесть пациентов. Первой пойдешь? — обратился он к Маше. Та неуверенно кивнула. — Давай, беги кровушку сдай.

На Маше не было лица. Вернее, оно, конечно, было, но очень бледное и испуганное.

— Лерка, мне страшно, — сказала она, сжав подругу за запястье. Девушки ждали своей очереди у двери в лабораторию, — перед ними были еще две женщины.

— Представляю, ты ж в первый раз... Постарайся взять себя в руки, представь, что это скоро закончится. Выйдешь отсюда и начнешь новую жизнь, — попыталась утешить ее Лера.

— Что-то не получается, — Маша почти дрожала, — успокоиться...

— Все будет хорошо, — без этих банальных ни на чем не основанных слов, не обходится ни одна подобная история, и Лере тоже пришлось их произнести. — И хотя наверняка этого никто не знает, я уверена, что у тебя — точно все будет хорошо! — она положила свою руку на руку подруги. Машины пальцы были ледяными.

— Знаешь, насчет «хорошо»... Мне тут сон вчера снился... — начала Маша.

— Иди, лампочка мигнула, — Лера подтолкнула подругу, задав ей направление. — Выйдешь — расскажешь.

Маша исчезла в кабинете.

— Всё-ё-ё-ё... Я погиб!.. — послышалось у меня в ухе.

М-09071999 снова разревелся.

— Успокойся, у меня есть одна запасная идея. Ты разве не видишь, — она еще сомневается?

— Но ведь все равно все происходит...

— Но титры же пока не идут! — повысил я голос, чтобы привести его в чувство.

Не факт, что он понял, что я сказал, но, наверное, решил, что титры — это что-то очень важное, и пока они не идут, все еще можно исправить.

— Спаси меня!.. — умоляюще произнес он сквозь слезы.

— Тогда немедленно перестань плакать, — сказал я строго. Я был старше и мудрее, и я через это уже прошел. — Слезы — это неконструктивно.

— Работаем кулачком, — получила в это время Маша указание медсестры. Выше локтя на правой руке пациентки она туго завязала резиновый жгут.

Пока медсестра искала вену, девушка, чтобы не видеть процесс, смотрела на картину, где были нарисованы подсолнухи в вазе. Когда у нее брали кровь, Маша просто не могла оторвать от них глаз. Как все закончилось, она вышла, зажав руку в локте.

— Теперь в кассу? — уточнила она у Леры, которая уже была готова идти.

— Да, она тут рядом, пять метров.

— Я хочу немного посидеть, — она посмотрела на подругу умоляющим взглядом и потянула за рукав, садясь обратно на то же место. Лера осталась стоять.

— Окей. Но у нас мало времени, если ты хочешь идти первой.

— А я хочу идти первой? — она подняла на Леру глаза, как будто та знала ответ.

— Я не знаю... Решать тебе. Я всегда предпочитала первой идти отвечать на экзамене, чтобы долго не сидеть и не волноваться.

— А... — Маша, похоже, была в прострации.

— Ты про сон что-то говорила... — Лера присела рядом с ней.

— А, да... Мне вчера приснился сон, как будто я на поле, где растут огромные подсолнухи, я сорвала один, а там оказался маленький ребенок. Размером с семечку. Он сидел у меня на пальце, а я испугалась и сбросила его. А потом найти никак не могла. И еще Бог снился.

— Бо-о-ог?.. — удивленно протянула Лера.

— Да. На нашего завкафедрой похож, в костюмчике, деловой такой. Велел еще раз обдумать все, вроде как ошибку я совершаю.

— Не убедил?

— Не знаю. Еще сказал, что мальчик будет у меня и он должен стать известным художником.

— Вот это сон! Мне б такое приснилось в свое время... А то снилась девочка, но уже постфактум, и от этого еще горше.

Я удивился. Я не знал об этом Лерином сне. Не я был его генератором. И почему девочка... странно. Это была, видимо, какая-то область ее подсознания, в которую я так и не добрался. Область мечты. Она же хотела девочку Катю. Вот бы был сюрприз, когда б ей сообщили, что Катя — мальчик...

— Знаешь, — Маша вдруг впала в какое-то смятение, — я ему позвоню.

— Мужу?

— Типа мужу.

— Зачем?

— Пусть знает, где я. Он же на развод, наверное, сейчас подает.

— Ну, позвони, — только что это даст?

— Подожди меня тут, — и Маша, набрав номер, отошла на несколько метров к окну.

— Ладно... — Лера осталась на месте. Я решил побыть с ней. Несмотря на то, что случилось с нами, мне было по-прежнему тепло и хорошо находиться рядом. И еще я ужасно устал слушать чужие разговоры. От меня уже ничего не зависело: я сделал свое дело — это были не случайные подсолнухи из сна, изображенные на картине в лаборатории. Я был уверен, что они

должны сыграть свою роль. И с Машей уже явно что-то происходило... До меня доносились обрывки ее телефонного разговора. Девушка говорила довольно громко, на пределе эмоций, иногда срываясь на крик:

— Значит, уже написал, да? То есть тебе совершенно плевать, что это наш ребенок и его не станет? Ты понимаешь, где я сейчас, ты это хорошо понимаешь? — видимо, разум ею уже не руководил.

Похоже, звонила она раза два или три. Я видел, как она снова и снова нажимает кнопки.

К Лере подошел Сергей Александрович.

— Она готова? — кивнул он в сторону Маши.

— Похоже, первой не пойдет, — ответила Лера.

— Понятно. Ну, значит, второй?..

— Наверное... — голос ее звучал весьма неуверенно. — Мы скоро подойдем.

— Хорошо. Я буду выходить и вызывать, — он скрылся за белой дверью с табличкой «Операционная».

Я почему-то совершенно не испытывал отрицательных эмоций к этому милому господину, хотя именно его рука окончательно решила мою судьбу... И, если мой план не сработает, сейчас решит и судьбу М-09071999. Его, кстати, нигде не было видно. Наверное, захотел побыть один.

Маша вернулась с красными пятнами на лице.

— Тут можно где-нибудь кофе попить? — спросила она Леру. — Мне нехорошо, обязательно нужно кофе попить, — повторила она. — И еще посидеть спокойно, в тишине. Но не здесь.

— В вестибюле есть кофейный автомат.

— Пошли?

— Пошли.

Вместо кофе Маша неожиданно взяла горячий бульон из кубика с куриным вкусом. Лера присоединилась к ее выбору. Выпив глоток, она первой нарушила тишину:

— Ну и...? Я уже боюсь тебя спрашивать. Что он сказал? Ты передумала?

— Этому козлу все похрен, — зло процедила Маша. — Он как раз сейчас сидит в очереди, чтобы отдать заявление о разводе. То, что сейчас со мной происходит, цитирую дословно, — «мои личные проблемы».

— И что ты тогда дергаешься?

— Я не знаю... Лерка, мне кажется, я не могу-у-у-у... — ее глаза и голос наполнились слезами. — Я не могу его убить. Это же мой ребенок!

— Твой. Но ведь может быть и другой? Когда рядом с тобой будет нормальный мужчина, а не этот малодушный урод! Я уверена, что у меня обязательно будет ребенок, хоть и сама побывала здесь всего неделю назад...

— Будет... А этот? Он же живой. Говорят, у них на сроке восемь недель уже много чего сформировано. Да и душа у него наверняка есть...

— Есть, есть! — крикнул из-за ее плеча М-09071999. От страха он стал настолько маленьким, что я его даже не заметил.

— Ох, смотри сама, Машкин, жизнь-то твоя... — Лера немного помолчала. — Ты точно все решила?

— Не-е-ет... Не решила я ничего-о-о, — она разревелась. — Я вообще не знаю, что делать...

— И я не знаю, — Лера взяла ее за руку. Так они просидели еще минут десять. — Маш, надо все равно пойти к операционной, сказать что-нибудь, тебя ведь ждут, ты записана.

— Да, пойдём, — Маша решительно встала из-за столика, взяла два коричневых пластиковых стаканчика из-под бульона и выбросила в ведро. — Но я сейчас еще раз ему позвоню.

— Машка... Ну зачем?! — попыталась остановить ее Лера.

— Позвоню, — упрямо повторила та.

Лера вздохнула. Я вдруг неожиданно, сам не понимая, как это возможно, снова услышал ее мысли: «А что если бы я тогда ничего не стала делать? Зашла бы внутрь, договорилась с Сергеем Александровичем, чтобы все инсценировали... Вывезли бы меня через полчаса на каталке. Витя ничего бы не знал, а я бы родила... И был бы только мой ребенок. Чего я так испугалась,

почему поменяла свое решение, ведь хотела же оставить... Дура я. Дура! Да и сейчас не поумнела: рисую в голове какие-то дурацкие картинки из непрожитой жизни... А Машка пусть делает, что решит. Похоже, она сильнее меня...»

Ее размышления прервал Машин крик:

— Ты самая настоящая сволочь, знай об этом! Я ничего не буду делать с ребенком! А если и буду, виноват будешь ты, и, я надеюсь, твоя совесть будет постоянно напоминать тебе об этом. Хотя... у тебя же ее нет... — она бросила трубку.

Маша звонила мужу несколько раз, — ей было очень плохо. За это время из операционной на каталке вывезли четырех женщин. Все они спали. Вскоре оттуда выглянул профессор Жигалов и сообщил, что он собирается отпустить анестезиолога.

— Милая барышня, ну что Вы решили? Операцию будете делать?

Маша молчала. Лера, пожав в ответ плечами, сама обратилась к подруге:

— Ну что? Нет?

Ответом ей было отрицательное мотание головой.

— Нет — не будем или нет — будем?

— Нет — не будем, — упрямо буркнула будущая мать тоном маленькой обиженной девочки. — Рожу. И пусть бегаёт!

Сергей Александрович понимающе кивнул и вернулся в операционную.

М-09071999 сиял от счастья, освещая своим сиянием зареванное Машино лицо. Этот свет заметил не только я, но и Лера тоже. Когда они вышли на улицу, она сообщила подруге, что лицо у нее стало «какое-то другое». Маша тоже была счастлива. Ее будто отпустило. Она все время повторяла «...и будь что будет!», пока они шли по проспекту к автобусной остановке. В витрине магазина цветов, мимо которого они проходили, за стеклом в стеклянной вазе стояли искусственные подсолнухи.

— О, хочу такие себе домой, — давай зайдём купим? — потащила она подругу ко входу в магазин.

— Давай. Что, похожи на те, из сна? Молодец, практичный выбор, такие никогда не завянут! Будешь на них смотреть и настаиваться на благополучные роды?

Обе девушки рассмеялись.

С букетом из пяти «вечных» подсолнухов они доехали до станции метро «Василеостровская», где жила Маша.

— Подожди, — вдруг остановилась Лера. — Теперь пойдем в детский магазин.

— Зачем? — удивилась подруга.

— Хочу купить подарок твоему малышу. Чтобы ты уже точно не передумала. Коль решила — иди до конца. И плевать на всяких Коль! — она пожала Машину руку. — Ты молоток, уважаю.

— Слушай, да какой я молоток... Я вообще не знаю, как теперь жить буду. Еще учиться и учиться, экзамены, диплом... Надо деньги зарабатывать, а тут ребенок маленький...

— Если надо будет посидеть — говори мне. У меня, правда, мало опыта, но, надеюсь, справлюсь, — предложила Лера. В магазине она купила слинг и прорезыватель, который был одновременно еще и погремушкой в виде медвежонка.

— В слинге легче будет таскать младенца. Привяжешь к себе, а в зубы дашь вот эту функциональную погремуху, — объяснила она назначение предметов, вручая Маше пакет. — Подарок от будущей крестной. Хотя нет, я недостойна быть крестной ребенка, которого не советовала рожать.

— Перестань. Ты была права. Это я дура.

— Никакая ты не дура, ты наверняка все правильно сделала. Вот сбудется твой сон, вырастет из малыша второй Ван Гог, и нам будет страшно представить, что сегодня утром мы могли бы оставить мир без его бессмертных полотен!

— Лерка, ты прелесть, — Маша обняла подругу.

— Я знаю, — хихикнула «прелесть». От улыбки в ее глазах заблестел мой любимый озорной огонек.

Девушки выглядели, как сестры. Одного роста, у обеих — светлые волосы: у Леры — стрижка, у Маши — собранные в хвост. Обе одеты в похожем радостном стиле: Машу украшала

все та же шапочка с помпоном, а на Лере были узкие темно-красные брюки, легкая оранжевая куртка и разноцветный шарфик.

Я смотрел на нее и изо всех сил старался запомнить: хоть и не рыжеволосую, но все равно яркую. Теплую, как солнце. Она была удивительная. И я давно простил ее.

Наша случайно-неслучайная встреча продлила время моего с ней общения. «Теперь точно всё...» — подумал я.

Подруги зашли в подъезд. На этот раз мы не последовали за ними.

— Спасибо тебе, если бы не ты, Мир... — душа будущего «Ван Гога номер два» приблизилась ко мне с таким видом, будто хотела пожать мне руку.

— Не за что. Это теперь моя работа, хоть за нее и не платят. Но идея с подсолнухами была хороша, сам горжусь!

— Да-а-а... Когда появлюсь на свет, а потом вырасту, а потом стану знаменитым художником, обязательно нарисую картину с целым полем подсолнухов и посвящу ее тебе! — пообещал он.

— И как я об этом узнаю? — ехидно поинтересовался я.

— К тому времени ты ведь наверняка тоже будешь человеком. И когда увидишь картину из того сна, знай — я ее автор, — по-доброму ответил он.

— Хорошо, — мне стало веселее. — Договорились, господин Ван Гог-второй.

М-09071999 полетел к остальным. Ему было необходимо поделиться своей радостью. Забавный будет пацанчик, подумал я, глядя ему вслед, — творческий. Жаль только, быстро сдается. Но при правильном руководстве толк наверняка будет.

Я видел, как его обступили другие будущие мальчишки и девочки, а он взахлеб рассказывал всем свою печальную историю, внезапно увенчавшуюся хеппи-эндом. Я несколько раз слышал, как он произносил мое имя.

Мне самому почему-то не хотелось общаться с ними. Что я им скажу? У нас теперь разные занятия. Это как встреча бывших одноклассников: вроде любопытно, но зачем все это — не-

понятно, — по большому счету, пустая трата времени. У меня были дела поважнее.

Теперь первым пунктом в списке стали Владимир и Ольга. Я с первого взгляда испытал симпатию к этому голубоглазому парню с открытым сердцем и именем, частично совпадающим с моим. Я был просто Миром, а он как будто бы Миром Владел. На минуту у меня даже возникло ощущение, что я знаю его...

Надо было помочь этому незадачливому «владельцу мира» вернуть потерянную веру в себя. Это возможно, если Ольга, наконец, примет решение в его пользу. Как значилось в досье Владимира, совсем недавно, до знакомства с ней, из-за одиночества у него возникали мысли о самоубийстве. Это обстоятельство вдруг напомнило мне телефонный разговор Леры с одним своим другом, который говорил ей о своем одиночестве и о том, что ему иногда так плохо, что он готов шагнуть из окна. Помню, тогда она очень на него рассердилась и даже в шутку припугнула тем, что в таком случае на похороны он может ее не ждать. Я ни разу так и не видел его, только запомнил, что Лера называла его «Вофка». Интересно, это имя или прозвище?.. Для имени уж больно смешно звучит.

***

Владимир ехал в своих стареньких желтых жигулях и напевал под нос какую-то песенку. Судя по всему, настроение у него было не самое плохое. На присоске, прикрепленной к зеркалу, раскачивалась оранжевая картонная елочка, от которой почему-то пахло не елью, а кофе. Его свежевыбритое лицо отражалось в зеркале, где должен был отразиться и я, но я себя не видел. Моя внешность, когда я вижу себя сам, не поддается описанию, ибо описывать, по сути, нечего. Вот если бы здесь был Элиас, он, может быть, что-нибудь рассказал о моей внешности, какой он ее видел. Но шефа опять где-то носило, — Владимир и Ольга были полностью поручены мне. Обещанный стратегический план тоже носился непонятно где вместе с тем, кто обещал его придумать. Надо было выработать свою стратегию. Быть может,

надоумить Володю поговорить с Климом? Идея, в принципе, правильная, но при условии, что оба — люди адекватные. А данный факт был под большим сомнением. Убивший единожды может убить снова.

У Владимира зазвонил мобильник:

— Привет, солнце, как дела? Да, надо будет как-нибудь встретиться, наконец. Сроду такого не было, чтобы мы так долго не виделись, замотался совсем с работой... — он молчал примерно полминуты, слушая ответ. — Знаю, прости, что не был рядом, пожалуйста, не обижайся! — видимо, та, что звонила, упрекнула его в невнимании к своей персоне. О том, что это женщина, я сделал вывод по слову «солнце» — мужчины так друг друга не называют. — Я каждый раз, как в машину сажусь и начинаю вдыхать запах твоей оранжевой елочки, думаю, что надо тебе позвонить и заехать, и все что-то мешает...

Я никак не мог понять, кто может быть на другом конце провода. Голоса я не слышал, и терялся в догадках: сестра? «запасная» возлюбленная?

— Может быть, встретимся все вместе, сходим в кафешку? — продолжал он. — Ты, я и Ольга. Ты с ней, кстати, давно говорила? Она никак не может решиться уйти от мужа, — может, поговоришь с ней?

Похоже, звонит подруга Ольги. Но тогда почему ему? И почему он называет ее Солнцем и извиняется за то, что они давно не виделись?..

— Слушай, меня инспектор тормозит, — созвонимся попозже, хорошо? — быстро свернул разговор Володя.

— Ваши документы, пожалуйста, — подошел к окну со стороны водителя человек в форме. Его лицо показалось мне знакомым.

— Вот, — Володя вышел из машины и показал ему маленькую карточку и еще какие-то бумаги.

— Права просрочены, — констатировал инспектор ГИБДД.

— Как просрочены? Этого не может быть!

— А посмотрите внимательно.

Володя взял из его рук карточку и глаза его округлились от удивления.

— Но погодите... Это какая-то ошибка! Здесь должна быть указана другая дата, я три года назад менял права.

— Не верите глазам своим?

— Получается, нет. Ведь этого не может быть! Мистика!

— Вещи не всегда такие, какими кажутся, — ГИБДДшник был странный, говорил загадками.

«Что это за служба такая? — подумал я. — По предупреждению граждан? Может, у них с нами подписан какой-то тайный договор? Интересно, о чем будет предупреждать...».

— И что мне теперь делать?

— О, вот это уже хороший вопрос... Что нам теперь делать?

— Денег у меня всего сто рублей.

— Я вас умоляю... Оставьте деньги себе, вам они нужнее.

Глаза у Владимира стали еще удивленнее, по всей видимости, бескорыстные инспектора прежде ему не встречались:

— Извините, я просто немного в шоке, ибо это в самом деле настоящая мистика.

— Хорошо, пусть мистика, — что ж тут плохого? Может, вы бы завтра вместе с вашей девушкой на вашем авто разбились на Колокольной улице вот прямо здесь, на этом месте, если бы сегодня не выяснилось, что права просрочены...

Володя не знал, что отвечать.

— Кто-то еще в машине есть? — зачем-то поинтересовался проверяющий.

— Никого.

Чудак-инспектор заглянул внутрь. Его лицо определенно мне кого-то напоминало. А еще мне вдруг показалось, что он подмигнул, будто увидел меня.

— В общем, так, дорогой Владимир Алексеевич, права я вам верну, штраф выписывать не буду. Однако имейте ввиду, что за руль завтра вам садиться ни в коем случае нельзя. Вечером еще раз взгляните на дату, вдруг она снова изменится... Сейчас можете ехать спокойно, сегодня никто вас больше

не остановит, но завтра — не ваш день. И моя задача — предупредить об этом.

— Спасибо, конечно, но... — Володя был совершенно обескуражен, — что, нынче у вашей службы появилась способность предвидеть будущее? Это платная услуга?

Мужчина в форме расхохотался очень знакомым мне смехом.

— Первый раз — бесплатно! Акция! — он козырнул и шаркнул подошвой об асфальт.

— Может, еще скажете, как жить дальше? — окончательно распоясался неоштрафованный.

— Скажу. Решительнее. Вот прямо сейчас позвоните своей любимой девушке, велите ей собрать вещи, поезжайте за ней и увезите всех троих с собой. Если медлить — может случиться непоправимое. Но помните — ни в коем случае не завтра! И вообще, будьте осторожны каждого восьмого числа: существует повышенный риск для жизни. Нет, все-таки кто это у вас там в машине?

Вконец обалдевший Володя повернулся ко мне и поэтому не видел, как его ангел-хранитель в форме сотрудника ГИБДД раскрыл крылья и моментально взмыл ввысь. Bravo, Элиас! Ну и выдумщик! Я от всей души веселился и мысленно аплодировал шефу. Все же не окончательно забросил он свои обязанности.

***

Петька вприпрыжку бежал впереди своей крестной. Сегодня мама задерживалась на работе и не смогла сама забрать его из детского сада, поэтому он думал, что они с крестной идут в Центр развлечений, к его любимым игровым автоматам. Крестная всегда позволяла то, против чего обычно выступала мама. Из-за этого они периодически спорили, но запасная мама всегда побеждала в спорах.

— Ребенку нужно иногда развлечься, не все же в садике есть-спать-гулять и в выходные дома жить по той же схеме. Пацану нужны впечатления: театр, кино, игровые автоматы!.. Ты бы ви-

дела, с каким азартом он бьет молотком по тараканам, которые вылезают из-под какой-то железяки, — убеждала она Ольгу. — Бах! Бах! Тут не только скорость реакции развивается, но и количество агрессии в ребенке уменьшается! Пусть он лучше тараканов за сорок рублей всех перебьет, чем понаставит синяков ребятам в группе, а тебе потом с родителями разбирайся. Верно я рассуждаю?

— А... — Оля махнула на нее рукой. — Ты всегда подведешь нужную базу и уверена, что твое мнение — единственно правильное. А компьютерные игры во всякие дурацкие машины? Они ведь там в избытке!

— Ну, подумаешь, сыграет пару раз. В аэрохоккей мы с ним режемся гораздо чаще — вот точно удивительно азартная игра! Самой нравится.

Так их походы в Центр развлечений быстро стали традицией. Несколько раз она покупала билеты на детские спектакли, куда они шли вдвоем или втроем. Мальчик очень любил свою крестную, и это чувство было взаимным.

— Эх, Петька, Петька... — сказала она ему в этот раз. — Прости, друг, не пойдем мы сегодня играть на автоматах, я в финансовой дыре. Давай я тебе просто мороженое куплю и сухариков твоих любимых, а потом в парке погуляем, подождем маму. Она должна уже скоро прийти.

— Ладно, — Петька немного расстроился, но старался не подать виду. Однако крестная заметила, как погрузтел его взгляд.

— Ну, не огорчайся, малыш, в следующий раз непременно пойдем. А еще, знаешь, летом в день рождения можно будет в ЦПКиО на аттракционы съездить — там для именинников целый час катания — в подарок!

— Здорово! Хочу! Хочу! — запрыгал на месте мальчуган.

Они уселись на лавочке в парке и стали грызть сухарики.

— Петь, а как ты относишься к тому, что у тебя скоро будет братик или сестренка?

— Хорошо. Буду помогать менять подгузники! — важно заявил он.

— Вот это ты молодец! — одобрительно похлопала его по плечу крестная мама. — Надо тебе будет куклу подарить и пачку памперсов, чтобы к тому времени, как сестренка родится, ты уже все умел.

Петька поглядел на крестную и захихикал.

— Шу-у-утишь... — сощурил он глаза.

— Ты что-о-о, — передразнила она крестника. — Ни в коем случае! С ближайшей же зарплаты пойду и куплю. Мама даст тебе мастер-класс, и будешь тренироваться. А вот, кстати, и она.

По аллее шла Ольга в туфлях на невысоком каблуке, сером коротком плаще и небесно-синем шарфике. Ее волосы трепал легкий ветерок. Она выглядела очень красивой и такой невесомой, будто вот-вот взлетит вместе с его дуновением. Петька с криком «Мама!» побежал ей навстречу и обнял.

— Привет, — сказала Оля, подойдя к подруге. — Спасибо, что выручила.

— Это же моя, с некоторых пор, святая обязанность, куда деваться, — ответила та. — А еще тебе повезло, что живем рядом. Давай присядем, а Петька пусть пока на детской площадке поиграет. Можно, Петь, мы с твоей мамой немножко посекретничаем? — обратилась она к крестнику.

Мальчик вопросительно посмотрел на мать.

— Беги, сынок, — разрешила Ольга. — Нам тебя отсюда хорошо видно.

Мальчишка, на ходу доедая мороженое, побежал к ребятам.

— Я сегодня звонила Вовке, — поведала Оле Петина крестная. — Правда, он был за рулем и мы толком не поговорили, но он очень переживает из-за вашей ситуации. И я, как человек вам обоим не посторонний, как его подруга и твоя кума, некоторым образом виноватая в вашем знакомстве, переживаю тоже.

Я искал Ольгу и оказался рядом, когда была произнесена эта фраза. Человечество еще не придумало эпитет, которым можно было бы описать ощущения, возникшие у меня, когда я увидел рядом с ней ту, что почти все время занимала мои мысли и с которой я недавно попрощался навсегда во второй раз. Это было

невероятно! Таких совпадений не бывает! Выходит, «Вовфа» — тот самый Лерин друг, которого я ни разу не видел, а только слышал по телефону, — это и есть Володя?.. Тот самый Володя, которого я покинул меньше часа назад, убедившись, что тот благополучно доехал и припарковался у своего дома...

Когда Владимир обернулся и увидел, что инспектор растворился в воздухе, он стал ртом ловить этот воздух, будто искал растворившегося в нем сотрудника ГИБДД. Он был потрясен, ведь ему еще никогда не доводилось сталкиваться с подобными исчезновениями официальных лиц, да и вообще любых лиц. Поэтому я на всякий случай проводил его до дома.

Клубок распутался. Это именно Лера звонила сегодня ему, когда мы вместе с ним ехали в машине. А Петька — ее крестный сын. Именно о нем она рассказывала подруге Ане — своей потенциальной куме, маме будущего крестника Ромки. Воистину, как тесен мир! Или это его подарок Миру, то есть мне?

— Да что тебе сказать, Лерик, — вздохнула Ольга, прервав стыковку моих мысленных цепочек. — Честно говоря, я боюсь. И не только гнева Клима, но и того, что Володе будет трудно с нами. Он так долго жил один, а тут сразу такая большая семья... Я еще не забыла, как он испугался, когда узнал о том, что я беременна.

— Хорошо. Какие есть варианты? — поинтересовалась ее ку-ма. — Еще немного, и у тебя будет виден живот, — как ты объяснишь это мужу? Скажешь: «Ой, мамочки, а я ничего не знала... Милый, у нас будет ребенок!» — так, что ли?

— Что ты, ни в коем случае! Не прикалывайся!

— Тогда что? Скажи мне честно, — вы спите вместе? Я переживаю за Вовку. Ты, конечно, моя подруга и замечательный, добрый и милый человек, но я знаю его в десять раз дольше, чем тебя, и в двадцать раз дольше, чем ты его знаешь. И знаю, какой это ранимый человек. Он, может, в первый момент и испугался, но я голову даю на отсечение, что он очень порядочный и тебя не оставит. А если, не дай Бог, и струсил бы окончательно, имел бы дело со мной, — Лера в шутку сдвинула брови и сжала кулак.

— С Климом мы просто соседи по кровати: с тех пор, как я с Володей познакомилась, и до этого у нас месяца два ничего не было, — ответила Оля на ее вопрос. — А что до всего остального, ты ж как никто теперь знаешь, как оно бывает, у мужчин...

— Другие мужчины — они другие. А Вовка — особенный. Редкий экземпляр. Одни глаза чего стоят! А ведь глаза — зеркало души. Он мне вообще Христа с иконы напоминает. В последний его день рожденья я ему даже сообщение об этом отправила: «Доброе утро, 33-летний человек с глазами Бога!» Он, правда, со свойственным ему пессимизмом ответил «Не намекаешь ли, что и я проживу столько же?» Ответила ему: «Тьфу, тьфу, тьфу, типун тебе на язык».

— Вот-вот... И меня его пессимизм настораживает. Чуть что — сразу руки опускает. Не борец. Клим другой совсем. Я это, конечно, не к тому, что я выбираю между ними, нет! Я Володю очень люблю, и только его одного. Просто я боюсь за него. Клим пообещал, что убьет его, если я к нему уйду. Думал, что я сплю, когда сказал это.

— Так и сказал?

— Да. Только я тебя умоляю — ни слова Володе!

— Почему ты думаешь, что ему не надо об этом знать?

— Не надо его волновать, я сама разберусь. Это Клим так, не всерьез... Он и раньше, бывало, пугал, что с собой что-нибудь сделает.

— Лучше бы сделал, чем моральным шантажом заниматься... Всем бы жизнь облегчил, а прежде всего — себе. Но, увы, кто этим пугает, тот, как правило, вряд ли на такое способен. Подобные решения созревают молча.

— Ужасы какие ты говоришь, Лер. Как мне потом жить-то с этим...

— Не ужасы, а правду.

Может, внутренне Ольга и была с ней согласна, но по своей природе это была «женщина-мать» — заботливая, милая, некатегоричная — воплощение мечтаний многих мужчин. Она про-

сто не могла произнести подобное. И вдобавок была слишком хорошо воспитана.

Я теперь не мог читать мысли Леры, в отличие от того времени, когда мы были связаны с ней невидимой нитью, но чувствовал, как она переживает за своего друга. Она пыталась взять на себя ответственность за то, что была не в силах изменить. Всегда трудно оказаться между двух огней: одним огнем был ее давний надежный друг, другим — недавняя замечательная подруга. И Лера не знала, как ей поступить...

— Давай я отвлеку твоего мужа от мрачных мыслей, что ли, — предложила она вдруг.

— Как это? — не поняла Ольга.

— Ну как, пригласи меня в гости или как-нибудь иначе устрой наше знакомство, я с ним пофлиртую, — у меня это иногда неплохо получается, — быть может, он переключит свое внимание и перестанет настраивать себя на какие-либо страшные действия против вас с Вовкой.

— Хмм... Интересная мысль, надо обдумать.

— Подумай. Мне, конечно, не слишком нравится твой муж, ни по поведению, которое ты мне описываешь, ни внешне. Я однажды видела его с Петькой, когда тот забирал его из детского сада. Ребенок даже не хотел с ним идти! Я видела, как Клима стал тебе звонить и сыну трубку дал, чтобы ты его убедила пойти с папой. В общем, ни с какой стороны не мой герой. Но чего ни сделаешь ради благого дела! Но только, разумеется, без секса, — она подняла вверх указательный палец. — Просто сведу его с ума своим обаянием и оставлю страдать!.. — театрально заявила Лера, придав лицу патетическое выражение.

Ольге идея и нравилась, и не нравилась одновременно. Чувство собственности — его ж никуда не денешь, муж какой-никакой, а свой. Но это была ситуация, когда нужно действовать, не обращая внимания на подобные чувства, и Лерина идея была не такой уж плохой. Ведь Петя даже перестал звать Клима папой, а называл лишь по имени, — так мало времени они проводили вместе.

— Ну и, конечно, помня Петькины крестины, тоже ничего хорошего о твоём муже сказать не могу, — распаляясь, продолжала Лера. — Это ж надо было так категорично объявить, что он против, и поэтому никаких крестин не будет! А ты, вместо того чтобы открыто противостоять ему или попытаться убедить, сделала это тайком. Господи, бедный Петька, сколько у него тайн от отца! Надо срочно с этим заканчивать! Я вообще удивляюсь, как ребенок в пятилетнем возрасте понимает, что можно говорить, а что нет. Он же просто гениальный пацан! Я в свои двадцать два до сих пор не умею держать язык за зубами да, наверное, уже никогда не научусь. Это либо дано, либо не дано.

Ольга молча слушала подругу.

— Да я все понимаю... — согласилась она в конце ее тирады.

— Так чего ж тогда нерешительная такая?! — в запале Лера стукнула ладонью по деревянной скамейке. — Ну почему ты не я? Я на твоём месте давно уже вещи собрала и ушла бы к Вовке!

— Ушла бы... А ты помнишь, как он отреагировал, когда узнал о моей беременности? Помнишь, в каком напряжении держал меня две недели, думая, надо это ему или нет? — Оля снова вернулась к своим страхам.

— Да мужчин, которые сразу радуются такому обстоятельству, по пальцам перечесть! Про них про всех уже кино сняли, я лично таких не встречала, — твердо заявила Лера, будто знала статистику вопроса. — Но ведь он же пришел в себя после того, как я промыла ему мозг и напугала, что это будет его роковая ошибка!..

— Вот именно. А я не хочу, чтобы человека надо было постоянно чем-то пугать и промывать мозг.

— Оль, у тебя нет выхода... Я, конечно, повторяюсь, но ты же не собираешься сказать мужу, что ребенок его, и расстаться с Вовкой?

— Нет. Собираюсь сказать как раз обратное. Просто боюсь.

— Забудь ты это слово — «боюсь»! — она несколько раз из стороны в сторону поводила ладонью перед глазами подруги, будто пыталась стереть ненужное слово из ее памяти. — Да-

вай так. Скажешь все после нашей встречи, когда его мысли будут только обо мне, — засмеялась Лера. — Хотя я б, наверное, собралась бы по-тихому, с вещами и ребенком, и записочку оставила. Например, такую, — она стала водить пальцем по воздуху, будто ручкой по бумаге: — «Неожиданно заехал Принц на белом коне, не смогла ему отказать. Прости. Ольга».

На этот раз они рассмеялись вместе.

— Привет, Мир! — я услышал рядом с собой мелодичный голосок Д-16121998.

— Привет, дорогая, как летается? — ответил я ей.

— Летается отлично, как всегда! А если ты про проблемы — ты ж все слышал. Но я не унываю, мне кажется, будущее непременно будет светлым, раз за дело взялся такой профессионал, как ты, — раскокетничалась она. — Кстати, это ты надоумил эту замечательную девушку — крестную моего брата — помочь разрешить ситуацию с маминым мужем?

— Увы, мне тут хвастаться нечем. Я пока ни на шаг не продвинулся в этом вопросе. А ты уже не первый раз видишь Леру?

— Наверное, уже третий или четвертый. Она мне очень нравится, забавная такая, уверенная в себе, в отличие от мамы моей. Правда, у нее тоже не все ладится — ее недавно любимый человек бросил и ребенка она потеряла.

— Я знаю.

— Откуда?

— Я мог быть этим ребенком. Только потеряла она меня по собственной воле.

— Да ты что? — удивлению Д-16121998 не было предела. — И как вышло, что ты снова встретился с ней? Это же не по нашим правилам! Вот ведь действительно мир тесен...

— Мир тесен для тех, кто много перемещается. Хотя риск встретить ее был не так велик, но, видимо, это для чего-то нужно, раз случается уже во второй раз.

— Во второй??? — я окончательно шокировал эмоциональную неокрепшую душу Д-16121998.

— Да, я встретился с ней и на предыдущем задании.

— И как? Тебе не грустно видеть ее?

— Мне гораздо грустнее ее не видеть...

— Понимаю. Я вообще не могу представить себя на твоём месте, я бы, наверное, умерла от горя, если б могла. А ты молодец — оптимист! Конечно, Леру есть за что сильно полюбить, в ней есть что-то... оранжевое. Она как солнышко.

— Спасибо тебе за добрые слова. Может быть, она, и правда, сможет чем-то помочь Ольге, а то та кажется такой беззащитной!.. А Элиас — мой начальник и ангел-хранитель твоих родителей — только сегодня приступил к своим обязанностям, чем изрядно напугал твоего отца. Ты бы навестила его, а то я за него волнуюсь...

— Навещу, Мир, я уже и сама по нему соскучилась. Раньше все время только с ним проводила, но как только нашла ему ту, что станет моей мамой, почему-то больше с ней хочется быть. Даже своих подруг уже несколько дней не видела. Ты не знаешь, какие там у кого новости?

— Нет, сейчас нет настроения ни с кем общаться, да и дел полно. Слетай к ним сама, а потом к папе. А я побуду с твоей мамой сегодня. Обещаю, что с ней ничего не случится.

Д-16121998 обрадованно вспорхнула и поцеловала Ольгу в щеку. А та, совсем как Лера, когда я впервые встретил ее, потерла место поцелуя рукой. Д-16121998 на высокой скорости взвилась ввысь и исчезла в облаках. Я смотрел ей вслед и думал о том, какая же она счастливая: несмотря ни на что, у нее есть будущее — через каких-то пять месяцев она уже будет пить грудное молоко у своей мамы, а папа будет с любовью смотреть на них... Почему-то именно эта картинка рисовалась в моей голове как семейная идиллия.

***

Оставалось выполнить еще одно задание, и мне будет позволено присматривать себе новых родителей, правда, к активным действиям я смогу приступить только через два года. На самом деле, мне было хорошо с моим новым именем и важным

заданием. Я чувствовал себя нужным, а что может быть лучше, чем это ощущение? Надо хорошенько подумать над идеей Леры «обезвредить» Клима. В том смысле, чтобы не подставить ее саму. Я очень переживал за нее. Удивительно, но она как будто помогала мне, всегда была рядом... И кто придумал эти дурацкие правила, что нельзя дважды выбрать одну и ту же маму? Я бы рискнул.

«Мысли твои, друг мой, крамольные, и по головке тебя за это никто не погладит, а дойдет до руководства — сразу вызовут на ковер, — услышал я голос Элиаса. Поблизости его не было, но шеф мог передать свою мысль на расстоянии; ангел впервые воспользовался этой «опцией». — Жду тебя через полчаса на нашем месте. Поговорить надо. Все, давай, конец связи».

И хотя я обещал Д-16121998 провести этот вечер рядом с ее мамой, послушаться шефа я не мог. Надеюсь, что наш разговор, как обычно, будет непродолжительным, бросив прощальный взгляд на беседующих на скамейке подруг, я отлучился по долгу службы.

Элиас сидел, расправив свои огромные белые крылья. Это было довольно необычное зрелище.

— Попал под дождь, — объяснил он, видя мое недоумение: — Сушусь.

— Хочу выразить свое восхищение по поводу человека в форме, — начал я.

— А, да... Как-то спонтанно пришло мне в голову, — было заметно, что ему приятно мое одобрение. — Ну, а как еще можно было внушить такому нерешительному человеку мысль о том, что надо вести себя решительнее? К тому же я узнал, что завтра у него на том самом месте может случиться авария, и довольно серьезная. А она нам сейчас совсем не нужна. Владимир должен быть рядом с матерью своего будущего ребенка, а не валяться в больнице со сломанными костями, и это еще в лучшем случае! Тем более, что в машине они могли оказаться вместе и Ольга бы тоже пострадала. Вообще с ребятами изначально что-то не так: они будто идут не по своему пути, но свернуть с него уже

поздно. Им нужно срочно исправлять что-то в настоящем, чтобы не допустить очередной ошибки в будущем.

— Скажите мне, что делать, и я буду!

— Вовремя докладывать мне обстановку, чтобы мы знали, что предпринять. Какие новости есть, к примеру, сегодня?

— Ольга сейчас общается со своей подругой, говорят о том, как можно приглушить ревность ее мужа Клима. Мама предложила ей как-то его отвлечь.

— Кто, прости? Мама?..

Я понял, что сболтнул лишнее.

— Ну да... А вот скажите мне, Элиас, — я решил использовать лучший способ защиты — нападение, — как вышло так, что на обоих данных вами заданиях я столкнулся с ней? Это было сделано намеренно?

У Элиаса сделался изумленный вид.

— Погоди, погоди... Я что-то не понимаю. Как это — столкнулся?

— Лера — та, что могла бы стать моей мамой — оказалась всеобщей подругой: и Маши, и Владимира, и Ольги... А теперь именно она собирается помочь Ольге в ситуации с ее мужем. Почему меня направили именно на эти задания, раз нам нельзя больше видеться?

Элиас молчал. На его лице гуляла какая-то напряженная мысль.

— А?! — завершил я свою речь.

— Мир, ты меня сейчас сильно удивил, — еще немного подумав, произнес Элиас. — Признаюсь тебе, я был не в курсе и представить не могу, как такое могло произойти. Я прервал твои мысли и позвал сюда, поняв, что ты задумал что-то против правил, но я же не знал... Это похоже на провидение, которое не зависит даже от нас. Выходит, Валерия — дама, которую моя знакомая ангельша-хранительница когда-то порекомендовала Владимиру в друзья, и мама, с которой у тебя не сложилось — один и тот же человек? И она же — подруга Маши? — вид у моего начальника был ошарашенный. — Ну дела... Такого, конечно, допустить нель-

зя, и я должен поменять тебе задание. К тому же оно, наверное, слишком сложное для тебя, так ведь, малыш? — он вопросительно взглянул на меня своими добрыми серыми глазами.

Я вдруг понял, что не могу допустить этого ни в коем случае. Больше не видеть Леру?! Бросить ее в тот момент, когда она решила связаться с каким-то опасным типом?! Нет-нет-нет, я обязательно должен быть рядом!

— Нет-нет-нет, ни в коем случае! — повторил я вслух свои мысли. — Если нам суждено было встретиться, пусть так и будет. Я не брошу ее в трудную минуту.

— Глупенькая маленькая душа, она-то тебя не пожалела... — Элиас смотрел на меня с сочувствием.

— Пусть, — упрямо заявил я. — Она не могла иначе, рядом был не тот человек, она растерялась...

— Хорошо, только этот факт нам придется скрывать. Ни в коем случае никому не рассказывай, — ладно? Ты же, надеюсь, еще не рассказал?

Мне захотелось исчезнуть. Я вспомнил наш последний разговор с Д-16121998, а еще раньше — с М-09071999, и решил просто промолчать.

— Вы замечательный начальник, — вместо ответа сказал я Элиасу. — Спасибо, что все понимаете.

— Да и ты неплохой помощник, — понимающе улыбнулся он. — Совсем забыл похвалить тебя за прекрасное выполнение задания с Машей. Идея сна с подсолнуховым полем была просто замечательной! И как тебе такое пришло в твою юную головку?

— Всегда нравились эти вкусные цветы, — засмеялся я. — А дальше воображение дорисовало само.

— Отлично, просто отлично! — Элиас встряхнул крыльями, с которых слетели последние капли дождя. — Теперь мне остается вернуть ее на предназначенный ей путь, и я уже, кажется, придумал, как это сделать. Хотя какое-то время ей еще будет не просто из-за принятого решения.

— Кстати, главную роль в этом решении сыграла картина в лаборатории, где Маша сдавала анализ крови. На ней был

нарисован обычный натюрморт с фруктами и цветами, среди которых не было ни одного подсолнуха. Просто Маша в ту минуту искала то, что придаст ей уверенности, и я сделал так, что она увидела «Подсолнухи» Ван Гога.

— Снимаю шляпу, мой маленький эрудит! Хотя у меня и нет шляпы.

— А вам бы пошла, — потерял я всякую субординацию.

— Так, ладно, у меня еще есть дела, — Элиас резко посерьезнел. — Значит, договорились: наблюдаешь за всеми, обо всем сообщаем мне, а что делать дальше, обсуждать будем вместе. То, что твоя Валерия решила взять Клима на себя, достойно уважения. Пусть попробует, может, из ее затеи что-то и получится.

— Я боюсь за нее.

— Валерию должен охранять ее ангел. Если я ее увижу, предупрежу, чтобы была начеку. Но и мы, если что, в обиду не дадим. Ну, я полетел, — несколько раз взмахнув крыльями и убедившись, что они окончательно высохли, Элиас поднялся надо мной метра на три. — Все происходит так, как мы того хотим, — неожиданно произнес он. — Будь осторожней с желаниями!

Он улетел. Но обещал вернуться. Милый, милый!

***

Ольгу с Лерой я нашел на том же месте. Они уже собирались уходить.

— Петь, пойдем, — крикнула Ольга в сторону детской площадки, поднимаясь со скамейки. Мальчишка попрощался с ребятами и побежал за своими двумя мамами.

— Ну, значит, договорились? — уточнила у Оли Лера.

— Давай попробуем, — ответила та. — Я скажу Климу, что ты зайдешь в субботу взять у меня какую-нибудь книжку. Приходи к двум часам, вместе пообедаем, а потом прогуляемся по парку. Как раз будет время пообщаться. Придумывай пока план по стратегическому очаровыванию, — хихикнула Ольга.

— Ой, нет, я не умею планировать... Наше кредо — внезапность, — процитировала Лера Остапа Бендера. — Результат не гарантирую, но усилия приложу все, что есть.

Подруги потихоньку дошли до Олиного дома — блочной хрущевки, рядом с которой сушилось соседское постельное белье. Крестная Пети еще ни разу не была у них в квартире. Девушки познакомились в редакции, где работала Лера. Ольга стала первой в фотоконкурсе, устроенном газетой, и для вручения призов Лера пригласила победителей в ночной клуб на корпоративную вечеринку. Там, за бокалом вина, девушки разговорились и так сдружились, что через некоторое время Оля предложила Лере стать крестной ее сына.

Пятилетний крестник, неожиданно обнаружив на одной из белых простыней огромного черного усатого жука, схватил его за ус:

— Мам, мам, смотри!

— О, Господи, жук-стригун! Брось его, брось! — испуганно закричала она.

— А что он стрижет? — не отпуская жука, поинтересовался любознательный мальчик.

— А вдруг жизнь... — вдруг слишком серьезно ответила Ольга.

После такого ответа жук был немедленно возвращен на прежнее место.

«Может, мама пошутила и он просто выстрижет дырку в этой простыне... Вот хозяева обрадуются!» — подумал Петя и подбежал на прощанье поцеловать в щеку свою крестную.

— Кстати, крестная, а почему ты не фея? В сказках крестные обязательно феи! — заявил он.

— Ты разочарован, Петь? Ну прости. Может, мне со временем удастся ею стать. Вот только надо записаться на курсы фей и получить диплом.

— Вот было бы здо-о-рово!.. — мечтательно протянул малыш.

— Все, беги, беги, — слегка подтолкнула крестника «не фея».

Пробыв весь вечер с Петькой и его мамой, я понял, как скучно живет их семья. За время, проведенное с Лерой, я узнал, что можно жить совершенно иначе: ей постоянно кто-то звонил, куда-то звал, просил совета или помощи, или она сама обращалась за тем же к другим. Застать ее дома было практически невозможно: после работы она бежала или в театр, или в кино, или на выставку, или в гости, или еще куда-нибудь... Да и из офиса в любой момент могла уйти на деловую встречу, организовывая очередное мероприятие, например, праздник, посвященный очередной годовщине газеты. Я еле успевал за ней. Иногда я ужасно уставал от этой гонки и улетал отдохнуть к своим.

А Оля с Петей вечер провели на кухне в полной тишине, иногда переговариваясь между собой. Мальчик рисовал в альбоме своего любимого Карлсона и то и дело задавал какие-то вопросы, а его мама на ужин жарила картошку с грибами.

— Петь, беги мыть руки и садись за стол — готово.

— Сейчас, дорисую. А Клим когда придет?

— Должен через полчаса. Сметаны положить?

— Да. Две ложки, пожалуйста. Мам, а давай ему все расскажем сегодня и уедем жить к Володе!

— Скоро, Петь, скоро расскажем. Подожди еще немножко.

— Хорошо, мам. Но только немножко! Я не люблю Клима, он со мной почти не разговаривает! Настоящие папы так себя не ведут.

— Петя, какой бы он ни был, он твой папа, и его надо уважать.

— Я так не думаю, — Петя устался в свою тарелку и стал молча жевать картошку с грибами. — Володя в сто раз добрее, — добавил он через минуту.

Оля многозначительно молчала, и ее сын тоже больше не произнес ни слова. Он рос на редкость умным и воспитанным мальчиком. Но от того, что происходило в доме, энергетика в их и без того маленькой кухне ощущалась такая тяжелая, что я задыхался. Но улететь не мог из-за чувства ответственности. Мне было трудно здесь находиться, и я изо всех сил стал хотеть, чтобы открыли форточку.

— Открой форточку, мам, пожалуйста, очень душно, — вдруг сказал Петя.

Я тут же вспорхнул к свежему воздуху и сел на форточку. Теперь это был мой пост. Отсюда я видел, как открылась в коридоре входная дверь и вошел Клим. В руке он держал черный пакет. Переобувшись в тапочки, мужчина прошел на кухню, сказал «всем привет» и поставил на стол две бутылки пива.

— Выпьешь со мной? — спросил он жену.

— Нет, спасибо, не хочется.

— Что-то тебе давно пива не хочется, раньше вроде любила.

— А теперь разлюбила.

— Угу, понятно, разлюбила, значит. Ну что ж, бывает... Меня-то еще не разлюбила?

— Клим, в воскресенье к нам моя подруга зайдет, — ты не против? — Оля резко сменила тему.

— Что за подруга?

— Зовут Валерия. Она в газете работает, где я фотоконкурс в прошлом году выиграла, — помнишь?

— Не помню. Ну, пусть зайдет. А зачем?

— Я ей одну книжку обещала дать почитать. Да и просто пообщаться хотим.

— О чем пообщаться?

— Клим, ты здоров? — Оля смотрела на него с плохо скрываемым раздражением. — Люди иногда общаются между собой о чем угодно и, представь себе, не только по телефону.

— Ну, тогда конечно. Разве что люди... — Клим открыл бутылку с пивом. — Ладно, я поем, а вы идите лучше в комнату. А то разговор, гляжу, не складывается.

Ольга молча забрала с кухонного стола альбом с Петькиными рисунками, взяла сына за руку, и они скрылись в тесном захламленном коридорчике, где уже несколько дней из-за лопнувшей лампочки не включался свет.

Я смотрел на Клима и пытался почувствовать, что это за человек. Теперь, будучи в курсе его прошлого, я понимал, что с ним действительно нужно быть очень осторожным. Наверняка,

если б Ольга знала о нем все, вряд ли бы согласилась выйти за него замуж. До этого она еще со школьной скамьи пять лет встречалась с другим человеком, но он предпочел жениться не на ней. А она, чтобы притупить боль от обиды, поступила согласно пословице «клин клином вышибает». Только в ее случае клином стал Клим. Он был старше, опытнее, красиво ухаживал. Оля так и не смогла полюбить его, как любила своего первого мужчину, лишь ценила и уважала. Но теперь эти чувства переродились в какой-то почти животный страх...

А Клим прикипел к ней и страшно ревновал. Он был не из тех, кто легко расстаётся с имуществом, а жену и сына он считал своей собственностью. Ему были нужны внимание и любовь, но, сам того не желая, он вел себя так, что не заслуживал ни того, ни другого. Ведь чтобы что-то получить, нужно сначала дать, а дать ему было нечего. Он был пуст.

Этот пустой внутри человек сидел на кухне и флегматично жевал картошку с грибами. Как у всех жующих людей, у него шевелились челюсти. И мне вдруг почудилось, что рядом — огромная машина с большими металлическими колесами, перерабатывающая в щепки все, что встречается на ее пути. Я испугался своей фантазии. Что со мной? Ведь это человек, а не монстр... У него тоже есть чувства, которые надо уважать. Мы ведь не знаем, как именно все произошло в его прошлом, хотя тому, что он сделал, конечно, нет оправдания. Может, все-таки есть у него кнопка, отвечающая за человечность? Знать бы только, где она...

Клим просидел на кухне до шести утра и о чем-то думал, непрерывно щелкая семечки. Ему не нужен был собеседник: этот человек был либо самодостаточен, либо очень несчастлив, или и то, и другое одновременно. Когда семечки закончились, он зашел в комнату и молча лег рядом с женой. Минут через десять я услышал его храп.

***

Если бы все на свете происходило так, как мы хотим, в первой половине следующего года на свет появились бы два мальчика

и девочка: я, сын Маши и дочка Оли. И три наши мамы степенно и важно ходили бы с колясками по парку и обсуждали, каким питанием лучше кормить и сколько у кого появилось новых зубов. Хотя, честно говоря, я с трудом представляю Леру за подобными разговорами. Мне кажется, даже когда у нее будет ребенок, она положит его в детскую сумку и побежит по делам. Хотел бы я оказаться в этой сумке...

Слова Элиаса не выходили у меня из головы: я не должен был никому говорить о том, что мы снова встретились с Лерой. Я боялся, что болтушка Д-16121998 уже растрепала всем мою тайну. Что бывает за то, что душа ребенка стремится к матери, которая отказалась от него? Наверное, ничего хорошего. Судя по всему, начальство обо мне забыло, и я был очень рад этому: кому хочется слушать критику по вопросу, из-за которого и сам усыпал пеплом свою несуществующую голову...

До сих пор я видел Леру только на заданиях, и она уже стала для меня как наркотик: когда я не видел ее полдня, меня начинало со страшной силой тянуть к ней. Почему я должен себе в этом отказывать? Суббота. Все спят. В ближайшие несколько часов ни с кем точно ничего не случится. И я полетел к ней, снова поддавшись моему внутреннему зову. Дома Леры не оказалось. Постель оставалась незаправленной, но в этом не было ничего необычного: «А зачем заправлять? — парировала она при мне упрек Виктора. — Мы же вечером приходим так поздно, что почти сразу ложимся спать. К чему эти лишние телодвижения?»

Где же она может быть? Я почти потерял связь с ней, и мне пришлось потратить очень много сил на поиски. Я был как выжатый лимон, но ни на минуту не пожалел о своих усилиях, ибо не хотел бы пропустить то, что увидел: Лера и Артем в обнимку стояли в коридорчике ночного клуба, где музыка была не столь громкой. Разговор, что происходил между ними, поразил меня.

— Как бы смешно это ни прозвучало в наше время, но я тебе сразу скажу: если ты хочешь, чтобы между нами дело пошло дальше объятий — женись! — на одном дыхании выдавала Лера. — Я с недавних пор твердо решила, что мне не нужны

несерьезные отношения. Если между нами они все же будут, давай закрепим их штампом в паспорте. Мне так станет легче на душе. Если тебя это напрягает, не держу, — она сделала соответствующий жест рукой.

— А почему бы и нет? Давай прямо завтра пойдем и подадим заявление, — не думая, ответил ей тот, кого я недавно прочил себе в папы.

— Ты серьезно? — было видно, что Лера совершенно не ожидала и даже испугалась такой внезапной положительной реакции.

— Вполне, — кивнул он и наклонился ближе к ее лицу. — Теперь-то можно поцеловать?

— Нет, погоди... — Лера еще не могла прийти в себя от того, что ее полущутка приняла столь внезапный серьезный оборот. — Надо сначала все обсудить. А еще ты до сих пор не сбрил бороду, — засмеялась она.

— Поехали к тебе, обсудим. Бороду сбрею — обещаю.

— Ты помнишь насчет «никакого секса»?

— Естественно! Ну, то есть неестественно, конечно, что его не будет, но раз мы договорились...

— Ладно, поехали. Значит, я надеюсь на твою порядочность! — Лера многозначительно подняла вверх указательный палец.

По дороге они нашли в каком-то подвале маленький ночной магазинчик и купили бутылку красного вина. Последовав за ними, я во второй раз попал в питерскую подземку, на этот раз на станции метро «Лиговский проспект». Теперь здесь все выглядело совершенно иначе, чем когда мы ехали с Машей. Людей было крайне мало, всего человек двадцать на всей платформе. Мои несостоявшиеся родители зашли в пустой вагон и, как и после их первого свидания на концерте Шевчука, встали вплотную друг к другу, несмотря на полное отсутствие давки. Кроме них, в противоположном конце вагона сидел абсолютно пьяный господин и довольно забавно пытался бодрствовать, чтобы не проехать мимо свою остановку. Было ощущение, что

голова у него держится на резиночке, благодаря которой ее кидает то назад, то вперед. Глаза то открывались, то закрывались, как у марионетки. Все же я лучше не буду употреблять алкоголь, когда у меня появится такая возможность. Не хочется выглядеть так глупо.

Я не слишком вслушивался в разговор Леры и Артема — колеса поезда сильно гремели, он шатался из стороны в сторону, будто был столь же пьян, как и один из его пассажиров. Я видел, как Лера смеялась, трепала Артема по волосам и один раз нежно провела тыльной стороной ладони по бороде, как будто прощалась с ней. Когда поезд несколько секунд стоял на станции «Новочеркасская», я, сидевший вверху на поручне рядом с рукой Артема, вдруг услышал, как тот сказал улыбающейся Лере:

— Только не сломай мне жизнь, — и добавил: — Пожалуйста.

Улыбка с Лериного лица тут же исчезла. Весь остальной путь они ехали молча и, когда вышли из метро, часть дороги прошли, не сказав ни слова. Наконец она произнесла:

— Ты знаешь, мне что-то вдруг так страшно стало, когда ты так сказал. Потому что я могу. И это может получиться у меня не нарочно, — она остановилась и посмотрела ему в глаза. — Может, тогда лучше сейчас все закончим? Вот прямо здесь разойдемся, как будто ни о чем и не говорили.

У Артема был крайне растерянный вид.

— Ну?.. — нетерпеливо проговорила Лера, ожидая ответа.

— Нет. Мы все решили. Идем к тебе. Я это просто так сказал.

— Не просто... — ответила она и, тем не менее, взяла его руку в свою, и молодые люди двинулись дальше, к ее дому, дорогу к которому я уже выучил так, что мог бы найти и в темноте, даже если бы мой внутренний навигатор отказался мне помогать.

То, за чем мне довелось подсматривать, ничем не напоминало процесс, который мы с Д-16121998 наблюдали дома у Владимира между ним и Ольгой. Занятием Леры и Артема была получасовая болтовня о разных пустяках и совместное распитие вина. Потом Лера, вдруг осознав, что утром в ЗАГС пойти не удастся, потому что в воскресенье приема заявлений наверняка нет

и напомнив, что между ними пока ничего не будет, попыталась улучшить вид своей постели, взбив подушку.

— Чертовски хочется спать, — объяснила она Артему свои действия. — Надеюсь, ты не против?

— Я бы тоже прилег. Что, можно рядом? — в его вопросе звучало удивленное «неужели».

— Можно, раз ты будущий зять моей мамы, — хихикнула будущая невеста. — То-то она обрадуется!.. В последнее время только о моем замужестве и говорит. Как будто я старая дева и, если не выйду в ближайшее время замуж, меня можно уже будет списать в утиль.

— А зачем ты тогда торопишься?

— Праздника хочется. И белое платье. И чтобы люди вопросов глупых не задавали, когда да когда замуж выйдешь. У нас, знаешь, народ это любит, особенно пенсионеры. Просто мозг выносят такими вопросами. А так, проживем с тобой в законном браке, не понравится — разведемся, и я смогу с чистой совестью всем любопытным отвечать: «Да была я там, ничего, знаете ли, хорошего».

— Ого, целый план! А если не разведемся?

— Ты допускаешь такой вариант? — с удивлением обернулась Лера к сидящему на табуретке жениху. Теперь «неужели» послышалось в ее вопросе.

— Почему бы нет. Жена должна быть одна на всю жизнь, как мама, ну, или сестра.

— Артем, что за глупости ты говоришь, это так несовременно! Не повторяй этого больше при мне, ты меня пугаешь. А сестер, кстати, может быть больше одной.

— Хорошо, — он смотрел на нее глазами теленка.

— Да ты раздевайся, не в одежде же спать... Только трусы не снимай ни в коем случае! В предсвадебном мужчине должна быть загадка, — хихикнула она.

Артем снял футболку, Лера — джемпер. Смущенно глядя на ее полупрозрачный бюстгалтер, он разлил остатки вина по бокалам. Будущие супруги осторожно чокнулись, стоя на диване на коленях друг перед другом:

— За наше тревожное решение! — произнесла Лера.

— Дай Бог, не последнее, — отозвался Артем.

Потом они еще долго стояли в такой странной позе и минут двадцать обнимались. Наконец, он решился прикоснуться губами к ее губам, она опять хихикнула что-то насчет его кусачей бороды... Ощущение притяжения между ними было настолько сильным, что меня затягивало, будто в воронку...

В ту минуту я понял, что вот он — тот самый момент, которого я не дождался!.. Вот когда я должен был действовать, чтобы навсегда связать этих немудрых, любящих друг друга людей, которые даже не подозревали о том, как сильны их чувства друг к другу. Но даже если бы у меня был второй шанс, сегодня все равно ничего бы не получилось. Лера осталась верна своему слову: дальше поцелуев дело не зашло.

Молодец, мама! — думал я, направляясь к Владимиру, напуганному встречей со странным инспектором и метаморфозой с правами. Я был рад, что Лера не теряет времени даром. Оно и правильно: зачем сидеть и грустить, когда жизнь — она здесь и сейчас! Многие совершают ошибки, и у большинства из-за этого происходят личные трагедии, главное — постараться не выращивать их до невероятных размеров. Ведь больше важно отношение к ситуации, чем она сама. И я решил перестать ностальгировать по прошлому и жить настоящим.

Я рассуждал так. Я люблю Леру? Люблю. У нее теперь все хорошо? Кажется, да. Рядом теперь есть человек, который — я чувствовал — должен быть с ней: она возвращается на свой путь. Судьба для чего-то столкнула нас снова, значит, так тому и быть. Я просто буду рядом. И будь что будет.

***

Володя уже проснулся и готовил себе на завтрак глазунью, задумчиво глядя на два круглых желтых глаза на сковородке, которые, в свою очередь, смотрели на него. Я улыбнулся отсутствию людской фантазии, вспомнив, как Лера постоянно делала по утрам то же самое, только предварительно взболтав яйца

вилкой в стакане и иногда добавляя помидоры. На свете столько разных полезных вкусов, а люди регулярно готовят на завтрак неродившихся цыплят, — не понимаю... Д-16121998 поблизости нигде не было видно, очевидно, она уже покинула своего папу, если вообще не забыла его навестить, заболтавшись с подружками.

Семикомнатная коммунальная квартира, где жил Владимир, находилась в самом центре города, на третьем этаже в старом доме на Литейном проспекте. Это было очень шумное место. В кухонное окно круглосуточно врываются звуки человеческой брани, вползали запахи машинного масла и выхлопных газов. Снаружи оно было серым от грязи. А из-за того, что напротив стояли пятиэтажные дома, солнце попадало сюда совсем ненадолго и только во второй половине дня. Так что утро в квартире Володи было таким же серым и безрадостным, как и сам Литейный, где ему приходилось это утро ежедневно встречать. Единственное, что радовало его здесь — река Фонтанка. Владимир шел до нее ровно три минуты и потом долго смотрел на воду, оперевшись на гранит набережной. Вода его успокаивала и приводила в порядок мысли, особенно после вынужденного общения с соседями-алкоголиками. Сам Володя не пил вообще.

Похоже, сегодня его настроение изменилось, оно уже не было таким беззаботным, как вчера в машине.

— Доброе утро! — на кухню в пестром халатике с чайником в руках вышла бабушка, из тех, что называют «божий одуванчик». Она была маленькой, высохшей, как веточка, с добрым интеллигентным лицом, — такие на улице продают старые детские книжки. — Что, Володюшка, невеселый такой?

— Здравствуйте, Нина Геннадьевна, — кивнул он ей. — Да так, задумался...

— Олюшку свою вспоминаешь... — продолжала она поход в его душу. — Милая девушка, глаза хорошие, и сынок у нее воспитанный. Переезжали бы к нам, я могла бы с мальчиком оставаться, если вам отлучиться нужно будет... Правда, тяжело им, наверное, будет в коммуналке-то. Они ж, наверное, в отдельной квартире живут?

Володе не хотелось рассказывать соседке какие-либо подробности, несмотря на то, что это была замечательная старушка — самая милая и добрая соседка из всех, кто здесь жил. Ей уже исполнилось восемьдесят семь лет, но она — житель блокадного Ленинграда — сохранила здравый ум и прекрасную память. Во время войны молодая медсестра Нина выхаживала на фронте раненых, поэтому такое чувство, как сопереживание, с тех пор срабатывало в ней автоматически, даже если это никому не было нужно.

— Ну ладно, ладно, не буду тебя волновать своими расспросами, — быстро одумалась пожилая женщина и зажгла газ на своей конфорке. — Сам знаешь, как лучше поступить. А если не знаешь, в церковь сходи. Тут рядом совсем, на Белинского, очень старая и намоленная церковь Святых праведников Симеона Богоприимца и Анны пророчицы. Зайди туда, с бабушкой поговори, свечку поставь Николаю-угоднику, — попросишь его, он поможет.

— Да не приучен я в церкви ходить, Нина Геннадьевна, мне там как-то не по себе становится...

— Исповедоваться, значит, надо. Хочешь, вместе сходим? Я как раз сейчас туда собираюсь.

— Нет, спасибо, не готов я еще, может быть, потом...

— Потом так потом, главное, чтобы поздно не было, — неожиданно подытожила старушка, поставила чайник на огонь и ушла к себе в комнату.

Володя подошел к окну и стал смотреть на прохожих, которые спешили куда-то этим субботним утром. Ему сегодня никуда не было нужно. Он работал сутки через двое охранником в той же редакции, где и Лера, а в остальные дни занимался заказами по подключению и обслуживанию бытовой техники. Свой свободный день он с удовольствием провел бы с Ольгой и Петькой, но вчерашний случай с инспектором ГИБДД не выходил у него из головы. На правах до сих пор значилась дата, которой там быть в принципе не могло, а с просроченными правами ехать было нельзя. Как объяснить Оле, почему он пешком,

он не придумал, а рассказывать об этом странном эпизоде он не хотел, боясь, что она сочтет его сумасшедшим. Молодые люди встречались всего четыре месяца, и еще не слишком хорошо знали друг друга, — Олина беременность случилась после первой их близости. Из головы у Володи не выходил как будто свыше спущенный наказ о том, что Ольгу нужно срочно увозить к себе. Но как это сделать, если сама она противится и постоянно просит подождать? Не может же он сделать это силой. И он решил лишний раз не волновать ее.

Владимир только сейчас вспомнил о том, что должен был перезвонить Лере. В восемь утра делать это было еще рано — в субботу ей можно звонить не раньше полудня. Раньше она просто не снимет трубку, а если снимет — будет ворчать, что ей не дают спать.

Лера, несмотря на то, что была младше его на десять лет, стала ему настоящим другом. Он мог доверить ей практически все секреты, поделиться любой проблемой. Несмотря на возраст, во многих вопросах эта девушка была опытнее и мудрее его, потому что в свое время он слишком долго «сидел на печи» и толком и не жил. Даже нынешнюю подработку сантехником нашла ему она, когда он сидел без денег. Да и с Ольгой он познакомился на дне рождения Леры у нее дома. Она будто взяла его судьбу в свои руки... А он, заматавшись, даже не поддержал свою подругу в трудной ситуации, когда та рассталась с Виктором... Володе было стыдно, прежде всего перед самим собой. Он решил дожидаться, когда Лера проснется, позвонить и обязательно встретиться. Ей он сможет рассказать обо всем, зная, что она поймет.

— Здравствуйте, Марина Ивановна, позовите Леру, пожалуйста, — честно дождавшись положенных двенадцати часов, обратился он к Лериной матери, которая сняла трубку.

— А кто ее спрашивает? Это Костя? — поинтересовалась та.

— Нет, Марина Ивановна, это Володя, — он внутренне посмеялся над ее манерой подобным образом уточнять, кто звонит дочери. За такое она уже была неоднократно ругана: «Мам, зачем ты так спрашиваешь? Человек будет думать, что я изо всех сил

жду звонка от какого-то Кости, или Андрея, или Саши, в то время как сам он — Сережа!»», — возмущалась Лера. Мать постоянно путала имена поклонников дочери, а некоторые и вовсе возникали как будто с потолка. Первые десять лет жизни Лера провела в другом городе с бабушкой, а когда родители, устав от бесконечных творческих поисков, забрали дочь к себе, им пришлось почти с нуля привыкать друг к другу, и процесс этот длился до сих пор.

— Ах, Володенька, что-то ты давно не был у нас, приезжай, я торт испеку, — мама Леры была большим специалистом по домашним тортам, за что в институте ее прозвали Тортилой.

— Да я как раз сегодня хотел это сделать, Марина Ивановна, вот только с Лерой думал согласовать.

— Володенька, а она еще спит.. Ночью где-то была, и я даже не знаю, во сколько вернулась, — мама Леры неожиданно перешла на шепот. — А еще тут ботинки стоят мужские в коридоре, похоже, вернулась не одна...

— Ну, как встанет, наверное, увидите, чьи ботинки, — улыбнулся Володя волнению Марины Ивановны. — Главное, следите, чтобы не ушел! Вдруг приличный человек — надо брать! — пошутил он над мамой своей подруги.

— Это факт, Володюшка, приличных людей сейчас днем с огнем поискать, а некоторые под них маскируются, — поддержала она, не распознав шутку. — Знаешь же, как у нее вышло с Витей, а тоже поначалу казалось, что приличный. Жаль, что вы с Лерочкой только друзья, ты мне так нравишься!.. Приезжай, посидим, у меня бальзам есть, освященный, с Валаама привезла.

— Спасибо, Марина Ивановна, я же не пью. Но могу заехать часика через два к вам на торт. А там, глядишь, и Лера проснется.

— Конечно! Буду ждать! — мама Леры была искренне рада.

— Ждите. Скоро выхожу. Я сегодня пешком.

Мука в квартире родителей Леры исчезала с космической скоростью. Марина Ивановна, зайдя домой и поскребя по сусекам, минут за пятнадцать могла приготовить пиццу, за полчаса

— напечь пирожков с оставшейся от обеда гречневой кашей. На торт тоже уходило не слишком много времени. Это были «творческие торты», такие же, какой была сама Марина Ивановна, которая писала стихи и издавала их небольшими тиражами, чтобы дарить друзьям. А тортам, согласно ее собственному выражению, «нужно было смотреть в душу». «Мам, это не торты, это нервное», — шутила Лера, имея в виду их внешний вид. Но у Володи сейчас была потребность срочно с кем-нибудь пообщаться, и Марина Ивановна с ее активным духовным началом оказалась вполне подходящей кандидатурой. Да и выпечка, на его непритязательный вкус, была не так уж плоха.

— Посижу, подожду, пока проснется Лера. Заодно посмотрю, кого она там себе завела, — Володю разбирало любопытство.

Меня, внимательно слушавшего его переговоры, позабавил факт, что я, в общем-то, мог бы эти несколько часов провести у Леры и встретиться с Володей там. Какое все-таки удивительное хитросплетение судеб выпало мне наблюдать! Теперь я вспомнил Володю-Вовку, как Лера называла его в телефонном разговоре. А ведь он мог стать моим крестным... Лера радостно сообщила ему об этой перспективе, и он охотно согласился.

Я решил вернуться на исходную позицию. Мне хотелось посмотреть на спящую Леру. Я всегда любил наблюдать за ней во время сна. А еще мне было интересно увидеть, как они с Артемом спят вместе. Мне кажется, позы спящих людей по отношению друг к другу отражают их истинные чувства: если они вместе «во сне», то и в жизни не должно быть проблем. Увиденное только подтвердило мое убеждение, что эти двое вместе не случайно: голова Леры лежала на его плече, рука — на груди, его рука была под ее спиной на уровне талии. Артем уже не спал, свободной рукой он гладил Леру по светлым волосам и с нежностью смотрел на ее лицо. Его неожиданная невеста тоже начала пробуждаться, поскольку спать под грохот кухонной утвари, устроенным на кухне ее мамой, было непросто. Марина Ивановна готовилась к приему внезапных гостей.

— Моя мама снова что-то печет, — сонным голосом объяснила Лера Артему, откуда шум. — Сейчас пойдем знакомиться. Ты не передумал насчет ЗАГСа? Нам это вообще не приснилось?

— Не передумал, — улыбнулся он и поцеловал ее в лоб. — Как зовут маму?

— Как ее любимую поэтессу Цветаеву. Помнишь ее имя-отчество?

— Понял. Знаю. Красною кистью рябина зажглась... Дай от-репетирую: здравствуйте, Марина Ивановна! Я ваш будущий зять Артем, прошу любить и жаловать.

— Молодец! — Лера с восхищением посмотрела на будущего мужа. По ее взгляду я видел, что он нравится ей все сильнее. — Побольше эрудиции, мама это любит. Она у меня очень начитанная.

— Можем мы и сами шевелить усами, — ответил он ей. — Зубная щетка в доме найдется? А то неудобно как-то о Цветаевой с нечищенными зубами...

— Была где-то моя старая, давно ей не пользуюсь, хранила для торжественного случая. И вот — он настал! — Лера слегка дернула Артема за жидкую поросль на груди. — Ну, к знакомству с будущей тещей будь готов!

— Всегда готов! — по-пионерски козырнул Артем, уже почти подстроившийся под Лерину манеру общения. Похоже, у него был большой потенциал.

— Доброе утро, — встретила их на кухне радостная Марина Ивановна, вытирая руки о халат и протягивая правую, до локтя испачканную в муке и тесте, Артему. — А я — Лерина мама.

— А я Артем, — пожал он руку. — Позвольте, я угадаю ваше имя, — он, картинно сощурившись, в течение двух секунд смотрел на потолок. — Марина Ивановна?

— То-о-очно, — ошарашенно произнесла она. — А как вы догадались? — ее удивление было совершенно искренним.

— Мама, ничего удивительного, Артем — экстрасенс, — подхватила розыгрыш Лера. — Он даже может помочь тебе найти потерянный паспорт.

— Правда? Ой!.. Мне так нужно найти этот паспорт, без него я не могу уехать, а мне скоро нужно в Феодосию, там состоится конференция по Цветаевой, мне никак нельзя ее пропустить!

— Мам, я шучу, — когда уже у тебя проснется чувство юмора? Никакой он не экстрасенс, так что паспорт тебе придется искать самой. Мы вместе работаем, Артем журналист, а еще мы решили пожениться. Вот. Так что прошу любить и жаловать: это мой будущий первый муж.

Марина Ивановна приземлилась на табуретку с ошалевшей улыбкой на лице, окончательно запутавшись в Лериных шутках.

— Ну что ж, — она никак не могла научиться правильно реагировать на приколы дочери. — Если это опять не розыгрыш, то такое событие надо отметить... Скоро торт будет готов, у меня бальзам есть, освященный, с Валаама, где я побывала недавно. И Володя должен приехать. Он звонил, когда ты спала.

— Ну вот и отлично. Жалко, папа в отъезде, а то отметили бы всей семьей, — сказала Лера. — Ладно, мам, мы моем руки и садимся за стол.

Тут же раздался звонок в домофон.

— Кто там? — спросила Лера.

— Сантехник, — Володя, как только устроился на новую работу, теперь всегда так отвечал Лере на вопрос «Кто там?»

— Заходи, сантехник, — она, засмеявшись, нажала на кнопку.

Всем было ужасно весело. За последнее время, перегруженное проблемами, этот день получился самым легким и радостным. Володя очень удивился, увидев в доме Леры Артема, которого в свое дежурство выпускал из офиса последним: тот всегда засиживался допоздна. Охранник пожал журналисту руку и поздравил с перспективой жениться на самой позитивной девушке в мире. Все со смехом поглощали очередное чудо кулинарного искусства Марины Ивановны, на котором красовалась надпись, сделанная из кусочков яблок — «Артем+Лера» — каждый творческий торт обязательно имел посвящение. Через полчаса от него осталось только «ра».

— Я хотела бы произнести тост, — подняла очередную стопку с бальзамом Лерина мама, — за то, чтобы Артем стал для Леры тем, кого она давно ждала — другом, опорой... — Марина Ивановна вопросительно посмотрела на дочь. — А можно я стихи прочитаю?

Лера расхохоталась. Для того, чтобы мать стала задавать этот вопрос, потребовались годы. Раньше поэзия начиналась внезапно и долго не заканчивалась. Как говорится, «Остапа несло».

— Да читай, мам, вроде никто не против... — Лера обвела глазами остальных, и все дружно закивали головами. — Итак, поэтическая пятиминутка!

— Это я написала про тебя и для тебя, когда ты была еще маленькой, — Марина Ивановна растроганно глядела на дочь:

Смотрит ясными глазами девочка моя,
Я хочу, чтобы счастливой выросла она:
Честной, умной, милой, доброй, скромной и простой.
Чтоб ей встретился красивый парень холостой.
Все, что не было, не спелось в жизни у меня,
Возвратится пусть с надеждой, чудо подаря,
Семилетнему созданию это суждено.
Таково мое гаданье — сбудется оно.

Артем зааплодировал. Володя тоже присоединился к аплодисментам, хотя слышал это стихотворение уже не в первый раз.

— Спасибо, мам, — поблагодарила Лера. — Душевные стихи, и к месту. Вот сидит как раз такой — красивый и холостой. — Она приобняла Артема за плечи. — Как говорится, и снова нет повода не выпить!

Все дружно звякнули стопочками с бальзамом, Володя — чашкой с чаем. Серьезных разговоров, несмотря на серьезный повод, во время их посиделок не велось. Когда Артем собрался домой, Лера и Володя проводили его до метро.

— Ну, пока, жених, — она чмокнула его в губы. — Значит, завтра вечером тестовый созвон с целью подтверждения серьезности намерений? Хотя маму обнадежили, жалко будет ее огорчать...

— Зачем огорчать? — улыбнулся жених. — Не будем огорчать. Реши до завтра, в какой ЗАГС пойдем, — или, может, ты хочешь во Дворец?

— Ох, Вовка, — не в силах скрыть своих эмоций, обратилась к другу Лера, — ты видишь, что делается?! Проблема какого приятного выбора наконец-то встала передо мной! Нет, определенно жизнь прекрасна и удивительна!

— Факт, — поддакнул тот.

Когда эскалатор поглотил Артема, Лера с Володей решили прогуляться по парку. Стояло бабье лето, погода была теплой, в голове шумело от выпитого бальзама...

— Вовка, как же здорово! — волокла она его под руку по аллее. — Неужели у меня будет настоящая свадьба и все такое?.. Даже не верится!

— Ты как вообще к этому относишься-то? Все-таки брак — дело серьезное.

— А если отнестись к серьезному делу несерьезно? Что тогда будет? — заглянула она в его бездонные глаза.

— Наверное, ничего серьезного. Как при умножении на ноль.

— Фу какой ты зануда, Вов... — Лера сморщила нос. — Меня только отпустило, а ты!.. Ну, кому помешает то, что я схожу замуж? Никому. Артем относится к этому так же легко, как я. Да и все вокруг будут рады свадьбе. Я так устала хандрить, Вовка! Это не мое амплуа. Надо срочно все поменять, и я это сделаю!

— Ну, тафай, тафай... — коверкая слова, по-доброму поиздевался над ней Володя. — Кто не рискует, тот не пьет. А ты пьешь.

— А я пью! — рассмеялась она. — А кто не пьет, назови! Нет, я жду!.. Разве что ты, ибо ты у нас уникальный безалкогольный человек. Слушай, а давай пойдем обратно ко мне, фильм какой-нибудь посмотрим. Ты никуда не торопишься?

— Нет. И я сегодня без машины, если ты заметила. Приехал на метро специально с тобой поговорить.

— Об Оле? Мы вчера виделись с ней. Там все сложно.

— В том-то и дело. А со мной вчера такой случай вышел, если кому рассказать, подумают, наверное, что наркоман, раз такие глюки у меня.

— Что за глюки? — живо заинтересовалась Лера.

— В центре, на Колокольной, вчера инспектор тормознул, как раз когда ты мне звонила. Говорил весьма странные вещи, и еще права у меня оказались на год просрочены.

— Ты ж вроде менял их недавно...

— В том-то и дело. Три года назад менял. Такое ощущение, что я столкнулся с чем-то потусторонним. Он потом вообще исчез, после того, как сказал мне, чтобы сегодня я ни в коем случае не садился за руль и как можно скорее перевез бы к себе свою девушку.

Лера даже присвистнула от удивления:

— Ну, зная, что ты ничего не употребляешь, наверное, я должна тебе поверить, однако если бы я этого не знала... Слушай, Вов, а может... — она задумалась. — Может, это был твой ангел-хранитель?

Большие Володины глаза стали еще больше.

— Нет, знаешь, я слышала, бывают подобные истории, когда ангел-хранитель приходил и предупреждал об опасности. Правда, чаще это происходит во сне, а вот чтобы ангел был в форме сотрудника ГИБДД — что-то новенькое. Не иначе как и там, — она ткнула указательным пальцем в небо, — новые технологии. Ничто не стоит на месте!

— Тебе бы все обсмеять...

— Ты что, я совершенно серьезно! Я считаю, тебе нужно обязательно прислушаться к тому, что он сказал! Если в твоей жизни уже дошло до того, что ангелу-хранителю даже некогда тебе снится и он тормозит тебя на перекрестке, значит, надо срочно принимать какие-то меры! Я б на вашем месте вывезла вещи, пока мужа Оли нет дома, но раз ей на это никак не решиться, я хочу попробовать принять участие в вашей непростой судьбе. В общем, завтра я иду к Оле в гости и попытаюсь обаять ее супруга.

— Вот это новости!..

— Вот, — Лера кокетливо повернулась из стороны в сторону. — Скажи мне «спасибо».

— Скажу, когда обаяешь, — улыбнулся Владимир. — А вообще я б его уже собственными руками... обаял... — его голос стал жестче.

— Так а за что его руками-то... Он больше всех пострадавшая сторона. У вас семья будет, а он один останется. Мне его по-человечески жаль, хоть он и мудака. Но в каждом мудаке, я уверена, сидит человек, вопрос только в том — насколько глубоко.

— Ну, может, тебе и удастся увидеть этого человека. Если тебе с твоей непосредственностью все-таки удастся его расшевелить.

— На самом деле, я не слишком уверена в успехе этого предприятия, ибо имеется категория мрачных типов, которым я в принципе не могу понравиться, и есть опасение, что он как раз к ней и относится. Так что, на всякий случай, большой ставки на меня делать не стоит.

— Ставки делать и не будем, тут же нам не ипподром, — пошутил Володя. — Да и ты не лошадь.

— Точно. Не лошадь. Слушай, а давай с парашютом прыгнем, а? — вдруг резко сменила тему Лера. — Начнем жизнь заново. Вот так взять и представить, что он не раскроется, а потом он — раз! — и раскроется. И как будто бы вторая жизнь начнется. Это ж, наверное, здорово — родиться заново!

Я слушал ее и думал, что она рассуждает о том, чего совсем не знает. Чтобы заново родиться, не достаточно просто сменить прическу, цвет волос и прыгнуть с парашютом. Для этого нужно внутренне пережить свою смерть, и это вовсе не страх перестать существовать физически...

Я почувствовал потребность поговорить с Элиасом, но тот не выходил на связь, несмотря на всевозможные внутренние сигналы, которые я ему посылал. Любопытно, чем он так занят? Этот ангел был полон секретов.

***

Весь оставшийся день Володя провел у Леры. Когда Мари-на Ивановна ушла на вечер бардовской песни, друзья, наконец, остались наедине и смогли спокойно поговорить. Со всех сторон взглянув на ситуацию, они решили попытаться убедить Ольгу поставить себе срок, например, две недели. Если за это время ничего «само не рассосется», действовать с учетом обстоятельств: объявлять официально или — что безопаснее — уходить тихо, оставив записку «про принца».

— Не дай Бог оказаться в такой ситуации, — заключила Лера. — Как посмотришь со стороны, во что может превратиться брак, страшно замуж выходить... Какие необратимые метаморфозы происходят с супругами во время семейной жизни!.. Надеюсь, у нас с Артемом такого не случится. При первых же предвестниках одностороннего или обоюдного выноса мозга немедленно разведемся. Контракт брачный, что ли, составить...

— Ага. Про то, сколько раз в неделю сексом можно заниматься, — пошутил Володя. — Имущества у вас никакого нет, ни у тебя, ни у него, — чего делить-то? Контракт нужен для решения материальных вопросов.

— Ну да. Тогда он нам вряд ли пригодится, — согласилась она. — А уж с сексом что-нибудь решим и без контракта. Ненормированным будет.

— У вас было уже что?

— Не-а. Целовались только. Мне ведь пока нельзя.

— Почему? А, ну да... А ты ему рассказала?

— А зачем? Это лишняя информация. Да к тому же он излишне впечатлительный. Недавно на работе пришел ко мне за советом: давать или не давать другу в долг на аборт для его девушки. Ситуация у ребят аховая: обоим по двадцать лет, работы нет, денег тоже, еще учатся... Переживал, что если даст денег, будет причастен к убийству живой души.

— И что ты посоветовала?

— Сказала, надо выручить, ведь тот и в другом месте найдет, если они точно все решили, а ему, как другу, будет минус: мог

помочь, и не помог. И что ответственность за чужое решение совершенно не обязательно брать на себя.

— Прислушался?

— Да. Так что, видишь, разве ж он поймет? Может быть, позже... Или вообще ничего не надо говорить. Я и так разболтала ему кучу лишнего о себе. А ведь далеко не каждый мужчина настолько мудр, чтобы принять женщину такой, какая она есть, со всем ее прошлым и ни разу не упрекнуть... Тем более такой начинающий, как Артем. Тебе повезло! — вдруг неожиданно громко добавила она, хлопнув его по коленке.

— В чем? — не понял Володя.

— Ну как в чем? В том, что у тебя есть такой замечательный друг противоположного пола, который в нужный момент все тебе объяснит с женской стороны баррикад, отведет от ошибки и вообще... Цени, блин! — она слегка ударила себя по груди ладошкой.

— Ценю, блин! — засмеялся он. — Дай пожму твою руку, мой верный друг!

— Жми, — она протянула ему правую руку. — А если бы я была Карлсоном, который живет на крыше твоего дома на Литейном, то провела бы к тебе в комнату колокольчик, и ты звонил бы в него три раза, когда хотел бы сказать: «Как замечательно, что есть свете такая прекрасная, в меру упитанная девушка в самом расцвете сил, такая, как ты, Валерия! Ты настоящий друг и почти сестра». Недавно с Петькой как раз читали...

— Я могу отправлять тебе такое сообщение каждый раз вместо колокольчика, — подхватил Володя.

— Давай! Это сейчас как раз то, что мне нужно — для повышения самооценки.

Друзья от души дурачились, им уже не хотелось говорить на серьезные темы. Я смотрел на них и радовался тому, что у Леры есть такой друг, и у Володи, соответственно, тоже. Чувства между ними были без тени фальши, они были друг с другом совершенно искренни и могли рассказать все без утайки, не боясь быть непонятыми. А что может быть прекрасней, когда рядом есть понимающий человек, готовый всегда прийти на помощь!

— Вовка, как же я по тебе соскучилась! — сказала она, уже устав смеяться. — Люблю тебя, — она поцеловала друга в щеку и положила голову ему на грудь.

— И я тебя люблю, — ответил он ей.

Прижавшись к нему, Лера вдруг почувствовала себя маленькой девочкой, и тщательно загнанные в угол чувства неожиданно хлынули через край, — смех внезапно сменили слезы:

— Вовка, мне на самом деле так плохо... Когда уже перестанет быть больно?

— Со временем перестанет. Не плачь. Просто подумай, что и это тоже пройдет.

— Да... Наверное, пройдет. Но не забудется. А вдруг у меня больше никогда не будет детей? — с ужасом предположила она.

— Будут! Захочешь — и будут. Ты же знаешь — у тебя все получается, когда ты сильно захочешь.

— Да, видишь, не все...

— Ну, как говорится, если от судьбы удалось уйти, значит, не судьба. Вот выйдешь скоро замуж, жизнь постепенно наладится... — он гладил Леру по голове, утешая, как в детстве это делала ее бабушка. — Правда, не понимаю я этого Артема, что-то в нем есть такое, не мужское. Станный он тип, непрочный какой-то...

— Да? Еще не разобралась. Мне он нравится, и внешне симпатичный, и чувство юмора хорошее. Прикольный, общительный, умный... Надо попробовать, — чего я теряю? Уже все потеряла...

— Перестань, не накручивай снова. Давай лучше чаю поьем, да я уже поеду. А фильм в следующий раз посмотрим. Насчет парашюта обещаю узнать. Сам давно хотел прыгнуть, да один не решился бы. А вместе с тобой я на что угодно подпишусь.

— Спасибо тебе, друг! Давай будем чаще встречаться!

— Да я не против, все работа проклятая, будь она неладна. Фигаро здесь, Фигаро там...

— Сама тебе ее нашла, а теперь жалуюсь на недостаток внимания. Бессовестная, да? Ладно, беги, вижу, торопишься уже. На следующей неделе позвоню, скажу, когда свадьба.

— Хорошо. Будем с Олей искать вам подарок.

— Ищите-ищите, — хихикнула Лера.

На прощанье друзья обнялись.

Когда Володя уехал, я решил еще немного побыть с Лерой. Она осталась совсем одна и, как только за другом закрылась дверь, включила компьютер и зашла на свою любимую семейную конференцию, где посторонние люди в форме советов высказывали свои «единственно правильные» мнения по разным вопросам сугубо личного характера.

Каждый раз, прочтя в комментариях что-то, на ее взгляд, неправильное, Лера вступала в спор с автором. Ей всегда хотелось расставить точки над «i» так, чтобы последнее слово осталось за ней. Вот и на этот раз она с головой ушла в спор о том, может ли человек кардинально измениться с годами к лучшему: сам, под влиянием кого-то другого или жизненных обстоятельств. Лера настаивала на том, что это иллюзия и что если люди со временем и меняются, то чаще всего не в лучшую сторону. Благодаря ярким примерам из жизни стараниями участницы под ником Оранжевая в конференции образовался безнадежный спор, разругать который было практически невозможно.

Потом Оранжевая, которой в конференции была Лера, нажала «Создать новую тему». Я внимательно читал все, что она пишет. Пока мы еще бесплотные души, мы можем все, а когда рождаемся — забываем и всему учимся заново. В общем, читать я умел. «Исповедь из пустоты» — так назывался ее пост.

«Неделю назад по моей собственной воле не стало моего будущего ребенка. Предыстория этого очень длинная, могу сказать лишь то, что отношения с его отцом зашли в тупик и он настоял на том, чтобы ребенка не стало. Теперь внутри меня образовалась такая ужасная пустота, что, кажется, в меня, как в вазу, можно запросто налить воду и поставить цветы. Только, боюсь, они быстро завянут.

Я очень хотела этого ребенка, еще до того, как он был зачат. Когда забеременела, встала на учет в женскую консультацию, начала набирать вес, все было в порядке. А теперь во мне кило-

граммов на пять меньше, — костюм, который купила месяц назад, висит, как на чучеле. Но главное не в том, что «костюмчик не сидит», а в том, что я была уверена, что через семь месяцев стану мамой, и теперь никак не могу свыкнуться с мыслью, что этого не произойдет. Это ужасно больно. И еще больнее осознавать, что человек, имевший непосредственное отношение к созданию ребенка, рад, что он не родится. Ему стало легче: нет ребенка — нет проблемы. А я ненавижу себя за то, что внутренне почти сразу простила его, и теперь уже сознательно настраиваю себя на то, чтобы никогда ему не звонить.

Иногда я думаю (или мне кажется?), что душа моего ребенка где-то рядом, смотрит на меня и не понимает, почему я так поступила. Я и сама не знаю почему. Все решила какая-то вспышка, всего одна негативная мысль о его отце... А ведь до этого я приняла совсем другое решение!..

Говорят, время лечит. Прошло две недели, а легче не становится. Помните ту, что идет по жизни, смеясь? Испытанный способ решать вопросы, как будто их нет... Будто про меня сочинили. Я даже решила выйти замуж, чтобы начать все с нуля. А правильно ли я поступаю? Может, это очередная ошибка?

А теперь можете забросать меня гнилыми виртуальными помидорами, как вы это умеете. Мне больнее, чем сейчас, наверное, уже не будет».

Она подписалась по-другому — Потерянная душа.

Если бы я мог, написал бы ей ответ: «Мам, не казни себя! Я люблю тебя такой, какая ты есть. Вопреки всему. Твой Мир». Но настолько новые технологии нашему непродвинутому в делах компьютерных небесному департаменту были неподвластны.

После Лера что-то делала по работе, исправляя данные в каких-то таблицах, потом пересмотрела в который раз свой любимый фильм «Осторожно, двери закрываются» и легла спать, так и не дождавшись, что кто-то из родителей вернется домой. В их семье в порядке вещей было, не предупреждая, задержаться за полночь или не прийти вовсе. Поэтому никто ни за кого не волновался.

Я лег рядом с ее головой и тоже уснул. Какой хороший получился день! Как приятно было прочесть о себе в Лерином сообщении! Значит, она тоже обо мне думает и, может быть, в самом деле чувствует мое присутствие.

***

Утром мы оба были разбужены звуком нового сообщения: «Доброе утро, моя будущая женушка, — какие планы на день?» — Артему хотелось общения.

«Доброе, иду в гости к крестнику. Вернусь — позвоню», — ответила она.

Лера тщательно приводила себя в порядок, готовясь к выполнению непростой миссии по обольщению чужого мужа на глазах у жены, пусть и с ее разрешения. «Обольстительница» долго выбирала подходящую одежду, что обычно никогда не вызывало у нее затруднений. На этот раз она особенно тщательно подкрасила глаза и сделала маникюр, накрашив ногти лаком, — это тоже был своего рода подвиг, ибо маникюром Лера никогда не увлекалась.

— Дело, конечно, отнюдь не во всем этом, а в харизме, но никуда не денешься: встречают-то по маникюру! — Лера скорчила себе рожу в зеркале. — Неотразима и свободна! — спародировала она булгаковскую Маргариту и тут же, улыбнувшись, добавила. — Хотя нет, отражаюсь же. Значит, не настолько, — она шутила даже с собственным отражением.

Я, тоже невидимый и свободный, мысленно надеялся, что Лере удастся наладить контакт с Климом, а мы с Элиасом будем вмешиваться в дальнейшие события уже «по ходу пьесы».

Подойдя к двери подъезда Ольги, дом которой находился всего в одной автобусной остановке, «женщина-вамп» остановилась, вытащила пудреницу и еще раз посмотрела на свое лицо. Судя по его довольному выражению, она осталась удовлетворена увиденным и решительно нажала на кнопки на домофоне, откуда почти сразу же донесся голос хозяйки:

— Лерик, ты?

— Yes, it's me.

— Третий этаж.

— Окей.

На маленькой пятиметровой кухне все было накрыто к обеду. Оля приготовила рыбу в кляре с вареной картошкой и капустный салат. Жили они скромно и разносолами были не избалованы. На табуретках за столом уже сидели Клим и Петя.

— Привет, Петь, — Лера потрепала по затылку крестника. Сегодня им нельзя было афишировать то, что она крестная, ибо глава семьи до сих пор не был в курсе этого священного события. Крестик Петя не носил по той же причине.

— Валерия, знакомься, это Клим, — представила Оля мужа.

— Очень приятно познакомиться, удивительное имя у вас, Клим. Когда полное, это как будет — Климент? Или Климентий? — начала она «стратегическое очаровывание».

— Климент.

— Первый раз лично встречаю человека с таким именем. А отчество к нему какое прилагается?

— Можно без отчества, я еще не настолько стар.

— Я вовсе не это имела в виду, — улыбнулась Лера. — Просто хотела узнать, как сочетаются имя и отчество.

— Он Климент Игоревич, — вмешалась Оля. — А сына хотел назвать Серафимом. Его дело назвать, а ребенок потом живи как хочешь. Хорошо, я отговорила, предложив имя Петр.

— Ну почему... Хорошие устойчивые имена, — возразила ей Лера, продолжая играть роль. — Зато отличаются от общей массы. А то везде, куда ни плюнь, сплошь Саши да Андреи.

— Вот именно, — Клим с интересом посмотрел на Леру. — Да вы садитесь, в ногах правды нет. Оля, положи госте картошечки.

— И рыбки не пожалей, — засмеялась Лера, придвигая к себе табуретку.

— А вы, Валерия, чем занимаетесь? — спросил он ее, когда все уселись.

— Я работаю в пиар-отделе той самой газеты, где ваша жена победила в фотоконкурсе. Я лично вручала ей приз, и она мне так понравилась, что мы неожиданно подружились.

— Что же раньше не заходили в гости?

— Да как-то никто не приглашал, — Лера с улыбкой вопросительно взглянула на Олю.

— Дорогой, я уже давно стараюсь к нам никого не приглашать. Ты же не слишком любишь гостей, — оправдалась та.

— Олечка, ну, это смотря кого! Такую симпатичную девушку, как Валерия, давно надо было позвать, — Оля с удивлением посмотрела на мужа. Такая реакция была для него весьма необычна.

— Осторожней, Клим, а то я возьму и поверю, что симпатичная. И приду сюда навеки поселиться, чтобы слышать это каждый день. Для повышения самооценки, — продолжала флиртовать Лера.

— А что, есть проблемы с самооценкой? — без тени улыбки поинтересовался Клим.

— Да скачет периодически, в зависимости от жизненных обстоятельств.

— Берите пример с меня. У меня все стабильно, — без тени юмора заявил он, поднося ко рту вилку с кусочком рыбы.

— Тогда мне нужен мастер-класс. Можно к вам записаться?

Оля переводила взгляд с одного на другого, наблюдая за тем, как Лера пытается выполнить данное обещание. Петька ел молча, при отце он никогда не встревал во взрослые разговоры, ибо помнил, как за такое дважды получил ремня.

— Это будет очень дорого стоить, а индивидуальные занятия оплачиваются вдвойне, — опять очень серьезно произнес Клим.

Лере было трудно. Когда во время первых десяти минут общения ее собеседник ни разу не улыбался, она теряла к нему интерес. Ее напрягали скучные люди с серьезными лицами. Клим оказался одним из них.

— Мам, можно я пойду в комнату? — Петька слегка потянул Олю за рукав.

— А чай пить не будешь с нами?

— Не хочу, спасибо.

— Ну, беги.

— А давайте, когда чаю попьем, пойдем по парку прогуляемся. Чего ребенок будет в духоте сидеть, погода сегодня отличная! — предложила Лера. — Клим, Вы с нами?

— Что-то не хочется, но за чаем обдумую это предложение.

— А мне кажется, идея хорошая, пойду Петьку одевать. А вы, — обратилась Оля к Лере и Климу, — заканчивайте уже на «Вы». А то прямо как учитель и ученица.

Оля вышла из кухни. Лера смотрела на Клима, не зная, о чем с ним говорить. Она могла найти общий язык с любым человеком, но в нем чувствовалась какая-то преграда, и она никак не могла подобрать ключик к этой закрытой двери.

— Может, и правда на «ты»? — прервала она молчание.

— Но мы же еще не пили на брудершафт, — с сомнением пожал он плечами.

— Так что нам мешает? Жаль, я с собой бутылку вина не принесла... Но можно чаем!

Клим неожиданно повеселел.

— Необычно. Давайте попробуем.

Они встали и, скрестив руки с чашками, сделали по глотку. Клим поставил чашку на стол, решительно и крепко обнял Леру и поцеловал самым настоящим проникающим вглубь поцелуем. Это было настолько неожиданно, что, несмотря на боевой настрой, девушка растерялась.

— Ого! — выдохнула она, стараясь как можно быстрее прийти в себя. — Ну, после такого поцелуя точно на «ты».

— Скажи потом Оле, — облизывая губы, произнес Клим, — что я хорошо целуюсь, а то она забыла уже, наверное...

— Что, все так плохо?

— Не будем об этом, — Клим вышел из-за стола. — Давайте погуляем, в самом деле. Пива купим и погреем кости на солнце, пока оно есть. Выходя, он провел ладонью по заднему карману ее джинсов и слегка сжал то, что находилось под ним. Лера, всегда с возмущением реагирующая на подобные вещи, улыбнулась нахалу. «Обещала — терпи», — подумала она.

В парке стояла настоящая золотая осень. Петька бежал впереди и бороздил ногами шуршащие кленовые листья. Те, что еще остались на деревьях, были пронизаны осенним питерским солнцем, и от этого весь парк светился удивительным теплым светом. Лера шла, вдыхая запах опавшей листвы, думая, стоит ли ей рассказывать Ольге о том, что произошло на кухне в ее отсутствие. Клим отлучился в магазин за пивом. Оля отказывалась, но он все равно купил три бутылки, сказав, что, если она не передумает, он выпьет сам. Про то, что можно было бы купить сыну сок, он даже не подумал.

— Прекрасная погода, не правда ли? — попыталась Лера разрядить напряженную атмосферу.

— Да, погоды стоят чудесные, — отозвалась Оля и вопросительно кивнула Лере, поведя взглядом в сторону Клим.

Лера в ответ ей пожалала плечами.

— А что, Ольга, — неожиданно заявил Клим, который не видел их переглядываний. — Давай я, как на Востоке, возьму себе еще одну жену? Секс пополам, составим график. Ты будешь старшей — любимой женой! — он внимательно смотрел на «старшую» жену, та не улыбалась, — или ты против? Может, ты планировала завести второго мужа? Так ты только скажи, мы все вместе обсудим.

— Ну, мужские гаремы пока не в моде, а за многоженство могут и посадить, — вставила реплику Лера.

— О, этого я не боюсь. И захотят посадить — не посадят.

— Откуда такая уверенность?

— Я застрахован, — загадочно пошутил он. — Вот ты, Валерия, согласилась бы выйти за меня замуж? — вернулся он к своей теме. — Чем я плох? Деньги, пусть не огромные, но зарабатываю, с потенцией тоже порядок.

— Это сейчас о вакансии второй жены, как я понимаю, идет речь? — уточнила Лера.

— Именно так.

Увидев побледневшее Ольгино лицо, она решила срочно свети все к шутке:

— Ну, если разрешение от первой будет получено, то могу при-
слать резюме и рекомендации от предыдущих мужей. Оля, да при-
ди уже в себя! — она толкнула подругу в бок. — Втроем даже ве-
селее. Я и с Петькой помогать буду, и готовлю, говорят, неплохо.

— Да я в порядке, в порядке, — отозвалась та. — Просто об-
думываю, куда мы в нашу маленькую квартиру поставим еще
одну кровать. У Леры поселиться нельзя — она вообще с роди-
телями живет.

— Ну, девочки, — обнял обеих захмелевший Клим. — Вы
уж тут как-нибудь бытовые вопросы решите, а финансирование
я беру на себя.

— И на новую квартиру хватит? — съязвила вдруг Оля.

Видимо, это был их большой вопрос, потому что Клим резко
помрачнел и опустил на ближайшую скамейку.

— Как ты умеешь, дорогая, подрезать человеку крылья. Вот так —
бац! — и нету — «где твои крылья, которые нравились мне»?.. — ка-
залось, Клим был уже пьян с одной бутылки. — Знаете что, дамы,
вы идите, а я тут посижу. Что-то вдруг захотелось одному побыть.

— Пойдем, пойдем, — подтолкнула Оля вперед растерявшую-
ся Леру. — Когда он такой, лучше ничего не говорить.

— Да, тяжелый случай... — произнесла Лера, отойдя на не-
сколько метров. — Слушай, я теперь еще больше за тебя боюсь.
Оля, ты разве не видишь — он бесится из-за того, что между ва-
ми секса давно нет. Может, даже догадывается о чем-то. Вот по-
чему он про второго мужа вдруг сказал?

— Не знаю.

— Черт, даже страшно вас наедине оставлять... Может, тебе
сначала к родителям переехать? И потом уже, когда муж успо-
коится, к Вовке. А он пока квартиру бы снял. Я с трудом пред-
ставляю, как вы будете жить с двумя детьми в его четырнадца-
тиметровой комнате. На Литейном ведь гулять с ребенком вооб-
ще негде, — жуткое место, дышать нечем...

— Я уже думала о таком варианте. Но дело в том, что мама
моя еще ни о чем не знает. Она правильная такая, всегда за то,
чтобы семью сохранить.

— Ну, Ольчик, уж маме-то можно все рассказать. Она же твоя мама, а не мужа. Должна понять. Прямо куста боишься, честное слово!

— Скажу, все скажу — и ей, и папе. Завтра у меня выходной, вот прямо с утра и поеду к ним в Сиверскую, это от Балтийского вокзала на электричке. Можно было бы сразу с Володей на машине поехать, но лучше их сначала подготовить... Как он, кстати? — перевела она разговор. — Вчера звонил, рассказал, что весь день у тебя провел.

— Вовка в порядке, надеется и верит. А я вот, знаете ли, замуж выхожу, — неожиданно сменила тему Лера. — И вовсе не за твоего Клима. А буду первой и единственной женой одного в меру упитанного и не в меру симпатичного журналиста! — похвасталась она. — Завтра утром договорились заявление подать.

— Вот это новость! И ты молчала!

— Ну а как я могла не молчать, если я придумала это вчера ночью!

— То есть как так... придумала?

— Да вот так, сказала: хочешь — женись, не хочешь — не женись. А он взял да и согласился жениться. Значит, хочет, — расхохоталась она.

— Ох, Лерка... Вот тебя кидает!.. Парень-то хоть ничего?

— Да вроде ничего.

— На свадьбу пригласишь? — настроение от такой новости у Оли заметно улучшилось.

— Ты сомневаешься?..

Подбежал вспотевший Петька, до сих пор нарезавший круги по парку, и подарил каждой из своих мам по букету осенних кленовых листьев.

— Это, мам, тебе, — вручил он букет побольше. — Это — крестной, а это, — он сунул один листик в карман Олиного плаща, — для моей сестренки. С восьмым марта! — засмеялся он.

Девушки расхохотались.

— Ах ты умница! — потрепала Лера крестника по макушке. — Восьмое марта нам в октябре устроил! Какой у тебя, Оль, мужичок растет, цени! С таким можно ничего не бояться!

— Видишь, — сказала ей Оля, — он даже не спросил, куда делся папа. Для него его как бы нет...

— Вижу, — ответила Лера. Об поцелуе на кухне она все же решила промолчать, чтобы еще больше не напугать Олю, ведь это было сделано явно из ревности и мести.

***

От Клим, оставшегося в одиночестве на лавочке, шел такой поток негативной энергии, что мне сразу стало понятно — один я сегодня не справлюсь. У людей такое, кажется, называется «дошел до точки кипения»: в этом закрытом человеке бурлили эмоции. Он просидел в одной позе больше часа, когда «жены» уже разошлись по домам. Опустошив вторую бутылку пива, Клим сидел еще за одной и вернулся на то же место.

Похоже, домой он не торопился и у меня еще было время все обсудить с шефом. Но вечером обязательно кто-то из нас, а лучше оба, должны находиться рядом с Ольгой, чтобы помочь в случае неконтролируемых эмоций со стороны обманутого мужа.

— Привет, Мир, — ты улетаешь? — услышал я голосок Д-16121998. — А я целые сутки провела с девочками, было безумно весело! Мы отмечали рождение одной нашей подружки и так много танцевали, что, если бы у меня были ноги, они б, наверное, сейчас болели.

— Я уже догадался, что папу ты так и не навестила... Ладно, у меня сейчас дела, позже расскажешь, кто родился и у кого.

— Пока, я буду тебя ждать!

Мы с Элиасом договорились встретиться через полчаса на нашем месте. Ангел снова опоздал, он был растрепан, крылья запылились, взгляд рассеянно блуждал.

— Шеф, у вас все в порядке?

— Я бы так не сказал...

— Случилось что-то?

— Ох, Мир, маленький ты еще, чтобы я с тобой делился такими вещами. Скажем так, любовь — сложная штука. И от нее бывает как радость, так и грусть.

— А разве ангелы могут влюбляться?

— А чем мы отличаемся от людей? Бессмертием и наличием крыльев? Конечно, мы можем влюбляться! Вот и я влюбился.

— А она?

— Она?

— Ну да, ваша возлюбленная...

— Мир, милый мой Мир, — медленно произнес Элиас и тяжело вздохнул, — если бы это была она... Так что ты хотел мне сообщить? — он как будто проснулся. — Давай к делу.

— Я хотел попросить вас сегодня побыть со мной вместе дома у Клима и Оли. У меня нехорошие предчувствия.

— Что, мое напутствие Владимиру не дало никакого результата? — нахмурился он.

— Лишь то, что он на следующий день поехал в гости на троллейбусе и в эти выходные с Олей не виделся.

— Дурак! — в сердцах выпалил Элиас и тут же осекся. — Ой, ты снова ничего не слышал...

— Ничего, шеф. Ровным счетом ничего.

— Ты склонен доверять своим предчувствиям? Они тебя раньше не обманывали?

— Если бы я раньше к ним прислушивался, сейчас меня бы здесь не было.

— Понял. Ну полетели, что с тобой делать... У меня есть и другие срочные дела, но чувство служебного долга неожиданно перевесило, — подмигнул он.

Это был наш первый совместный полет. Меня охватил какой-то щенячий восторг, когда ангел расправил свои огромные крылья, встряхнул ими и рядом родилось небольшое облачко из мелких перышек. Потом мы долго-долго летели. Полет с Элиасом совсем не походил на те, когда я летал в одиночку. Один я делаю это гораздо быстрее, а тут был настоящий процесс! От взмахов ангельских крыльев меня обдавало волнами теплого воздуха, а во-

круг нас, будто снег, разлетались маленькие перышки, как во время линьки у птиц. Я не знал, что и у ангелов бывает то же самое. Наверное, это от несчастной любви, решил я. Ужасно любопытно, что за объект удостоился его внимания и почему все складывается так, что мой шеф несчастлив. Вернее, все отнюдь не складывается... Но душе лезть в душу как-то не пристало. И я решил не лезть.

***

Мы с Элиасом вели себя как настоящие шпионы. Это будто была наша общая шпионская игра. На кухне в квартире Ольги и Клима горел свет, одна рама окна оказалась открыта, и мы решили наблюдать с подоконника через второе стекло. Элиас, заглянув и увидев, что в кухне кто-то есть, прислушался и подал мне знак, чтобы я сделал то же самое. Оттуда раздавались звуки льющейся воды и звяканье посуды. Одна тарелка вдруг разбилась. Мы прильнули к стеклу: Оля подметала осколки разбитой тарелки. Похоже, она нервничала, потому что постоянно закусывала губу — я и раньше замечал у нее такую привычку. На столе лежал большой разделочный нож и сырая курица, предназначенная для ужина. Бедному созданию было уже все равно, что происходит вокруг.

Но нельзя сказать, что Ольга была на кухне одна, — у нее на плече сидела довольная жизнью Д-16121998 и озорничала, вытаскивая из-за ушей матери пряди волос. Молодая женщина никак не могла понять, почему они постоянно падают на глаза, несмотря на то, что она их тщательно убирает за уши. В конце концов, Оля помыла руки, вышла из кухни и вернулась с заколкой в волосах. У Д-16121998 сделался обиженный вид.

— Что-то ничего не происходит, — повернулся ко мне Элиас. — А эта милая мордочка на плече у Ольги и есть твоя подружка?

— Она не моя подружка, мы просто иногда разговариваем, — смутился я.

— Рассказывай сказки... — хитро улыбнулся Элиас. Похоже, к нему возвращалось доброе расположение духа.

Я вдруг почувствовал себя тревожно и посмотрел вниз. К подъезду нетрезвой походкой шел Клим с бутылкой в руке. Черная туча, созданная им самим из негативных эмоций, так низко висела над его головой, что казалось, будто сейчас польет дождь.

— А вот и наш герой, — Элиас тоже увидел его одновременно со мной. — Готовимся к операции «Захват враспloch»? — ангел рассмеялся и тут же, пряча улыбку, нахмурился. — Так, все, все. Нужно быть серьезней, я же как-никак ангел-хранитель! А это большая ответственность, вплоть до отстранения за недосмотр.

— Правда? Что, могут отстранить? — заволновался я.

— Легко!

— А чем занимается отстраненный ангел-хранитель?

— Он становится простым смертным, таким же, как этот придурок, с тучей над головой, — Элиас похлопал себя ладонью по губам. — Да что же это такое, никак не справиться со сквернословием. Прости, малыш... Я буду стараться!

— Не переживайте так, босс, я плохих слов не повторяю. И даже не запоминаю.

— Молодчина, — он снова посмотрел на меня с отеческой нежностью.

В эту минуту на кухню зашел Клим.

— Привет, Ляля, — громко сказал он жене. — Что у нас сегодня на ужин — курица?

Ольга похолодела и превратилась в восковую фигуру. Нож, которым она собиралась отрезать куриную ногу, замер в воздухе. Кроме Володи, ее никто больше Лялей не называл. Клим всегда звал ее только Олей, или просто женой, — никаких ласкательных прозвищ. «Он знает, он все знает!..» — сердце ее застучало так громко, что ей показалось, его можно услышать.

В один миг внутри нее будто остановились все физические процессы и билась только одна мысль: что теперь будет? Оля подумала, как же хорошо, что она включила Петьке мульт-фильм «Чип и Дейл спешат на помощь» и в ближайшие двадцать минут ребенок точно не зайдет на кухню. И дверь закрыта — не услышит скандала.

«Может, сделать вид, что я ничего не поняла? А завтра, пока он будет на работе, собрать вещи и уйти», — пронеслось у нее в голове. Ей было очень страшно, но она нашла в себе силы обернуться к мужу: Клим смотрел на нее насмешливым пьяным взглядом, не предвещающим ничего хорошего.

— Курица, — ответила она, постаравшись взять себя в руки. — Запеченная в духовке, как ты любишь.

— Хорошая жена всегда старается угодить мужу, если не хочет, чтобы он взял себе еще одну, — пьяный муж с грохотом отодвинул две табуретки и уселся на третью. — Да, Ляля? — он повторил это имя еще раз, уже громче, как будто вызывал ее на дуэль.

Слезы подступили к Ольгиным глазам, а комок — к горлу. Она положила нож на стол и опустила на табурет.

— Почему ты меня так назвал? — спросила она очень тихо, поднимая глаза на мужа.

— Как почему, просто взял да назвал. Тебе разве не нравится? — язык у него слегка заплетался.

— Не нравится, — ее голос стал еще тише.

— Точно? — он грохнул кулаком по столу. — А мне думается, наоборот.

— Ты все знаешь? — она почти плакала. — Откуда? Кто тебе рассказал?

Мы с Элиасом сидели за окном, готовые, как Чип и Дейл, в любой момент прийти на помощь. Правда, у нас так и не было никакого плана действий, но я верил в то, что мой начальник обязательно что-нибудь придумает, ведь не зря же его имя в переводе с древне-греческого означало «мой бог». Именно таким непререкаемым авторитетом стал для меня этот довольно странный ангел.

Мы видели, как Д-16121998 в испуге прижалась к шее матери и спряталась под ее волосы: ей тоже было страшно.

— Кто мне рассказал?.. — с усмешкой повторил Клим ее вопрос и замолчал. Молчание длилось около минуты. Напряжение росло. — А никто, — наконец, выдал он. — Сам догадался.

Как-то, знаешь, ничего другого в голову не приходит, когда жена полгода не дает. Ты что думаешь, мужику это легко?

Оля, опустив глаза, молча смотрела на недорезанную курицу и в эту минуту была похожа на нерадивую ученицу, которую отчитывает директор школы.

— Нелегко, — ответил он сам на свой вопрос. — И еще тяжелее узнать, что это не просто потому что «голова болит», а потому, что у нашей Ляли, — при этом имени он стиснул зубы, — есть с кем этим заниматься!.. — закончил он фразу почти на крике.

— Клим, прошу тебя, не надо...

— Что не надо? — он нарочито театрально поднял брови. — Разве я делаю что-то дурное?

— Ты пьян. Давай поговорим об этом, когда ты протрезвешь. Обсудим, как жить дальше. Нам давно пора это сделать. Просто я не хочу говорить с тобой сейчас, пока ты неадекватен.

— А я не хочу ждать, пока стану адекватен! Я устал быть адекватным и хочу выяснить все сейчас, пока пьян. Я устал ждать, понимаешь?! Устал ждать!

Клим резко встал и потянул руки к жене. Та отпрянула назад.

— Куда? — правой рукой он схватил Ольгу за халат, а левой одним движением скинул со стола и курицу вместе с доской и ножом, — все с грохотом упало на пол. — Я тоже хочу свою жену и имею на это законное право. — Он сдернул с Олиных плеч халат и, пытаясь усадить ее на стол, прильнул губами к обнажившейся груди.

— Не надо, я прошу тебя, Клим, не надо... — женщина заплакала.

Нужно было срочно действовать. Элиас в доли секунды оказался в комнате, где пятилетний мальчик увлеченно смотрел мультфильм:

— Петя, срочно беги на кухню. Маме плохо! — взволнованно сказал он ему.

Пацаненок, увидев ангела, от удивления открыл рот, но, ничего не сказав, вскочил с кресла, дернул дверь за ручку и вы-

бежал из комнаты. Слова «маме плохо» подействовали на него мгновенно.

— Мама, мамочка, тебе плохо? — крикнул он, вбежав на кухню и увидев папу, склонившегося над мамой, которая почему-то лежала на обеденном столе.

— Петя! — отозвалась она, запахивая халат. — Петенька, иди сюда, — хочешь молока? Или печенья? — голос Оли дрожал. Появление ребенка спасло ее. Увидев сына, Клим мгновенно прекратил свои действия и молча вышел из кухни, по дороге дав парнишке увесистый подзатыльник. Петька беззвучно заплакал. Через минуту хлопнула входная дверь.

— Мальчик мой, не плачь, маленький, все хорошо. Папа просто пьяный, он не понимает, что делает...

— Я не хочу такого папу, давай уедем к Володе, — он добрый! — обиженным голосом выкрикнул ребенок.

— Хорошо, давай уедем, я прямо сейчас ему позвоню, и он нас заберет, — она вытерла рукавом халата слезы и стала искать мобильник.

— Мама, а откуда в нашей комнате взялся дядя с огромными крыльями, как у птицы, только намного больше? — поинтересовался Петя.

— Какой дядя с крыльями, малыш, о чем ты? — еще не до конца успокоившись, рассеянно спросила его мама.

— Он, наверное, залетел через окно, но я этого не видел. А потом сказал, что тебе плохо и чтобы я бежал на кухню...

— Петенька, что ты такое говоришь? — сказала она, набирая номер. — Дяди с крыльями бывают только в кино.

Мальчик пожал плечами и махнул рукой:

— Взрослые никогда не верят детям... Вот как мама и папа Малыша не верили, что у него есть друг Карлсон, а он у него был!

— У тебя тоже есть летающий друг? — по-доброму улыбнулась Оля, глядя на расстроенно-обиженное личико мальчика. — Расскажи, я поверю.

— Так я и рассказываю...

В эту секунду на том конце провода раздался голос ее любимого человека, и их разговор с сыном прервался.

— Володя, родной, мне кажется, сегодня нам опасно оставаться дома. Найдется раскладушка для Петьки? Когда ты сможешь за нами приехать? Хорошо, через полчаса будем ждать тебя на углу Большевииков и Подвойского. Нет, к дому подъезжать не надо, тут Клим бродит где-то неподалеку. Да нет, ничего не случилось, просто уже предел...

К теме об ангеле мальчик больше не возвращался. Ольга побросала необходимые вещи в два пакета и взяла в ванной зубные щетки — свою и детскую. Потом она подумала, что, наверное, стоит оставить записку. Взяв в руки ручку и листок, она вспомнила Лерин совет написать о том, что за ней заехал Принц на белом коне, а она не смогла ему отказать. Но было не до шуток. Написав первое, что пришло в голову, она накинула плащ, надела на Петьку курточку и кепку, и, взявшись за руки, они вместе с сыном вышли на улицу.

— Свободна, — произнесла она вслух. — Наконец-то свободна...

Душа ее будущей дочки горделиво сидела у нее на шее и вертелась по сторонам, как маленький ребенок на плечах у отца. Увидев меня на подоконнике, Д-16121998 улыбнулась и замаха-ла рукой. В этот момент я увидел ее такой, как если бы ей было уже два года: большие папины голубые глаза и мамины светлые волосы — очаровательная девчушка! Я тоже помахал ей в ответ. Каким видеала меня она, я не знал.

За окном в опустевшей квартире хозяйничал Элиас. Он, как настоящий заботливый ангел-хранитель, смел со стола в комнате крошки, оставшиеся после Петькиной печенюшечной трапезы, поднял с пола курицу, положил ее в холодильник, а нож и доску — в раковину.

Я влетел в форточку, когда он читал Олину записку, которую та оставила на столе:

«Семья не стало гораздо раньше, чем у меня кто-то появился. Вместе больше невозможно. Прости. Не ищи нас».

— Да не было у вас никогда семьи, он всегда только о себе думал, — покачал головой Элиас.

В это время с Литейного по опустевшим городским проспектам за своей семьей мчался «принц» на желтой «копейке». Его водительские права, лежащие в правом нагрудном кармане куртки, с сегодняшнего дня уже не были просрочены.

***

Обратно мы полетели другим путем — через центр Петербурга — и оказались над Исаакиевским собором, где вокруг огромного сияющего купола выстроились бронзовые пятитонные ангелы. Видимо, решив помериться с одним из них ростом, Элиас встал рядом:

— Похож?

— Кажется, что-то есть... — неуверенно сказал я.

— Что-то!.. — хмыкнул он. — С меня ваяли! — его буквально распирало от гордости.

— Да ладно! — удивился я.

— Шучу, наивная ты душа, — он смеялся, довольный тем, что я купился, — не с меня — с моего отца! Он как раз пролетал над Петербургом и повредил крыло. А тут мимо как нарочно архитектор Монферран проходил, увидел его и говорит: «Ты-то мне и нужен, пойдем-ка я тебя увековечу». Ну а отцу куда было деваться — лететь-то он дальше не мог. Вот, пока крыло лечил, позировал одному немецкому скульптору.

— Надо же!..

— Ну какой же ты доверчивый, я только что все это выдумал! — расхохотался Элиас. — У ангелов не бывает родителей, мы появляемся на свет не так, как люди.

— А как?

— Это тебе знать еще рано, — он щелкнул меня по веснушчатому носу. Вернее, это он видел его веснушчатым. И вообще — видел мой нос.

— Элиас, а какое будет новое задание? — я решил быстрее сменить неловкую тему.

— Мой дорогой Мир, — вдруг торжественно начал он, — за твою замечательную работу я решил пока не давать тебе новых заданий. Считай себя в заслуженном отпуске. Как только ты мне понадобишься, я дам знать. Но я прошу тебя регулярно навещать Машу, Олю и Владимира, и, если ты почувствуешь, что требуется вмешательство, обязательно мне сообщай. Как сегодня.

— И я могу делать все, что угодно? — осторожно уточнил я.

— А как ты собираешься делать все, что угодно? — потечески улыбнулся он.

— Я хотел бы больше времени проводить рядом с Лерой. Той девушкой, что могла стать моей мамой.

— Ты занимаешься мазохизмом, Мир, — сказал он мне уже без тени улыбки.

— Так можно? — уточнил я, не поняв смысла нового для меня слова.

— Как я могу запретить? Если это доставляет тебе радость...

Я три раза облетел вокруг шефа и чмокнул его в щеку.

— Спасибо!

— Лети, чудо, удачи тебе! — крикнул он вслед мне, устремившемуся по зову своего чувства. — И мне тоже удачи... — пробормотал ангел себе под нос. Но я этого уже не слышал.

***

Лера читала отзывы на свою виртуальную исповедь. Их было много, и все были совершенно разными. Кто-то считал, что переживания Потерянной души какие-то ненастоящие, вроде как она вовсе и не хотела этого ребенка и зачем теперь себя с вазой сравнивать. Я удобно устроился у Леры на макушке и ознакомился с некоторыми мнениями.

«Милая, а где раньше-то была голова, когда ложились с тем, с кем отношения зашли в тупик? Надо было сначала у батюшки благословления попросить, замуж выйти и повенчаться. А так во грехе жила и душу невинную загубила. В церковь сходи покайся, Бог-то простит, но грех твой все равно с тобой останется, и тебе с ним всю жизнь жить! Чего испугалась-то? Сколько ма-

терей растят детишек одни! И греха такого не совершили — душу детскую загубить, которую Бог послал...»

Я видел, что Лере очень тяжело читать такое послание. Она уже жалела, что вынесла свои чувства на всеобщее обсуждение. Сообщение оказалось за подписью Матушки N., судя по всему, очень набожной особы.

Следующее было совсем другого характера — от постоянной участницы конференции с ником Бора-Бора:

«Не казните себя за то, что сделали, смысла в этом нет никакого. Лучше задумайтесь о том, чтобы жить дальше, не повторяя ошибок. Найдите себе, наконец, Настоящего Мужчину, который, даже если отношения зайдут в тупик, во-первых, не пошлет женщину на аборт, и во-вторых, не бросит потом своего ребенка. У меня было точно так — с молодым человеком мы разошлись, но он записал сына на себя, помогает нам материально и общается с малышом. У него уже другая семья, а хоть я пока не встретила того, кто мог бы быть рядом с нами, очень благодарна ему за то, что он не настаивал на аборте. Ибо одна я, может, не решилась бы родить. А теперь не представляю, как это — если бы моего сына не было».

«Мой муж не хотел второго ребенка. Я тоже по глупости сделала аборт. И, как и вы, потом не понимала, зачем сделала. Страдала. Ненавидела мужа. Боль прошла, когда родила. Теперь очень люблю свою дочку. Думаю, что, если бы тогда не сделала аборт, не было бы этого ребенка. А может, душа того ребенка живет в этом...» — поделилась Августа.

Марфа-посадница ответила адресно: «Уважаемая Матушка N! Вот такие сугубо православные личности вроде вас очень любят на всех ставить крест (извините за каламбур). Осудить поступок человека очень легко, а вы влезьте сначала в его шкуру, а потом уже говорите дежурные фразы вроде «Бог дает ребенка — Бог дает на ребенка». Дома малютки завалены отказниками! Сколько случаев, когда младенцев находили в мусоропроводе! Не лучше ли вовремя сходить к врачу, чем возненавидеть плод в своей утробе и обречь его на подобную судьбу, оградив

себя, как вы изволите выражаться, от греха? Потерянная душа и без того сильно переживает и чувствует себя опустошенной, а тут еще такие, как вы, добавляете масла в огонь. Полагаете, ей станет легче от ваших фраз о загубленной невинной душе? Нет. А зачем делать человеку еще больше? Я уверена, что она и так никогда не повторит того, что сделала...»

Дальше в комментариях шла довольно длинная перепалка Матушки N. и Марфы-посадницы. Матушка выдавала предсказуемые фразы, а Марфа пыталась воззвать к голосу разума и не сыпать прописными истинами. Лера решила не вмешиваться в полемику и ничего больше не писать, чтобы ее не обострять, и просто прочла все, что ей ответили люди, которые не смогли пройти мимо.

«В вашей истории почти нет вопросов. Делаю вывод, что вам надо было просто выговориться. То, что больнее не будет — не зарекайтесь. Бывает. Так, что люди не только в конфу писать — говорить не могут. В качестве «душу отвести» — вполне себе нормальный пост. Может быть, еще неоднократно понадобится и выговориться, и поплакать. Если не верующая — идите к подружкам, к психологу. Верующая — в церковь.

Пойдет жизнь дальше. Родите еще ребенка. Этот этап вам надо пройти, раз уж сделали то, что сделали. Замуж сейчас не надо. А идти вперед надо. Взяли себя в руки, можете улыбаться на людях — ну и отлично. Поплакать и погоревать тоже себе позволяйте обязательно. В целом — сил вам», — пожелала ей Солнечная.

«Ваша боль притупится со временем, но то, что теперь всегда будет с вами — незримо — душа нерожденного. На мой взгляд, время траура по потере — не самое лучшее время для замужества. Пока вы не признаете и не отпустите ситуацию, у вас не получится построить нормальные отношения с мужчиной: вы подсознательно втащите в них и ваше чувство вины, и вашу травму. Для того, чтобы пропустить это через себя и принять то, что уже случилось, обычно нужно около года. А потом, приняв новый опыт в себя, можно разобраться — чего хочется, куда идти, какой дорогой и с кем.

Желаю вам прожить это непростое, но важное время, не разрушая себя — ведь вам еще только предстоит стать женой и мамой, а ждущему вас ребенку неплохо иметь неразрушенную мать. В противном случае вы можете очень надолго «застрять» на тяге к этому ребенку».

Такое сообщение от некой Настасьи удивило меня. Люди как будто откуда-то знают про нас... Последнее предложение немного обидело: а почему бы и не застрять на тяге к этому ребенку, ведь я же застрял на тяге к этой маме... Подумав это, я тут же поругал себя за эгоизм: мне вовсе не хотелось, чтобы Лере было плохо.

Сообщение от Неспящей красавицы было довольно резким: «Это сейчас мода такая — на каждом углу орать об убийствах, о том, как положено страдать после аборта... Меньше читайте всякую хрень, скажу я вам. Это всего лишь медицинская манипуляция, еще лет двадцать назад практически все женщины через это проходили и через два дня шли строить социализм, укладывать шпалы и воспитывать имеющихся детей. Все моралистки, что здесь выступают, избежавшие абортов, не дали жизни десятку детей посредством таблеток, спиралей и презервативов.

Я считаю, каждый сам хозяин своей психики, хочется страдать — на здоровье, не хочется — надо забить и жить счастливо. При чем здесь пустота какая-то...» — выразила она свое «единственно правильное» мнение.

«Забить и жить счастливо» — надо же, какой забавный совет, подумал я.

«Потерянная душа, мой совет, может, покажется вам забавным. Хорошенько вымойте какую-нибудь вазу, насыпьте туда земли, посадите семечко, например, подсолнуха, и каждый день поливайте. И когда появится росток, попробуйте ощутить, что жизнь ваша наполняется смыслом. Я материализую образ, описанный вами, чтобы вы поняли, что если ваза пуста, но не разбита — это еще не конец! Не поймите меня неправильно. Семечко — совсем не обязательно новая жизнь, это может быть новая любовь, новое увлечение... Займитесь чем-то интересным, перестаньте терзаться мыслями о прошлом, просто извлеките

из пережитого необходимый опыт, живите настоящим и стройте свое будущее. Не стоит разрушать себя из-за того, кто был в вашей жизни просто Проходим», — эта мудрая участница конференции называла себя Пипеткой.

Авторами двух последних сообщений, судя по никам, были мужчины.

«А, может, душа вашего ребенка, и правда, где-то рядом? Не зря же вы ее чувствуете. Я бы на вашем месте воспользовался случаем и попросил прощения», — написал Оракул.

Последний комментарий был «самым конструктивным». Некий Потاپий выдал дословно следующее: «Все фигня. Главное — чтобы костюмчик сидел!»

Прочитав это, Лера не могла не улыбнуться. Да... Где, как ни в интернете, можно увидеть будто бы за стеклом столько разных людей. Ведь достаточно написать пару предложений и уже можно нарисовать образ человека, который это написал, и Лера представляла его за каждым ником. Все эти люди, так или иначе, не остались равнодушными к ее проблеме и попытались помочь ей советом. В том числе Матушка N.

Лера не часто, но посещала церковь и несколько раз исповедовалась. У нее даже был свой духовник — отец Игорь, внешне чистой воды Санта-Клаус, только переодетый в рясу священника. Пожилой батюшка с человеческим пониманием относился ко всему, что рассказывала ему на исповеди Раба Божия Валерия, не выдавая таких шаблонных истин, какие посыпались на нее в конференции от Матушки N.

Ознакомившись с чужими мнениями, мы с Лерой стали готовиться ко сну. Вернее, готовилась она, а я кружил рядом, как влюбленный юнец, не в силах оторвать взгляд от объекта своего обожания. Я не мог прочесть ее мысли, но по выражению лица было видно, что она обдумывает прочитанное.

Когда Лера чистила зубы, раздался телефонный звонок. Артем хотел уточнить, куда именно они завтра идут подавать заявление. Невеста предложила пойти во Дворец бракосочетания на Фурштатской улице.

— Там, на мой взгляд, симпатично и уютно, у меня там в этом году одна подруга замуж выходила. Небольшой такой, ни к чему не обязывающий дворец, — пошутила она. — Да и дворец опять же, а не какой-нибудь районный ЗАГС! Только знаешь, давай подождем пару недель... — неожиданно сказала она. Похоже, чужие советы заставили ее задуматься о том, что она делает.

— Ты не уверена в принятом решении? Можно ведь подумать, уже подав заявление. Если что — просто не приходите, — по голосу чувствовалось, что он расстроился.

— Ну нет уж, если подадим — то придем.

— Хорошо, как скажешь. Значит, через две недели?

— Как штык!

Жених был готов ждать. Совету не спешить замуж девушка вняла своеобразно, просто решив взять маленький тайм-аут, чтобы разобраться в своих чувствах.

Прежде чем лечь спать, она несколько минут молча стояла перед зеркалом. В комнате царил полумрак — включено было лишь оранжевое бра, и от его света возникало ощущение сказочной пещеры, в которой горел огонь. Я сидел у Леры на шее и, если бы я не был невидимкой, она увидела бы и мое отражение

— Эй! — вдруг сказала она, всматриваясь в зазеркалье. — Если ты правда здесь, прости меня, пожалуйста! Я такая трусливая дура...

От переполнившего меня счастья я облепил все ее лицо, будто пластилином.

— Ну что ты, мам, перестань, — ответил я. — Будь счастлива! Я рядом.

Лера глубоко вздохнула, легла в постель и погасила свет.

***

Оля устроила генеральную уборку в комнате Владимира, пока того не было дома. Сегодня и у нее, и у Петьки был выходной: мальчик не пошел в детский сад — он находился слишком далеко от их нового жилья. Ребенок помогал вытирать пыль и полил два имеющихся у Володи растения. Вместе с мамой вытащили

из-под дивана кучу старых пыльных журналов, сложили в большие пакеты для мусора и отправились выкидывать. Мусорные баки находились во внутреннем дворе, до которого нужно было довольно долго идти. Это был очень старый дом с извилистой системой дворов. У непривыкших к жизни в центре он вызывал одновременно ужас и трепет, напоминая своим видом о блокадном Ленинграде. Здесь царила жуткая разруха. О том, что после войны уже прошло какое-то время, говорили только граффити на обшарпанных стенах. Когда Оля с Петькой вернулись в квартиру, у дверей им встретилась соседка Нина Геннадьевна, возвращавшаяся из магазина с продуктами.

— Здравствуй, Олюшка! — пожилая женщина очень обрадовалась встрече. — Ой, и Петенька приехал! Вы насовсем?

— Здравствуйте, Нина Геннадьевна! Да, на этот раз насовсем. Решились, наконец, переехать. Вот только вещи осталось забрать из старой квартиры.

— Вот замечательно! Я очень рада, что вы теперь здесь жить будете, а то люди есть, а поговорить не с кем. Заходите чаю попить. У меня книжки для Петинного возраста где-то были, еще от дочки моей остались, сегодня поищу.

— Хорошо, Нина Геннадьевна, непременно зайдём. Спасибо за заботу! И вы к нам заходите.

Они вошли в квартиру и разошлись по своим комнатам, которые находились одна напротив другой через неширокий коридор. Комнату рядом с входной дверью арендовала молодая студенческая пара из Воткинска. Ребята жили очень тихо и скромно. Они заканчивали художественное училище, постоянно что-то рисовали, изредка выходя поставить чайник или сварить пельмени.

Еще одну, совсем небольшую, узкую комнату-чулок занимала женщина лет пятидесяти с двадцатипятилетней дочкой, которые уже четверть века стояли на очереди и все это время жили «на чемоданах» в ожидании отдельной квартиры от государства. Девице уже подошел срок создавать свою семью, а она все спала на шкафу, на который залезала по стремянке. И только

днем, когда мать уходила на работу, дочь приводила молодого человека, и они так шумно занимались сексом, что Нина Геннадьевна, не выдержав, стучала им в стенку. В течение многих лет мать девушки отказывалась финансово участвовать в общих делах квартиры, ссылаясь на то, что они здесь «люди временные» и вот-вот съедут.

По соседству с этой мечтательницей вели совместное хозяйство запойные алкоголики дядя Коля с тетей Галей. Из-за них было страшно оставить на плите кастрюлю с едой, ибо те, с пьяну, могли унести ее в свою комнату, а содержимое немедленно съесть.

Еще две смежные комнаты были закрыты, — они принадлежали человеку, отбывающему срок в тюрьме за убийство соседки. Десять лет назад она изводила всех, кто здесь жил, своим ужасным характером, за что и поплатилась.

В общем, квартирка была еще та... Но громких скандалов, к счастью, не случилось давно: еще одни конфликтные люди, накануне возвращения соседа из тюрьмы, сняли отдельную квартиру, сдав свою комнату ребятам из Воткинска. Когда они уехали, все облегченно вздохнули.

Кухня, коридор, туалет и ванная давно требовали ремонта, но никто из вышеупомянутых жильцов не проявлял инициативы к его реализации. Володе комнату в этой квартире больше десяти лет назад купил отец, когда завел себе другую семью, и двадцатитрехлетний лоботряс стало ему мешать. Мать Володи умерла от инсульта, когда сыну было пятнадцать.

Оля вряд ли мечтала оказаться в таких условиях с двумя детьми, но другого выхода не было. Квартира, где они жили с мужем, принадлежала его двоюродному брату, который работал за границей, и ей было не на что рассчитывать после развода. Теперь Владимир стал ее единственной опорой. Видя его неуверенное жизненное плавание, Оля волновалась за их совместное будущее, боясь утонуть в безденежье, когда родится ребенок. Сама она работала медсестрой в больнице по графику сутки через трое, одновременно заканчивая Педиатрическую академию.

Разбирая завалы, Ольга наткнулась на детские фотографии Володи. Присев на диван, она принялась их разглядывать.

— Привет, Мир! Видишь теперь, какой я буду? Точно такой, как он, раз должна быть похожа на папу, — Д-16121998, как всегда, обрушилась на меня неожиданно, так, что я даже вздрогнул. — Смотри, смотри!

Она буквально выхватила из маминых рук одну фотографию, и та упала на пол (точно как я сделал в кабинете врача, во время Лериного первого УЗИ). Володя на фото был изображен в возрасте лет четырех: круглолицый мальчишка с игрушкой под мышкой, со светлыми волосами и глазами в поллица. Он походил на большую куклу, — настолько неестественно большими были глаза. Оля нагнулась поднять фотографию.

— Смотри, Петя, какой Володя был, когда был почти в таком же возрасте, как ты, — позвала она сына. Он возился с какой-то запчастью от автомобиля, которую нашел в комнате. — Может, твоя будущая сестренка будет похожей на него.

— Красивая будет сестренка, — посмотрев на фото, со знанием дела заявил мальчик.

— Да-а-а... — мечтательно протянула Оля.

Из кармана плаща, висевшего на вешалке у двери, раздался звонок мобильного. Она достала его и взглянула на дисплей. На лице молодой женщины возникло выражение безнадежного ужаса. Я видел, что она не хочет брать трубку. Но, подождав несколько гудков, Ольга все же ответила:

— Алло. Да, привет. Не надо на меня кричать, — она пыталась говорить очень спокойным голосом. — Нет, мы не вернемся. Ты прочел записку, которую я оставила? — каждое предложение она произносила после долгой паузы. — Нет, Клим, хватит мной манипулировать. Я много раз от тебя слышала о том, что, если я уйду, ты или повесишься, или застрелишься. Так вот, — я ушла! Меня нет уже больше половины суток, — и что я слышу? Ты жив! Человек, который в самом деле хочет что-то сделать с собой, не говорит это постоянно, он это просто делает, — неожиданно жестко закончила Ольга Лериными словами, которые

еще неделю назад сочла ужасными, и сразу положила трубку. Руки ее дрожали. Я никогда не слышал, чтобы она так разговаривала, и был в восхищении. В ней произошла явная перемена.

— Мам, успокойся, пожалуйста, успокойся... — сын гладил ее по голове. — Я тебя люблю. — Она, ответив «и я тебя», поцеловала мальчика в лоб.

Снова раздался звонок. Оля не отвечала. Телефон звонил и звонил. Она обхватила голову руками и сидела в этой позе неподвижно, глядя в одну точку. Да что ж такое, выключите уже звук! — послал я импульс. Ольга протянула руку, нажала несколько кнопок, и теперь входящие звонки шли беззвучно, давая о себе знать лишь мерцающим дисплеем, где высвечивалось имя — Клим.

Наконец я увидел, что Оля стала решительнее, теперь я был спокоен за нее. Им с Владимиром оставалось только забрать вещи и ни в коем случае не допустить, чтобы Клим узнал этот адрес. Пока не успокоится.

— Петь, нам надо будет найти тебе поблизости детский садик. Пойдем погуляем, если увидим какой-нибудь, найдем все узнаем, — мальчик послушно кивнул и стал одеваться.

Проводив маму с сыном до удивительно красивого дворика, украшенного мозаикой, я видел, как они подошли к двухэтажному зданию, где за оградой на детской площадке гуляли дети. Войдя в калитку, Ольга подошла к одной из воспитательниц.

Теперь, когда напряженная ситуация с Владимиром и Ольгой, к счастью, разрешилась, я направился на Васильевский остров к Маше, чтобы убедиться, что с ней тоже все в порядке.

***

Я летел и думал о том, как удивительно прекрасен этот город. За полгода, что прошло с тех пор, как я отправился на поиски своих родителей, я успел изучить Санкт-Петербург. Больше всего меня привлекал центр с его сетью рек, непохожими друг на друга домами, церквями и соборами: Казанским, Исаакиевским, Никольским...

Сейчас я летел через Летний сад, Марсово Поле к Дворцовой площади, чтобы пересечь Неву в сторону Васильевского острова. Тут я заметил еще одного бронзового ангела и приземлился ему на плечо, чтобы лучше рассмотреть. Он стоял здесь один, на высокой колонне, открытый всем ветрам. И как я не видел его раньше? Выражение лица ангела было таким, как будто он хочет защитить весь город и в то же время сомневается, сможет ли... Интересно, кто позировал его скульптору? Я сразу вспомнил, что Элиас пошутил, и еще раз посмеялся над своей доверчивостью. Скульпторы — удивительно! — попали в точку, изображая ангелов именно такими.

Наш мир был недоступен для людей. Своих ангелов-хранителей видели лишь единицы — в моменты, когда те не могли не появиться перед ними, чтобы предотвратить какое-то страшное событие в их жизни. Эх, если бы люди верили им!.. Многие ведь в упор не видят знаки, которые посылают ангелы-хранители! Сколько неприятных, а порой даже трагических событий можно было избежать, если бы их замечали...

С этими мыслями я долетел до 14-й линии Васильевского острова, где жила Маша, и присел на открытую форточку в ее квартире. Девушка складывала книги и тетради в рюкзак, собираясь на учебу. Наверное, проспала несколько занятий, догадался я, ведь вряд ли первая лекция в университете начинается после обеда. Ее внутреннее состояние, похоже, было вполне спокойным, и решение свое она менять не собиралась.

М-09071999 увидел меня и бросился обниматься. Я не любил такие нежности.

— Будет, будет тебе, — я осторожно отцепил от себя эту благодарную душу. — Я в отпуске и просто курирую процесс, — вот, прилетел убедиться, что вы в порядке. Так что расскажи, как у вас дела, да я полечу себе дальше, ветром гонимый.

— У нас все хорошо, — М-09071999 послушно повис в воздухе на расстоянии около метра от меня. — Маша, мне кажется, спокойна. С папой больше не общалась, но, думаю, это к лучшему. Она решила не сообщать ему о том, что оставила ребенка. А ему вроде как все равно.

— Забей и живи счастливо! — процитировал я совет из интернет-конференции. — Главное, что ты родишься, вопреки всему. Твоя мама сильная, хоть иногда и идет на поводу у своих эмоций. Но главное — идет не до конца: разум в итоге побеждает. Хотя она, наверное, так не думает?

— Не думает, — улыбнулся будущий второй Ван Гог. — Она думает совсем наоборот: что в данном случае пошла на поводу у своих эмоций.

— О, те самые подсолнухи! — я подлетел и уселся на один, в самую сердцевину цветка, кивком пригласив М-09071999 присесть на соседний. Мы были настолько невесомы, что подсолнухи в вазе даже не шелохнулись.

— Они с тех пор так здесь и стоят, на почетном месте, — с улыбкой сказал он: — Добавляют маме уверенности в себе. А я все время смотрю на них и пытаюсь представить себе картину, что ты «повесил» в лаборатории в тот день, который мог стать для меня роковым.

— В интернете посмотри, чего тут представлять! Художник Ван Гог, «Подсолнухи».

— Я даже не знаю, что это такое — интернет.

— Твоя мама не пользуется компьютером?

— Пользуется, и довольно часто, но, в основном, по учебе что-то печатает. Я ни разу не заглядывал ей через плечо.

— Какой ты нелюбопытный! А я читаю все, что пишет Лера и что пишу ей.

— Лера, которая была с мамой у врача? А что ты у нее делаешь? Тебе же нельзя находиться рядом, — М-09071999 с интересом ждал моих объяснений.

Я, поняв, что ляпнул лишнее, растерялся.

— Ну, это было всего один раз, летел мимо, решил навестить, вижу — сидит, пишет... — неправдоподобно сочинял я, не зная, как оправдаться. Похоже, я совершенно не умел врать.

К счастью, М-09071999 отвлекся, увидев Машу уже у двери обувающей кроссовки.

— Все, Мир, я полетел, удачи тебе и спасибо еще раз! А на счет Леры не беспокойся, я никому не скажу! Разве я могу подставить того, кто спас мне жизнь?

— Спасибо, — я проводил взглядом Машу и душу будущего талантливого художника, которая прицепилась к ее желто-голубому клетчатому рюкзаку, как детеныш коалы к спине своей матери. Когда за ними закрылась дверь, я вылетел в открытую форточку.

***

— 11.11.1999. Вот это круто! — поразилась Лера. — Не иначе, какой-то знак, — предположила она, написав дату на заявлении рядом с фамилией, которую решила оставить себе на память.

— Носить фамилию мужа — это пережиток, — категорически заявила она. — Разве только если тебе захочется взять мою — тогда я не против.

— Нет, спасибо, останусь лучше Голубковым, я так привык. Не могу представить себя Воробьевым.

У них обоих были «птичьи» фамилии.

— Забавно, — только сейчас обратив на это внимание, сказала Лера. — Прикольно бы было сделать из наших фамилий двойную. С трудом могу себе представить, что бы я чувствовала, стань я Голубковой-Воробьевой. Сразу хочется взять батон и крошить вокруг себя крошек, — засмеялась она. — Кстати, подмечено: воробьи в отношении крошек ведут себя гораздо шустрей голубей. И уж тем более — голубков. Тем-то вообще не до того, — продолжила она дружеское глумление.

— Куда уж нам, голубкам, до вас, шустрых воробушков, — качая головой, отреагировал Артем. За последние две недели ежедневных вечерних походов в кино или в гости к друзьям он уже привык к ее шуткам и даже начал что-то перенимать.

Молодожены держали в руках бумажку, где значилась дата их торжественного бракосочетания — 24.12.1999.

— Католический сочельник, — подметила Лера. — Кстати, праздновать-то свадьбу будем? Или придем вдвоем, в джинсах и свитерах, с обручальными кольцами из бутылочных горлышек?

— Будем, наверное, если деньги найдем, — неуверенно сказал Артем. — Разве можно во Дворец в непраздничном виде?

— Вспомни Кису Воробьянинова — практически моего однофамильца. Во Дворец можно как угодно! Все фигня, кроме пчел!

— Тогда давай закажем футболки с такой надписью, наденем на головы сетки пасечников и придем, — внес рацпредложение Артем. — Дурить так дурить!

— Сотрудникам Дворца будет непросто сличать наши лица с фотографиями в паспорте, — в шутку проявила сочувствие Лера. — Хотя это их проблемы. Ну, время есть, еще обсудим. Пошли уже на работу, скоро нас там с собаками искать начнут. В редакции, чур, молчок! От метро идем огородами, в офис заходим порознь. Скажем всем, когда поженимся — пусть будет сюрприз.

Они вышли на Фурштатскую и пошли по аллее. Я видел, как Лера все с большим интересом глядит на Артема. Она как будто изучала его, вглядываясь в каждую черточку лица. Присматривается, довольно хмыкнул я.

«Странно. Скоро этот совсем чужой мне человек станет моим мужем, — думала она в эту минуту. — Зачем я делаю этот шаг? Зачем он его делает? Ужас какие глупости мы творим в своей жизни... И особенно ужасно, что мы понимаем, что это глупости, и все равно их делаем».

— Тёмкин, — она впервые назвала его так нежно, как ребенка, — ты уверен, что мы поступаем правильно? Мы точно придем сюда двадцать четвертого декабря?

— А куда нам деваться — придем! Только сначала я хотел уговорить тебя на бета-тестирование.

— На что? — не поняла Лера.

— Ну, это когда нужно убедиться, что все работает нормально, например, только что написанная программа, проводят бета-тестирование. Вот и я предлагаю такое же сделать. А то поженимся, и выяснится, что мы совершенно не подходим друг другу...

— Ты про секс, что ли? — уточнила она.

— Ну да... Про него, — немного смутился Артем.

— Ну мы же вроде решили, что все такое — потом.

— Это нерациональное решение.

Лера задумалась. В словах Артема присутствовал голос разума, и с ним нельзя было не согласиться:

— Я подумаю, хорошо? Как надумаю, назначим дату и будешь ждать меня в гости, наполнив ванну шампанским и розовыми лепестками. Надо, чтобы все получилось красиво. Если, не дай Бог, что-то не заладится, будет хотя бы о чем вспомнить. Вот как я все здорово придумала! — последнее предложение она произнесла так, будто стояла на сцене в ожидании аплодисментов. Артем засмеялся, но немного напряженно. Видимо, он боялся того же самого и, может, назначил тестирование больше для самого себя.

Будущие молодожены зашли в метро. Я, как существо небесное, не слишком любил этот вид транспорта и решил остаться на поверхности.

***

Время до свадьбы Леры и Артема пролетело как один миг. Элиас так и не давал мне новых заданий, видимо, он справлялся со всем сам. За эти полтора месяца я видел его всего несколько раз и всегда в разном настроении. Ангел был то в необычной эйфории, много шутил и рассказывал мне всякие забавные случаи из своей обширной практики, то впадал в уныние и почти не слушал новости из жизни Маши, Оли и Володи. Хандра поглощала его целиком, и он как будто отсутствовал, хотя его крупное ангельское тело сидело рядом со мной и кивало головой. Я чувствовал, что с ним что-то происходит, но не мог спросить прямо. К счастью, за это время с его подопечными не случилось никаких неприятностей.

Ольге все-таки удалось собрать вещи, пока Клима не было дома. Вместе с Володей они погрузили часть в багажник, часть на заднее сиденье и увезли в свою комнату. Оля, несмотря на то, что теперь жила в многонаселенной коммунальной квартире, чувствовала себя по-настоящему счастливой. Она сменила номер телефона и подала заявление на развод. В комнате они успе-

ли сделать небольшой ремонт, и здесь стало уютно и чисто. Даже елка, что росла на подоконнике, выглядела пушистее. Ольга начала уговаривать соседей скинуться на ремонт в общественных местах: кухне, ванной, туалете и коридоре. В квартире появился новый, не равнодушный человек, и даже алкаш дядя Коля перестал выходить на кухню в одних трусах — ему было неловко перед этой милой интеллигентной девушкой с округлившимся животиком.

Душа будущей дочки Ольги и Владимира все время находилась при маме и сидела на ее шее, как маленькая обезьянка. Будущие родители уже точно знали, что родится девочка — это показало ультразвуковое исследование. Ребята ждали Олиного развода, чтобы пожениться. Заседание в мировом суде было назначено на конец декабря. Клим так ни разу и не объявился.

Маша тоже регулярно посещала врача в женской консультации, выполняя все рекомендации. Ей постоянно хотелось есть, и она изрядно прибавила в весе, из-за чего однокурсницы, не зная об истинной причине, в буфете подтрунивали над ее зверским аппетитом. Маша не хотела ничего сообщать «этим курицам», как она их называла, хотя понимала, что скрывать сей факт долго не получится. Их развод с Колей случился ровно через месяц после ее визита к профессору Жигалову. Она поклялась себе никогда не звонить бывшему мужу. Меня умиляло, как Маша периодически разговаривает с ребенком, рассказывая ему разные истории из собственного детства. Лера сказала подруге, что с ребенком надо общаться уже сейчас, и с того дня будущая мать стала это делать регулярно и даже купила книгу со сказками, чтобы читать вслух. М-09071999, который неотлучно находился при ней, окончательно расслабился и пребывал в полном блаженстве.

Ситуацию омрачало то, что Маша никак не могла найти работу, а лишь перебивалась мелкими заказами на переводы. Денег катастрофически не хватало, и иногда ей даже приходилось просить у соседей в долг на проезд. Еще девушка продолжала мучиться от жестокого токсикоза: читая сказки своему жи-

воту, она могла вдруг вскочить и умчаться в туалет с рвотными позывами. Она чувствовала себя настолько плохо, что считала дни до того, как все закончится. Ребенок должен был появиться на свет в середине мая. «Всего каких-то полгода...» — настраивала себя Маша.

Элиас слушал мои доклады, считая, что это «пустяки — дело житейское».

— Лишь бы не было войны, — заключил он с присущим ему оптимизмом в конце одной из наших редких встреч и, что было в его манере, дружески хлопнул меня по плечу, которое видел. — Ну, а ты-то как сам? — вдруг поинтересовался ангел. — Все торчишь у Валерии?

— Торчу, — насутился я. — У нее, кстати, завтра свадьба. Приглашены и Оля, и Володя, и Маша... Все там перезнакомятся.

— Свадьба — дело хорошее, — со знанием дела заявил Элиас. — Может, и мне залететь на свадебный торт?.. Представь себе, все танцуют, тут захожу я, весь в белом! Знаешь такой анекдот?

Элиас был большим знатоком анекдотов и иногда рассказывал их мне, чередуя с забавными историями из жизни.

— Это анекдот про ангелов? — уточнил я.

— Нет, про цирк. Подслушал у одного из моих подопечных, который сейчас сидит в тюрьме. Недавно навещал его. Ему осталось сидеть еще три года.

— А что он сделал?

— Ничего криминального он не сделал. Его подставили. А я не успел помочь и за это получил последнее предупреждение. Теперь, если произойдет что-то серьезное — меня сразу отстранят от дел.

— И что тогда?

— И тогда без выбора, мой юный друг. Отстраненных ангелов отправляют на землю, стерев им память. Ты думаешь, откуда берутся люди, о которых периодически объявляют, что вот — обнаружен мужчина, ничего о себе не помнит, помогите узнать, кто такой? Многие из них — бывшие ангелы. Я даже знаю одно-

го, в больнице сейчас лежит. Ничего о себе рассказать не может. И хочется ему помочь, но ведь я не приду и не скажу — да наш ты, наш... Разве он мне поверит? Да и в любом случае его назад не примут. Как подумаю, что и меня такая участь может постичь, так страшно делается... — Элиас подпер рукой подбородок и глубоко вздохнул.

— Да все хорошо же сейчас! А за что могут отстранить?

— Ну... Если, например, опекаемый вдруг погиб, а я должен был его спасти, но не спас. Недавно автобус опять разбился, и пять ангелов сразу на землю отправились! Ибо у некоторых людей судьба была погибнуть в том автобусе, а кто-то должен был спастись, но их хранители опять в лото заигрались...

— А вы тоже любите играть в лото, Элиас?

— Нет, Мир, я вообще не слишком люблю общаться с остальными. Можешь считать меня ангелофобом, — он откинул со лба длинную челку, которая постоянно падала ему на глаза.

— Мы в этом похожи. Я тоже не испытываю удовольствия от общества себе подобных. Мне гораздо больше нравится быть одному. Был у меня один друг, но он уже родился, и с тех пор я сам по себе, — открылся я ему. — А у вас никогда не было друга?

— Был. И есть. Но там все так сложно, Мир, что в двух словах не расскажешь... Вдруг, когда ты родишься, меня назначат твоим ангелом-хранителем, — казалось, он верил в то, что говорил, — и, когда ты подрастешь, мы с тобой обо всем поговорим. Влечу как-нибудь к тебе в окно, — ты будешь уже взрослым и поначалу испугаешься, а потом, когда я попытаюсь напомнить тебе о нашем знакомстве, тебе будет невероятно трудно поверить в то, что это — правда... Ты все забудешь, когда родишься, Мир! Всё-всё!

Мне стало грустно, и я чуть не заплакал, хотя и так уже знал об этом:

— Всё-всё-всё? — на всякий случай уточнил я у Элиаса.

— Начисто! — ангел сделал жест рукой от груди так, как будто что-то отрезал. — Будешь немного помнить только первые несколько дней, и с каждым днем меньше и меньше...

— Что ж у нас за служба такая?! Ангелов отстраняют, память им стирают, отправляют на землю, новорожденным — тоже начисто!.. — возмутился я. — Произвол! — я так раздухарился, что топнул бы ногой, если б она у меня была.

— Ничего удивительного, — Элиас ко всему относился намного спокойнее, чем я. — На земле ничего не должны знать о том, что делается наверху. Представь себе, какой бы в мире начался хаос, если люди узнали бы все наши тайны!.. Так что все правильно... все правильно... — я видел, что его мысли уже где-то далеко.

— Сейчас я могу быть свободен?

— Конечно! Лети на все четыре стороны, хотя тебе, я вижу, хочется только в одну. А где свадьба-то будет? Буду пролетать мимо — загляну.

Я объяснил Элиасу, где находится Дворец бракосочетания и кафе, куда собрались отправиться молодожены с компанией друзей и родственников. Ангел, махнув мне на прощанье крылом, остался сидеть на том же самом месте. Это было очень необычно для него — никуда не спешить.

***

Ночь перед свадьбой Артем и Лера решили провести порознь, чтобы соблюсти традиции. Все это время ребята жили вместе на съемной квартире Артема. Бета-тестирование прошло настолько удачно, что невеста решила поступиться принципами и немедленно прекратить хранить себя до свадьбы. Каждый день ребята возвращались с работы вместе, часто ходили в кино, перезнакомились с друзьями друг друга, — в общем, как говорится, ничто не омрачало: все было за то, что шаг хоть и поспешный, но правильный.

Утром свадебного дня Лера стала больше походить на Валерию. В родительскую квартиру пришла ее бывшая одноклассница, выбравшая профессию визажиста и парикмахера, и сделала из невесты дивную красавицу с жемчужинками в волосах и глазами женщины-вампа. Но все равно это была Лера, моя Лера —

девчонка в лодке солнечным июльским днем — рыжеволосая, кудрявая и смеющаяся. От необычного макияжа и праздничной прически сущность ее не изменилась.

— Эх, коньячку бы сейчас, чтобы поверить в то, что все это правда! — крутятся вокруг своей оси и упиваясь отражением в большом зеркале, говорила она. — Разве ж это я? Какая-то посторонняя красавица...

Прямо к подъезду за ними подъехал автомобиль с двумя кольцами на крыше.

— Боже мой, какая пошлость! — поморщилась Лера. — Мы же просили — только без колец! — умоляюще обратилась она к водителю. Тот пожал плечами. — Понятно, понятно, не отрывать же... — пошутила она. — Ладно, с кольцами так с кольцами. Мам, пап, садитесь!

У Дворца уже ждали гости. Среди них я увидел Машу и чуть поодаль — Олю и Володю, который держал в руках просто огромный букет цветов. За полу Олиной дубленки прятался Петька, смущенный таким количеством незнакомых людей. Артем тоже приехал раньше и, когда невеста подъехала, с торжественным видом открыл дверь свадебного авто. И тут, как в анекдоте, что так и не рассказал мне Элиас, вышла Она... вся в белом! Жених подал ей руку, и они важно проследовали внутрь. Лера все время хихикала: происходящее явно забавляло ее. Она будто наблюдала процесс со стороны, а не участвовала в нем.

Попав внутрь Дворца, откуда только что вышла уже окольцованная пара, я поразился смешению совершенно разных энергий, которые здесь витали: как светлые, так и темные, — видимо, их создавали те, кто завидовал чужому счастью вместо того, чтобы радоваться.

На первых стульях в торжественном зале посадили родителей: маму и папу Леры, маму Артема и высокого господина с усами, с любовью смотревшего на нее. Сзади сидели и стояли нарядные гости — с цветами и без. Заиграла музыка, и на ковер из-за двери, улыбаясь, торжественно вышли жених и невеста. Какие же они были молодые и красивые!

Я смотрел на них и пытался представить, каким был бы я, если бы они все-таки стали моими родителями. Наверное, таким же обаятельным, как Лера, и красивым, как Артем. И хотя для мальчика это не так уж и важно, но все равно приятно, — если уж красота спасет мир, то почему бы Миру не быть красивым? Я остался доволен внезапно пришедшим в голову каламбуром и от радости уселся на букет невесты. Вернее, на букетик. Он состоял из маленьких зелененьких веточек, похожих на елочные, крошечных белых цветочков и нескольких малюсеньких розочек. А еще у него была ручка. Когда молодым пришло время обмениваться кольцами, Лера, не зная, куда деть букет, который ей мешал, сунула его этой самой ручкой подмышку.

— Объявляю вас мужем и женой. Поздравьте друг друга! — пафосно объявила женщина-регистратор с указкой в руках. Указка помогала ей показывать молодоженам и свидетелям, где нужно ставить подписи. Со стороны невесты свидетельницей выступала Маша, а со стороны жениха — неизвестный мне тощий бородатый брюнет. Сам жених с бородой, как и обещал, расстался, от чего выглядел неузнаваемо юным.

— Поздравляю! — повернулась Лера к Артему, чмокнула его в гладко выбритую щеку и расхохоталась. Но, увидев, что женщина-регистратор смотрит на них удивленно-вопросительно, поняла, что, наверное, нужно еще что-то... Новобрачные целомудренно поцеловались в губы и обернулись к гостям в ожидании цветов и поздравительных объятий. Мама Леры вытирала слезы. Как выяснилось позже, в ту минуту у нее родилось стихотворение.

Свадьба получилась забавная. Платье цвета чайной розы, которое Лера взяла напрокат, заявив, что не понимает, зачем нужно покупать вещь, чтобы надеть всего раз, рвалось аж два раза. Сначала от рукава отлетел бантик, а когда жених нес украденную, но спасенную невесту на руках вверх по лестнице в банкетный зал, он умудрился наступить на длинный подол, и от него частично отделился лиф. Если бы не найденная у кого-то булавка, приколотая вместе с оторвавшимся бантиком к месту разрыва, гости смогли бы лицезреть новобрачную в negligé. Из-за инцидента

с платьем молодые чуть не поссорились, поскольку в этот момент чувство юмора ненадолго покинуло Леру.

В конце вечера я с грустью осознал, что Элиас уже не прилетит. Жаль, что он так и не увидел, как теперь уже все трое опекаемых им и мной, как он их называл, «бедолаг», перезнакомились между собой.

— Маша, это Оля и Володя, мои большие друзья, — притащила Лера за руку смущенную подружку к ребятам. В другой руке у невесты был бокал с шампанским. — Вас обеих, дорогие мои, объединяет то, что вам нельзя пить, а также то, почему вам нельзя пить, — она сделала большой глоток шампанского. — Оля, на этой замечательной свадьбе не ты одна — будущая мать, у Маши тоже весной будет ребенок. Так что вы непременно должны подружиться, дабы регулярно обмениваться опытом и давать друг другу полезные советы! — заключила она и вприпрыжку побежала танцевать, но тут же вернулась и договорила: — А может, две беременные женщины на моей свадьбе — это хороший знак, а? — она снова убежала, не дождавшись подтверждения.

Лера пребывала в эйфории от того, что происходило вокруг, и отплясывала за двоих. Вскоре к ней присоединись Артем, все их родители и даже я. Я был очень рад тому, что она в таком хорошем настроении и перестала грустить.

— Еще немного, и будет стриптиз невесты, — пошутила Оля. — А ты, Маша, уже знаешь, кто родится: мальчик или девочка?

— Рано еще, может через месяц будет видно. А вы уже знаете? — обратилась она к обоим родителям.

— Да. Девочка, — ответила Оля и погладила себя по животу. — Должна родиться в конце марта.

— Ну, я, значит, пропущу вас вперед, — Маша в шутку сделала соответствующий жест рукой. — Мой месяца на полтора позже обещал. А пока мучает маму жестоким токсикозом, вот, сижу тут, вокруг столько вкусного, а есть боюсь... Хотя так хочется!

Благодаря актуальной для обеих теме, девушки действительно быстро нашли общий язык и проговорили до конца вечера.

Володя послушал их первые десять минут и покинул место обсуждения проблем будущих рожениц, пересев ближе к Марине Ивановне, которая собрала вокруг себя небольшую группу гостей и читала стихи, написанные к свадьбе дочери.

Рядом общались Лера, Артем и его мама Надежда Петровна. Та в деталях рассказывала невестке, как сын появился на свет. Услышав это, я не мог не улыбнуться, потому что на эту же тему очень любила поговорить и Марина Ивановна. Может быть, все мамы любят вспоминать этот важный момент своей жизни?

— Лерочка, ты знаешь, я ведь, когда рожала Артема, чуть не умерла... — покачала головой Надежда Петровна, ожидая реакции.

По лицу Леры я видел, что она совершенно не знает, что ответить. Она смотрела то на Артема, то на свекровь. Та снова покачала головой, видимо, для убедительности.

— Что говорят в таких случаях? — так ничего и не придумав, обратилась Лера за помощью к своему мужу.

— Сожалею, — сообразил Артем, и все дружно расхохотались.

Атмосфера этой свадьбы мне нравилась. И не только мне. М-09071999 и Д-16121998 тоже познакомились, как и их мамы, и, подружившись, весело кружили под потолком, как два маленьких светлых облачка.

Во время свадебной прогулки Артем и Лера навестили Поцелуев мост, чтобы — это была идея невесты — проверить, соответствует ли действительности информация из известной песни о том, что пара, поцеловавшаяся на этом мосту, никогда не разведется. Лера не была настроена на брак на всю оставшуюся жизнь и рассматривала это просто как новый отрезок жизни, одинаково легкий и приятный для них обоих. Ей представлялось, что Артем — ее друг, которому она может рассказать все, что угодно. Он со свойственной ему журналистской докопучеством задавал много вопросов, а она со своей чрезмерной открытостью поведала ему обо всех, с кем встречалась до него, умолчав лишь о недавнем печальном событии в своей жизни. До свадьбы Артем поддерживал в Лере иллюзию, что все, что они затеяли, для не-

го так же не всерьез, как и для нее. Но, когда они остались наедине в комнате, заваленной цветами и подарками, после исполнения первого супружеского долга, еще не оправившись от воздействия шампанского, смешавшегося в его организме с водкой, он вдруг среди ночи решил открыться жене:

— Я не знаю, что со мной творится, но я очень, очень боюсь тебя потерять! У тебя такой большой опыт общения с мужчинами, а у меня очень мало опыта с женщинами... Я не дотягиваю и боюсь, скоро перестану тебя интересоваться.

Он еще говорил, говорил... Я находился совсем близко к Лере и чувствовал, как она буквально оцепенела, не зная, как реагировать на такой внезапный шквал эмоций. Она даже предположить не могла, что Артема душат комплексы о неравнозначном распределении между ними опыта общения с противоположным полом. Она не нашла ничего лучшего, чем просто погладить его по голове и шепотом сказать «чи-чи-чи»... Такими звуками успокаивала Леру ее любимая бабушка, когда внучка была еще совсем маленькой девочкой.

Артема такой ответ вполне устроил, он почти сразу уснул и даже тихонечко, как-то по-женски нежно, захрапел.

***

Питер активно готовился к празднованию долгожданного Миллениума, благодаря которому человечество надеялось перейти в двадцать первый век. В городе уже с ноября стояли елки, украшенные огромными шарами и звездами, на лотках продавалась мишура, разноцветные лампочки и бенгальские огни. Люди шныряли по магазинам, затариваясь подарками и алкоголем на долгие двухнедельные праздники.

— Как-то мы с тобой не продумали момент со свадебным путешествием, — утром после свадьбы сказала Артему Лера. — Что будем делать эти две недели? Здесь болтаться?

— Да, поболтаемся, походим по друзьям...

— А можно было бы куда-то поехать, например, в Египет. Или в Париж! — неожиданно придумала она, обрадовавшись собственной идее.

— Эх тебя кидает, — улыбнувшись, он потрепал ее по коротким блондинистым волосам. — Так в Египет или в Париж?

— Даже не знаю... — со вздохом протянула она. — Везде охота. Кто бы только денег нарисовал.

— Ну, у тебя же есть знакомые художники, попроси их, и полетим.

— Сейчас позвоню, — тоже пошутила она и сделала вид, что набирает номер. — А если серьезно, может, горящую путевку возьмем? Бывают иногда весьма гуманные предложения.

— Перед Новым годом? — Артем покачал головой. — Очень сомневаюсь.

— Ну а вдруг кто-то отказался, например, а мы — бац! — пришли и перехватили, потому что вылет завтра утром.

— А финансы наши еще не поют?

— Сейчас посчитаем, что нам надарили и что осталось. Если не хватит, возьмем кредит, заработаем и отдадим! Зато останутся воспоминания о встрече Нового года в Париже!

— Что, после этого праздника жизни, устроенного тобой, что-то еще осталось? — с большим сомнением в голосе произнес он.

— Почему мной? — немного обиделась Лера. — Ты в его организации разве участия не принимал?

— Принимал, конечно. Но все равно это была твоя свадьба, а я был на ней лишь твоей тенью. Признаюсь, когда ты назвала меня идиотом из-за порванного платья, я подумал, что нам стоит сразу же развестись.

В его словах звучала сильная обида. Он надулся, как маленький ребенок, и мне снова стало жаль его. Я представил себя его сыном, и в голове нарисовалась картинка, как мы гуляем по парку, он держит меня, двухлетнего малыша, за руку, и вдруг мы оба спотыкаемся о кочку и падаем, больно ударившись. И плачет он, а не я. А я его, взрослого дяденьку, утешаю, как Лера: «Чи-чи-чи...» Мне стало смешно, но веселье тут же сменила озадаченность, а потом грусть. Ибо до меня вдруг дошло, что у них начинаются проблемы. Но почему?! Ведь я был уверен, что на этот раз у Леры, наконец, все сложится хорошо, особенно когда Ар-

тем ночью после свадьбы признался ей в своих чувствах. Что изменилось за эти несколько часов?

— Развестись в день свадьбы?.. — Лера произнесла это таким тоном, будто жалела, что не ей пришла в голову столь замечательная идея. — Надо же! А что ж не предложил? — наученная горьким опытом с Виктором, она решила свести разговор к шутке.

— Хотел. Но тебе было так весело, ты все время танцевала, и я решил не портить тебе настроение, — продолжил Артем без тени улыбки.

— Гуманно, — улыбнулась Лера. — Спасибо за то, что заботишься о моих чувствах, — она приблизилась к его лицу и поцеловала его в губы. Ответа на поцелуй не последовало. — Ну все, Тёмкин, давай будем дружить, прости меня, пожалуйста! Я была груба, но ты же помнишь анекдот, как мама спрашивает мальчика: «Что говорил папа, когда падал с лестницы?» А он: «Плохие слова можно говорить?» — «Конечно, нет!» — «Тогда ничего!» Я же не нарочно, правда! Ляпнула механически... Конечно, я не считаю тебя... — она побила себя по губам. — Хочешь, ты побей? — предложила она, взяв его руку и поднеся ее к своим губам.

— Боюсь, не поможет, — буркнул он.

— А вдруг?! — она смотрела на него любящим взглядом. — Так что, в Париж попытаемся проникнуть?

— Сначала надо сосчитать казну, — по его лицу я видел, что он изо всех сил борется со своими обидами, поняв, что разговора, как на приеме у психоаналитика, с Лерой не состоится. — Внесите казну! — громко приказал он.

— Бягу, бягу... — пародируя старушечий голос, откликнулась Лера. — Чичас, батюшка барин, чичас!

Оба рассмеялись, и она, радуясь, что муж «отошел», уселась к нему на колени. Дальнейшие их действия описывать не буду по причине природной скромности. Обычно в такие моменты я либо отворачивался, либо навещал кухню, где ждал, когда раздастся два голосовых сигнала: сначала отрывистый женский,

а после — протяжный мужской. Тогда — я уже это точно знал — через полминуты можно обратно.

Когда я вернулся, в комнате уже не было того напряжения, которое случилось во время разговора о поездке в Париж, но маленькая трещина между мужем и женой все равно появилась...

Новый год молодоженам все-таки удалось встретить в Париже: случилась та самая горящая путевка, о которой загадала Лера. Видимо, она настолько сильно этого хотела, что ее запрос попал к ее ангелу и та помогла. Лерин ангел-хранитель был женского пола, — помнится, Элиас в самом начале нашего знакомства обмолвился о том, что они знакомы. Но я тогда еще не знал, о ком идет речь. Все женщины мечтают о Париже, и ангел Леры помогла ей не только из женского понимания, но, видимо, еще и поняв, что ребятам необходимо сменить обстановку и побыть наедине. Ведь она не могла не заметить появившуюся между ними трещину, если только не была такой же рассеянной, как Элиас.

В Париж я не полетел. Мое пребывание там могло вызвать недоумение высокого начальства, и я не смог бы оправдаться тем, что решил найти себе родителей в другом государстве, ведь мне еще долго нельзя заниматься их поисками. Я включил воображение и представлял, как Лера и Артем встречают Новый год в уютном парижском кафе, пьют шампанское с маленькими пирожными и смотрят на мерцающую Эйфелеву башню... Еще в моей фантазии почему-то обязательно падал снег. Чистый такой, белый-белый французский снег. Он все падал и падал...

***

В семье Ольги и Владимира празднование Нового года было омрачено тем, что Клим не явился на судебное заседание по разводу. Ребята искренне надеялись, что в январе Оля получит решение суда и они успеют пожениться до того, как родится дочка. Будущие родители уже продумывали варианты с продажей комнаты и доплатой, чтобы купить хотя бы маленькую квартиру-студию. Но заседание из-за грядущих праздников отложили на месяц. Позвонить Климу Ольга не решалась.

Новый год они встретили втроем с Петькой в своей обновленной комнате в коммуналке — как говорится, в тесноте, да не в обиде. Володя впервые за все время, что жил здесь, купил новогоднюю елку. Она стала второй — после той, что росла у него в горшке на подоконнике, — их подарили всем сотрудникам редакции на прошлый новый год. Ему тогда кто-то сказал, что у плохих людей елки растут плохо, а у него она росла, как на дрожжах.

— Исключительный ты, однако, человек, в отличие от меня, — пошутила Лера, увидев, как сильно выросло Вовкино деревце: — Даже елки это чувствуют! А моя вот очень быстро завяла. Вообще растения у меня долго не живут: я забываю их поливать, а когда вспоминаю — уже поздно.

На новогодний огонек в уютную комнатку Оли и Володи заглянули студенты-художники и подарили рисунок с обнаженной беременной женщиной, сделанный карандашом с натуры, для которого специально приобрели рамку. Зарулил «никакой» дядя Коля и был ошарашен непечатой бутылкой шампанского. Нина Геннадьевна отмечала праздник не дома — она уехала к внучке и правнукам в Купчино. «Временные» дамы закрылись в своей комнате, смотрели телевизор и залиристо хохотали.

Такой вот получился коммунальный новый год.

Маша уехала отмечать праздник в Великий Новгород к тете, что жила совершенно одна и всегда очень радовалась визитам племянницы. Со своей сестрой, мамой Маши, они были в давней ссоре. В юности сестры не поделили жениха и с тех пор не общались. Именно он и стал Машиным отцом, но активно пробыл им всего три года, а после бесследно ушел к другой женщине. Все, что запомнила Маша — это его спину и себя, бегущую за ним, уходящим, под дождем с криками «Папа! Папа!» С тех пор в ней жило чувство, что каждый мужчина в ее жизни рано или поздно повернется к ней спиной и уйдет. Может, поэтому у них с Колей именно так и случилось. Если б я мог посоветовать ей, да и вообще человечеству в целом не привлекать к себе неприятных событий и не думать о том, что с ними может произойти что-то плохое, я бы обязательно это сделал. Ведь

подсознательное переходит в уверенность и, как следствие, начинается происходить на самом деле.

Так я остался совсем один. К другим душам меня не тянуло: мне не хотелось вникать в их разговоры о перспективах, слушать рассказы о будущих родителях и смотреть на радостные танцы в честь тех, кто уже определился с выбором. Единственной родственной душой из моего мира теперь для меня был Элиас. Я мысленно призывал его, пытаясь вызвать на дружеский разговор, но он как будто не слышал. И я решил отправиться на его поиски...

Наступила ночь перед Рождеством. Я видел сияющие золотом праздничные купола церквей, где шли торжественные богослужения, смотрел на людей, входящих в храмы. Я видел горящие свечи и слышал песнопения. Я никогда не был внутри и почему-то не решался заглянуть туда. Сам не знаю почему, я не любил песни. Мне нравились только те, которые слушала Лера.

Мы не отмечаем Рождество. Это самый обычный день — такой же, как и все остальные. У нас вообще нет больших праздников, и, глядя на то, сколько поводов для праздников придумали люди, я поймал себя на мысли, как скучно мы живем! У людей так много различных целей, а у нас всего одна — родиться и стать человеком, чтобы потом иметь их столько же. Я, конечно, не говорю об ангелах — они помогают людям, у них интересная работа. Вот и мне, можно сказать, повезло приобщиться к тому, что они делают, хоть поводом для этого явилось довольно печальное событие.

Элиаса я так и не нашел. Он очень надежно пропал, как в воду канул. Я поймал себя на том, что скучаю не только по Лере и Артему, но и по своему ангелу, который неожиданно стал для меня больше, чем просто шефом. Еще три дня до возвращения ребят из Парижа я мотался повсюду, как неприкаянная душа, и совершенно не знал, чем заняться. У меня было ощущение, что я персонаж компьютерной игры, у которого закончились все жизни.

Но Лера вернулась, с ее появлением все вокруг ожило, и начались новые заботы.

***

— Лерик, я больше не могу... — Маша пребывала в настроении, очень похожем на то, в котором я впервые увидел ее здесь, у Леры, — мне так плохо! Ничего не получается. Я очень жалею, что не послушала тебя тогда, осенью. А теперь уже поздно. И знаешь, что я решила?

— Что? — подруга слушала ее с явным беспокойством.

— Я решила отдать ребенка, когда он родится. Я или сейчас найду ему приемных родителей, или оставлю его в роддоме. Одно я поняла точно — сама я ребенка не потяну, — вид у Маши был совершенно опустошенный и потерянный. Но говорила она спокойно, так, будто действительно все обдумала и взвесила.

— Ты с ума сошла? — ототоропев от услышанного, спросила ее Лера. — Нет, Маш, ты отдаешь себе отчет в том, что ты сейчас говоришь? Как это — оставлю в роддоме?

— Ну а как ты себе представляешь наше будущее? Ходить по электричкам просить милостыню? Я уже сейчас живу в долг! Мать мою совершенно не интересует моя жизнь, она только и может, что давать дурацкие советы, которые когда-то в молодости, наверное, давала и себе, — и видишь, до чего докатилась? Одна, никому не нужная, злющая на весь мир... Даже брат мой ее игнорирует, хотя он всегда был ее любимчиком.

— Маш, погоди, давай успокоимся... — начала Лера.

— Так я совершенно спокойна, — похоже, она говорила правду. Состояние ее было, пожалуй, даже флегматичным. — Мне уже что воля, что неволя — все равно...

Лера опустила на диван рядом с Машей, взяла ее руки в свои и заглянула в глаза:

— Маш, Маш, алё! Ты что это такое придумала? Не надо так поступать, это же твой ребенок!.. Как ты жить-то потом с этим будешь, если от него откажешься?

— Ничего, я буду знать, что ему где-то лучше, чем было бы со мной, — убеждала себя будущая мать. — Зато я его рожу и греха на мне за то, что загубила душу, не будет.

— Слушай, ты рассуждаешь прямо как все эти невероятно трогательные религиозные дамы из конференции. Чем же лучше родить и отдать своего ребенка, и знать, что он называет мамой другую женщину? Или, что еще хлеще — вообще никого так не называет? По мне так уж лучше не родить, мне кажется, это меньший грех, — нет, и нет. А так малыш — частичка тебя — живет на попечении государства, а ты — взрослая тетенька, две руки, две ноги и умнящая голова со знанием двух дополнительных языков, — сунула голову в песок как трусливый страус?!

— Не трави мне душу и не пытайся воззвать к совести — они обе спят, — Маша и сама была как во сне. — Я уже все решила.

— Маша, я в шоке. Ты моя подруга, я тебя люблю такой, какая ты есть, но знай: я — в шоке, — повторила Лера, качая головой... — А как же твой будущий художник? Кто отведет его в художественную школу?

— Найдутся люди. Записочку напишу, чтобы отвели, — Маша даже могла над этим шутить. — Я с тетей своей говорила в Новгороде, когда была у нее, она тоже как ты реагирует. Даже предложила забрать ребенка.

— Ну? Не вариант? Хотя бы на первое время! — схватилась Лера, как за соломинку.

— Лера, ты что, она же не может ходить! Уже пятнадцать лет прикована к инвалидной коляске после инсульта. За ней самой уход нужен. Ее социальный работник навещает. Расстроила я, конечно, тетушку... Зря ей рассказала. Могла вообще скрыть — живот-то пока не особо заметен — и просто не приезжать к ней до родов.

Похоже, дело было действительно плохо, и я должен был сообщить об этом Элиасу. Я внутренне даже порадовался тому, что нашлась уважительная причина, чтобы вызвать его на встречу. Он, конечно, любил и просто поболтать, но, чтобы начать, все равно нужен был повод, ведь я, как ни крути, был его подчиненным. Отправив сигнал, что дело важное, я оставил девушек наедине и поспешил на наше место.

— Что-то подобное должно было произойти, — очень спокойно отрегировал Элиас на мой взволнованный рассказ о Ма-

шиных намерениях. — Я же тебе сразу сказал, что ее еще будет кидать в разные настроения...

— Но это не похоже на настроение! — запальчиво возразил я. — Она приняла решение!

— Оно еще сто раз у нее поменяется, — ангел, усмехнувшись, махнул рукой. — Разве ты не видишь, какая это импульсивная девушка?

Я не ожидал, что Элиас так отнесется к моему сообщению. Но он снова пребывал в лирическом настроении, выглядел опрятно, как будто недавно принял очистительный дождь... Видя, что у него все хорошо, я решился спросить:

— Элиас, а где вы находитесь, когда до вас не доходят мои сигналы?

Ангел посмотрел на меня взглядом, который дал мне понять, что я перешел границу.

— Просто, подумалось, может, есть какое-то особое место, где ангелы вне зоны доступа... — попытался оправдываться я.

— Есть такое место, мой милый друг, и имя ему — метро! — он так громко расхохотался, что стал держаться за живот. — Ой, не могу, насмешил ты меня...

Я окончательно смутился от такой реакции и ждал, что он скажет дальше. Устав смеяться, мой шеф откашлялся, как перед ответом на экзамене.

— А если серьезно, Мир, некоторые вещи детям знать совершенно не нужно, — уже без тени улыбки сказал он.

— Но как мне сообщить вам, когда случится что-то, если связь между нами пропадает и мой призыв остается не услышанным?

— В ближайшее время ничего страшного вроде не должно случиться, я проверял. В течение полугода все должны благополучно разрешиться девочками и мальчиками. А насчет Маши не переживай, у меня есть один план, просто еще не пришло время его выполнить. Я верну ее на самый благоприятный для нее жизненный путь, но сейчас она должна пройти испытание. Оно закончится. Главное, чтобы ребенок родился. Это и в самом деле

будет художественно одаренный мальчик, так что во сне ты все правильно ей предсказал. Жаль, что ей приходится переживать во время беременности такие эмоции, но это расплата за то, что она выбрала в отцы своему ребенку не того человека...

— Это ведь не она выбрала... А душа ее ребенка — М-09071999, — снова возразил я.

— Но ведь и без ее участия тут не обошлось, не так ли? Душа твоего М-09071999 выбрала мать, а отца уже выбирать не пришлось, — взял то, что ближе лежит. Вернее, кто, — он был явно доволен своей шуткой. — У тебя ведь было то же самое, не так ли?

— Нет! Я тогда все продумал и даже выбрал другого отца. Но в один момент не смог себя контролировать и допустил ошибку.

— Может, и так. Но не выбери твоя Валерия того, другого, с которым ей оказалось не по пути, ведь ничего бы этого не случилось, верно?

— Верно, — вздохнул я. С ним нельзя было не согласиться.

— Ну и вот. Так что расслабься. Все будет хорошо.

— Шеф, а новых заданий нет?

— Пока нет, Мир. Кроме одного: надо оберегать Владимира — над ним в начале этого года висит какая-то опасность восьмого числа каждого месяца. Я не смог понять точно, что это, вроде как может быть, а может и не быть. Но на всякий случай будь начеку, и я тоже постараюсь не снимать ситуацию со своего контроля.

— Понял. Я снова свободен?

— Ты всегда свободен, душа моя! — Элиас играючи потрепал меня по волосам и щелкнул по носу, которые видел такими, какими хотел. — Цени это время. И не переживай по мелочам.

Он поднялся, раскрыл крылья, несколько раз взмахнул ими, будто проверял, нормально ли работает механизм, и полетел. Я следил за его полетом до тех пор, пока ангел не превратился в маленькую точку. Когда точка исчезла, мне стало тревожно за него, как будто что-то должно случиться. Я очень хотел бы ошибаться в своих предчувствиях.

***

Восемь. Число судьбы. Восьмого января с Владимиром вроде ничего плохого не случилось, если не считать небольшого дорожного происшествия на Колокольной улице, где и произошла его встреча со странным инспектором. ДТП, которое должно было случиться тогда, все равно случилось, но позже. Поворачивая налево, Володина «копейка» столкнулась со встречным автомобилем, и они слегка поцарапали друг друга. К счастью, все участники отделались легким испугом. Вопрос с покрытием расходов по страховке водители решили на месте и благополучно поехали дальше.

На восьмое февраля было назначено новое судебное заседание по делу о разводе между Ольгой и Климом. Тот проигнорировал уже две повестки, складывалось устойчивое ощущение, что развода он не хотел. Володя отвез Ольгу в мировой суд к десяти утра и остался ждать в машине. Я не знал, что мне делать: побыть с ним или полететь за ней? Решив, что ничего плохого с Владимиром, пока он просто сидит за рулем и никуда не едет, не случится, я решил поприсутствовать в зале суда.

На этот раз Клим пришел и ждал в коридоре у кабинета, держа в руках паспорт. Увидев жену, он остался на своем месте, даже не кивнув ей. Ольга села напротив. На ней было широкое серое пальто и объемный шарф, и живота, который стал уже довольно большим, благодаря одежде видно не было.

Уже практически бывшие супруги молча сидели друг против друга. Клим пристально смотрел на Ольгу, но по его ничего не выражающему взгляду было совершенно невозможно понять, о чем он думает. Я чувствовал, что эмоции в нем накалены до предела, но внешне, в отличие от прошлого раза, он этого никак не проявлял. Так они провели минут десять: Клим, не отрываясь, смотрел на жену, а она, не имея желаний видеть его, рассматривала большую пуговицу на своем пальто.

В коридор вышла секретарь:

— Шелины. По делу о расторжении брака. Проходите. Ответчик явился?

— Явился, — буркнул Клим.

Они зашли в зал.

— Дело ведет мировой судья Худякова, слушается дело по иску Шелиной Ольги Александровны к Шелину Клименту Игоревичу о расторжении брака.

Судья вслух зачитала иск Ольги о том, когда они вступили в брак, дежурную фразу о несходстве характеров и невозможности совместного проживания, о том, что совместное хозяйство уже не ведется, а также то, что материальных претензий к мужу истица не имеет и место проживания ребенка ими определено.

— Ответчик, почему не являлись на предыдущие заседания?
Клим молчал.

— Ответчик, когда суд спрашивает, надо отвечать стоя.

Черная туча снова появилась над головой официального мужа Оли. Я чувствовал, что в этот момент он ненавидел весь мир.

— Болел, — вставая, произнес он. Голос его звучал хрипло, как он звучит тогда, когда человеку необходимо откашляться.

— Больничные листы имеются?

— Нет. Я не обращался к врачу.

— Вы согласны с иском супруги?

— Нет, — после этих слов он, наконец, откашлялся.

— То есть вы не согласны с иском? — зачем-то уточнила она, делая ударение на частицу «не».

— Не согласен, — повторил он ее интонацию.

— Хотите, чтобы был назначен срок для примирения с супругой?

— Да, хочу.

— Истица, — судья обратилась к Ольге, которая стала бледнее белой стены в кабинете, — Вы хотите, чтобы был назначен срок для примирения с супругом?

— Нет, Ваша честь, — встала Оля.

— Почему?

— Мы уже четыре месяца не живем вместе, у меня есть другой человек, и скоро у нас родится ребенок.

Когда она встала, живот уже нельзя было не заметить. У Клима, когда он впервые увидел его, взгляд стал очень жестким, но ни один мускул на лице не дрогнул. Я, находящийся в полуметре от него, был откинут к окну волной негативной энергии: он изо всех сил ненавидел этого ребенка. Клим принял решение принципиально не давать согласие на развод.

— Но ваш супруг против расторжения брака, и, по закону, я не могу не дать вам время для примирения, если этого требует одна из сторон.

— Ваша честь, умоляю... — глаза Ольги наполнились слезами.

— Как женщина, я вас очень понимаю, — в голосе слуги правосудия прозвучало сочувствие. — Но, как судья, я обязана назначить срок один месяц, — она начала листать свой ежедневник. — Следующее заседание назначим на девятое марта, сразу после женского дня. Надеюсь, за это время вы договоритесь между собой. — У вас когда срок родов? Сможете присутствовать? — поинтересовалась она у Оли.

— В конце марта.

— Ну, значит, должны все успеть. Ответчик, подумайте хорошенько, — обратилась она к Климу, — больше откладывать не будем. Даже если вы по какой-то причине вновь не явитесь, развод состоится.

Неразведенные супруги молча оделись и покинули зал заседаний. Они прошли через турникет, миновали судебного пристава, и вышли на улицу. Ольга хотела сразу уйти, но Клим схватил ее за руку. Д-16121998 из всех сил пыталась оторвать эту сильную руку от руки ее мамы, как будто верила, что у нее это получится.

— Нагуляла, когда мы еще жили вместе? — кивнул он на ее живот.

— Клим, прошу тебя, дай мне развод, расстанемся по-хорошему, ты сможешь видеться с Петей, когда захочешь! — голос ее звучал умоляюще.

Тот хмыкнул.

— Пусть его воспитывает тот, с кем вы сейчас живете. А насчет развода... — Клим сделал паузу, — так впереди еще целый месяц до девятого марта, — он резко отпустил руку жены.

В поле его зрения попали желтые жигули, что стояли рядом со входом.

— Он? — Клим показал на водителя.

— Да. Поверь, он очень хороший человек! — она выделила слово «очень», не подумав, какую реакцию могут вызвать ее слова.

— А я, значит, был плохой... Понятно. Ну что ж, поезжайте, голубки, на все четыре стороны... — он еще раз хмыкнул и сузил глаза, глядя в сторону Володиной машины. — Номер телефона сменила? — уточнил он у нее.

— Сменила. Когда сможем общаться по-человечески, скажу новый.

Оля подошла к машине и села внутрь. Володя завел двигатель и стал потихоньку разворачиваться. В этот момент в водительское стекло прилетел крупный снежок, размазался и прилип. Клим, пульнувший «снаряд», стоял и смотрел им вслед.

Я пробыл с ребятами почти до самой ночи, слушая их разговоры. Надежда пожениться до родов рухнула, и настроение у обоих было, мягко говоря, не самым радостным. Но ничего неприятней этого снежка с Владимиром в тот день не произошло.

***

Февраль пролетел незаметно, все шло своим чередом, лишь Лера иногда впадала в тоску, причину которой не могла объяснить Артему. Я много времени проводил рядом с ней, и иногда меня посещала мысль, не из-за моего ли незримого присутствия ей так беспокойно.

— Ань, чем ближе срок, когда ребенок мог бы родиться, тем мне хуже и хуже, — рассказывала она по телефону той самой подруге, сын которой должен был стать еще одним ее крестником. — Как тому лосю из анекдота, который с похмелья на водопой пришел, — помнишь? В него охотник стреляет и стреля-

ет, каждый раз попадая в цель. А лось никак не падает и удивляется: «Я все пью и пью, а мне все хуже и хуже...»

Я услышал смех из телефонной трубки. И фразу, которая, мне показалось, закончилась на слове «не думать».

— Да?.. А как это сделать-то, — продолжала Лера. — Артему обо всем рассказать не могу, он сказал, что очень негативно относится к женщинам, которые сделали аборт. Вообще я много нового о нем узнала: лучший друг у него — священник, да и сам он в церковном хоре пытался петь. В общем, строгих правил оказался юноша, а тут я, со своим псевдолегким отношением к жизни... Кажется, Ань, не получится у нас ничего. И хотела бы, чтобы получилось, да я уже где-то что-то не то сказала, не так посмотрела... А он все запоминает... Я сказала и забыла, а он через неделю мне выдает это уже в форме вопроса, и я не знаю, что отвечать, чтобы снова не ляпнуть лишнее. Получается, не могу быть собой, — постоянно должна себя контролировать. А ревнивый какой оказался, мнительный, никак подобного не ожидала! Вот что значит, не зная человека, поторопиться за него замуж. Недавно мне кто-то позвонил, а Артем как раз уходил куда-то по работе. Часа четыре его не было, возвращается и первым делом знаешь что спрашивает? Кто тебе звонил, когда я уходил? Я чуть не упала... Уже и не помню, звонил ли вообще кто-то! А его это все время беспокоило, представляешь?..

Я не слышал ответы ее подруги, но они тоже были довольно продолжительными, Лера подолгу молчала и периодически, не открывая рта, издавала «угу».

— Жаль, что все так, потому что мы с ним во многом совпадаем: оба не любим дома сидеть, интересов много общих, постоянно вместе — и дома, и в офисе... Чувство юмора у него замечательное, а я это, ты знаешь как, ценю. Про секс вообще молчу: не вылезали бы из постели, если б не на работу, — продолжала она. — Вот не стань он целоваться летом с Юлькой, и не войди я второй раз в одну и ту же воду с Витей, может, и получилось бы у нас что-то нормальное. Не такое, как сейчас, когда я себя за уши из депрессии тащу и никак вытащить не могу. И ведь

предупреждали меня в конференции!.. А я никого не послушала. А теперь все думаю о ребенке, считаю, сколько бы осталось до родов. К Артему часто пристаю, — может, ребеночка? А он: куда мы будем его запускать? Жилья-то нет своего.

Кстати, представляешь, ни его, ни меня могло бы не быть на свете! У нас с ним очень похожие истории: обе наши мамы, забеременев, отправились на аборт, и ни одна не стала его делать. Моя говорила, что доктор ее напугал, сказав, что стенки матки очень тонкие и эрозия еще, как бы потом вообще детей не было... Прямо как мой любимый профессор Жигалов, когда мы с Витей в первый раз к нему пришли. А мать Артема рассказала, что неожиданно передумала и ушла прямо с кресла в операционной. Я, кстати, недавно сама была свидетельницей подобной ситуации: повела буквально за руку одну девушку к своему доктору, а та передумала и ушла. И в мае мальчика должна родить. Свидетельницу мою помнишь? Вот это она. Нет, Ань, ну ты представляешь? Ни меня, ни его могло и не быть, а мы есть!

Теперь была очередь Анны поведать похожий случай из жизни уже ее подруг, Лере не знакомых. А Лерина очередь — слушать.

— Да, да, точно, — продолжила она, выслушав будущую куму. — Я до сих пор не понимаю, почему не передумала тогда и не ушла. Зачем вообще поехала... Какой-то импульс, вспышка... а ребенка нет. Может, Витя бы еще одумался, он ведь довольно сильно меня любил. Ну на кой мне сдался этот «замуж»! Мама все на мозг капала... Жили бы и жили так. Понимаешь, я просила, чтобы он хотя бы развелся, а он — я только теперь поняла — не делал этого, чтобы не жениться на мне. И с женой не жил, и меня рассматривал как временный вариант. А потом, когда я забеременела, выдал: «А я тебе, Лерочка, сразу говорил, что женат». Я помню, тогда ответила ему, что да, об этом предупредил, но забыл сказать, что подлец. Слушай, а я тебе не рассказывала, что позвонила его жене после аборта? Мне по-человечески стало жаль ее: уже за тридцать, а она сидит и ждет, когда этот «мудж»

нагуляется, одумается и к ней вернется. Повела о случившемся и сказала, что недостойн он ее ожидания. А она мне, знаешь, что ответила? Что она всегда знала, что у нас ничего не получится, с тех пор как нашла кассету. И как ей все так сразу понятно стало? Медиум, не иначе, — капнула ядом Лера.

В ответ ей прозвучала самая короткая Анина реплика из всего их разговора. Похоже, та не поняла, о какой кассете идет речь и решила уточнить.

— Кассету, где мы с ним целуемся, — ответила Лера. — Когда мы с Витей только начали встречаться, он снимал меня на видео в Летнем саду и немножко дома, а потом включенную камеру на стол поставил и впервые перешел к решительным действиям. Это вообще наш первый поцелуй был! Скромный совсем. Я там смущена донельзя, волосами лицо закрываю, потому что оно красное все. А Витя тогда еще у жены жил, хотя мне говорил, что между ними давно ничего нет. Это я теперь уже понимаю, что, похоже, легенда такая у всех женатиков. Ну, в общем, его супруга, посмотрев видео, устроила ему допрос с пристрастием. А он ей возьми да признайся, что любит девушку с кассеты. Меня то есть. Потом они к родителям съездили, сообщили, что разводятся, вещи он ко мне перевез. Но, как видишь, с женой так и не развелся...

Аня снова что-то довольно долго рассказывала. Лера терпеливо ждала своей реплики:

— Вот-вот. И я иногда думаю, если верить в то, что у человека есть судьба, то для чего нужно было наше знакомство? Оно сразу было каким-то роковым. Сначала обратили внимание друг на друга на бильярдном турнире между нашими компаниями, попереглядывались, а потом вдруг — бах! — называют наши имена как пару для игры. Чья-то рука случайно вытащила из шапки. Как будто кто-то все это подстроил. Зачем? Чтобы через год я пережила такую адскую душевную боль?! За что? Никому ничего плохого вроде не делала. Где был мой ангел-хранитель, почему не оградил меня от этого? Не жизнь, а камень из сказки: налево пойдешь — коня потеряешь, направо — голову, прямо — еще

что-нибудь... Куда ни пойдешь, везде потери. Получается, лучше вообще из дома не выходить

Разговор подруг длился около двух часов. Телефонная трубка тихонько попискивала, все чаще давая понять, что она у нее не осталось энергии и она скоро умрет, но, кроме слов «ой, кажется, сейчас батарея сядет», никаких попыток реанимировать ее Лерой предпринято не было, — ведь для этого нужно было закончить разговор. Подружки успели обсудить настоящее, вспомнить прошлое, пофилософствовали, посмеялись, перемыслили косточки всем бывшим, нынешним и потенциальным, поговорили о будущих крестинах Ромки, которые должны состояться, по словам Ани, вот-вот... Настроение Леры менялось несколько раз от грусти к безудержному веселью. Я подумал, что, наверное, посади этих двух болтушек в одну тюремную камеру на двадцать пять лет, то они, освободившись, проговорили бы за воротами тюрьмы еще два часа, как две дамы из анекдота, который не так давно рассказал мне Элиас. Уже не помню, к чему.

Неизвестно, сколько еще продлился бы этот телефонный марафон, если бы в замочной скважине не повернулся ключ и в дверь не появился Артем.

— Ладно, Ань, у меня молоко убежало. И муж, кажется, прибежал, — рассмеялась Лера. Их начавшийся за упокой разговор кончился на полном позитиве. Трубка на слове «прибежал», еле дотерпев до конца беседы будущих кумушек, издала предсмертный писк и отключилась. Лера, поставив ее на базу заряжаться до следующего сеанса связи, вышла в коридор, где Артем переобувался в тапочки, и прижалась к его спине.

— Привет-привет, — сказал ей он, выпрямился и поцеловал в шею. — С кем говорила? Странно как-то: только я вошел, и ты сразу трубку повесила...

— С Анькой. Трубка безвременно скончалась от наших бесконечных сплетен.

— Понятно все с вами, девушки-болтушки, — он снял куртку и пошел в ванную мыть руки. — Чем угощать будешь? Снова вчерашний борщ?

— Ты что-то имеешь против?

— Да нет... Просто не очень люблю супы.

— Ну ты даешь! А что раньше молчал? Я, понимаешь, варю ему, варю, а он их не любит!.. Я ведь еще и другое умею. Давай курицу сделаю на банке. Как раз по дороге с работы купила банку, — она засмеялась. — Шучу, курицу купила. Думала завтра сделать, в виде праздничного блюда, но чего ждать, в самом деле... Даешь восьмое марта седьмого!

— Даешь, — без особого энтузиазма поддержал он. — Только подарок, чур, завтра, а то я еще не успел купить. А как это выглядит вообще? Курица на банке.

— Берешь курицу, делаешь в ней щели, натыкаешь во все щели чеснок, обмазываешь солью и майонезом и надеваешь одним местом на маленькую баночку с водой. Это мамин рецепт. Она курице еще голову приделывает из свеклы и нож вертикально под крыло засовывает, — вуаля! — блюдо готово, можно к столу, — Лера смеялась. — Мама поэтично называет ее «Курица в полете». Сколько себя помню, она всегда таких летающих куриц делает. По поводу и без.

— А нож-то зачем? — не понял Артем.

— Как, а разве ты не догадался? — ее разобрал такой неудержимый смех, что она сползла вниз по стенке и села на корточки. — Чтобы было чем резать курицу!

Лерин муж, глядя на нее, тоже смеялся, но только гораздо тише.

— Ну, раз это такое смешное блюдо, давай его сегодня сделаем, — сказал он. — Чеснок и майонез есть? Или надо купить?

— Да вроде были. Баночку только надо.

— Где-то вроде есть хозяйские, сейчас поищу, — он еще не слишком хорошо знал, где что находится в съемной квартире, хотя жил здесь полгода один и больше четырех месяцев вместе с Лерой.

Они дружно отправились на малюсенькую кухню, где стояла допотопная двухкомфорочная газовая плита, вместе нашли подходящую баночку и вместе стали делать щели в курице — Артем

с одной стороны, а Лера — с другой. Я смотрел на них и с надеждой думал о том, что все еще, может, будет хорошо. Ведь трещина может еще и затянуться, если они оба этого захотят. Я бы с радостью помог им найти ниточку друг к другу, но уже не имел на это права — мне вообще нельзя было здесь находиться. Вдруг вспомнив, что завтра снова восьмое число и мне обязательно надо быть рядом с Владимиром, я покинул досрочно отмечающих международный женский день.

***

Утром праздничного дня Володя сбегал в ближайший цветочный магазин и положил на постели рядом со спящей матерью своей будущей дочке букет из семи белых роз с длинными стеблями. Оля проснулась и, увидев их, улыбнулась совершенно ангельской улыбкой. Я еще ни разу не встречал ангела женского пола, но мне представляется, что она должна выглядеть так же. Белые цветы очень шли будущей маме Д-16121998. Эта утренняя женщина без косметики, носящая в себе новую жизнь, была удивительно прекрасной, и неважно, что у нее не было крыльев.

Почему-то при воспоминании о крыльях я будто услышал рядом голос Клима «Где твои крылья, которые нравились мне?..» Он цитировал эту песню во время осенней прогулки с Лерой и Олей в парке. Мне вдруг стало тревожно. Но я постарался отогнать от себя неизвестно откуда взявшийся образ этого несчастного человека, который был врагом самому себе. И почему у него нет ангела-хранителя? Как такое возможно?..

— Ангел мой, — наклонился Володя к Оле, чтобы поцеловать, — иди со мной, ты впереди, я — за тобой.

— Поздравительные стихи? — улыбнулась она спросонья, отвечая на поцелуй.

— Да нет, Нина Геннадьевна научила, сказала, надо произносить, когда из дома выходишь, чтобы ничего плохого не случилось. Почему-то крутятся сегодня в голове...

Позавтракав, все стали куда-то собираться. Одна Д-16121998, никуда не торопясь, сидела на бутоне розы и делала вид, что на-

слаждается ароматом. Из разговоров я понял, что сегодня по плану — навестить родителей Оли и вместе с ними отметить праздник. Володя уже успел познакомиться с будущими родственниками во время встречи Нового года, так что этот визит должен был стать вторым в их семейной истории.

— Надо будет маме тоже цветы купить, — сказала Ольга. — Может, эти подарим, чтобы деньги не тратить?

— Нет, Ляля, маме купим другие. Эти — тебе, — ответил Володя.

— Как скажешь, любимый, — Оля поцеловала его в щеку. — Поехали?

— Подожди, Лерке позвоню, поздравлю, — он набрал номер.

— Лер, привет, с восьмым марта! — Оля делала ему знаки, означающие «передавай привет». — Да, и от Ольги, хоть она тоже женщина. Ну, в общем, всего тебе! О чем мечтаешь, чтоб сбылось! А мы тебя очень любим. И крестник твой тебя целует, — он дал трубку Пете.

— С праздником, крестная! Желаю тебе стать настоящей феей! — сказал мальчик.

Я услышал из трубки Лерин смех, и беспокойство сразу отпустило меня.

— Надеюсь, сегодня не поздно вернемся от родителей и заедем к вам с тортом на чашку чая. Я позвоню ближе к вечеру.

Они вышли во двор, завели машину и поехали, купив по дороге красивый букет крупных белых хризантем для Олиной мамы. Родители Оли жили в пригороде, в Сиверской. Я удобно уселся сзади рядом с Петькой, у которого было собственное детское сиденье и свой ремень. Рядом с нами болтала ногами в розовых босоножках белокурая голубоглазая девочка — Д-16121998. Не знаю почему, сегодня я вдруг впервые увидел ее такой.

Петька дорогой задавал забавные вопросы, от чего все смеялись, в том числе мы с душой его сестренки:

— Мам, пап, а вы знаете, что, если кошку долго чесать расческой, это будет не кошка, а электрокошка?

Родители расхохотались.

— Знаем, сынок, — ответил Володя. — В школе проходили. Урок назывался «Статическая электрокошка».

— Мам, а я хитрый? — спросил вдруг он.

— Бываешь, — не поворачивая головы, ответила Оля.

— А я хочу быть совсем хитрым! — надулся ребенок.

— Зачем тебе?

— Чтобы быть супергероем! Как Джеки Чан. А еще у меня недавно пятая мечта появилась!

— А какие еще четыре? — поинтересовался Володя, не отрывая глаз от дороги.

— Не скажу, нельзя говорить.

Все снова дружно расхохотались. Петька сначала надулся, потом засмеялся тоже. Какая все-таки замечательная получается семья, думал я. Завтра судья, наконец, вынесет решение о разводе, совсем скоро родится девочка, что сейчас болтает ногами рядом со мной, и все у них будет хорошо. Я очень хотел в это верить.

Володя припарковал свою канареечную «копейку» во дворе двухэтажного дома похожего цвета. Они поднялись на второй этаж, но на звук дверного звонка никто не открыл. Ольга позвонила матери:

— Мам, а вы где? А... Мы сейчас туда подойдем, — сказала она в трубку и, повернувшись к Володе с Петей, пояснила. — Они в магазине, пошли за тортом. Тут недалеко, — давайте пойдем навстречу?

Они повернули за угол дома и снова оказались на улице, по которой приехали. Несмотря на праздничный день, она была совершенно пустой, лишь вдалеке шли какие-то люди. Через несколько метров все трое вдруг услышали крик «Стоять!» и обернулись.

За ними шел Клим. В руках он держал охотничье ружье. То самое, с которым охотится на бобров, догадался я.

— На колени! — голос его звучал очень страшно. Он был пьян.

— Клим, не надо! — Оля сделала шаг вперед, заслонив собой любимого человека. Петька, который, по обыкновению, бежал немножко впереди, остановился, в ужасе прижав ладони ко рту.

Я пытался сообразить, что нужно делать, но у меня уже совсем не было времени. «Элиас! Элиас! SOS!» — призывал я что было сил их ангела-хранителя. Случилось то, чего я боялся больше всего: Элиас меня не слышал. Я чуть не плакал от собственного бессилия. Что я мог сделать? Ни мои сны, ни знаки уже никого не могли бы спасти...

Я видел по Олиному лицу — она не верит в то, что Клим может выстрелить. Заслонив собой Владимира, молодая женщина отрицательно мотала головой, будто хотела сказать «Ты просто пугаешь, ты этого не сделаешь...»

Она ошиблась.

Когда раздался выстрел, у меня возникло ощущение, что я смотрю страшный сон и не могу проснуться. Это было похоже на замедленную съемку: Володя подхватывает на руки Ольгу, которая вдруг начинает медленно оседать на землю, из его рук падает букет белых хризантем, купленных для Олиной мамы...

Д-16121998 кружилась рядом со своей матерью, не понимая, что с ней происходит. Она смотрела на кровь на ее груди, где через несколько недель появилось бы молоко для девочки, которой она мечтала стать. «Мама, мамочка», — шептала она, — что с тобой?» Петька с криками «Помогите! Маму убили!» побежал к магазину, куда ушли его бабушка с дедушкой. Дорогу он знал.

Еще выстрел. На этот раз в плечо женщины. Все произошло за несколько секунд, но в моем восприятии длилось вечность. На лице Владимира были одновременно страх и ярость. Он понял, что убийца не остановится, и судорожно соображал, что он — безоружный — может сделать в такой ситуации.

Я будто вижу сон. Очень страшный сон, кричу от ужаса и не могу проснуться. Володя бережно кладет истекающую кровью любимую женщину на землю, делает несколько шагов к Климу и пытается отобрать оружие. Во время борьбы дуло поворачивается вниз, Володя получает пулю в колено и падает, держась за ногу и морщась от сильной боли.

— Спасти тебя хотела... — произнес убийца, возвышаясь над своей жертвой. — Не вышло. Теперь не будешь зариться на чужое... А то и жену увел, и сына...

Он снова выстрелил. На этот раз в живот. Клим с ненавистью смотрел на теряющего сознание соперника, — я видел, как он рад его мучениям.

Я метался от одного раненого к другому. Под Ольгой появилась большая лужа крови, из-за которой несколько хризантем стали алыми. Женщина была уже без сознания. Д-16121998, что сидела на ее груди, рыдая, подняла на меня глаза: «Мир, сделай что-нибудь, умоляю!..»

Клим прицелился Владимиру в голову. «Элиа-а-а-ас!» — я схватил ружье в последней, совершенно с моей стороны бессмысленной, попытке остановить убийцу. Но кто я против оружия? Всего лишь невесомая невидимая тучка, какой-то сгусток энергии... Но дуло вдруг развернулось и уперлось в шею Клима, — туда, где находится сонная артерия. Как это могло произойти?! В тот же момент рядом со спусковым крючком я увидел еще одну руку, которая помогла пальцу убийцы нажать на него.

У Клима была задета нижняя челюсть, из шеи хлестала кровь, но он еще мог двигаться. Нетвердой походкой пройдя несколько шагов до места, где лежала Ольга, он опустился на колени, лег рядом с ней, обнял одной рукой и больше не шевелился.

Я никак не мог понять, как такое могло случиться, когда рядом со мной вдруг раздалось:

— Все. Теперь меня точно отстранят.

Это был Элиас. Он стоял рядом и смотрел на три тела, лежащие на окровавленной земле. Для людей, что находились на улице, то, что произошло с Климом, выглядело как самоубийство. Позже они так и рассказывали: убийца сначала стрелял в женщину, затем в мужчину, а потом выстрелил в себя.

— Может, их еще можно спасти?! Ведь там же еще ребенок! — в панике крикнул я.

Д-16121998 повисла на руке у Элиаса:

— Помоги, немедленно помоги, это твоя обязанность! Ты должен, должен спасти мою маму! Я хочу родиться! — она разревелась громко-громко, как настоящая маленькая девочка.

— Не плачь, ты обязательно родишься, — попытался успокоить ее ангел. — Прости меня, малышка. Пожалуйста. И ты, Мир, тоже прости... — он поднялся метров на пять над землей, сделал круг и, убедившись, что помощь уже близко, полетел прочь. Я смотрел на его удаляющуюся фигуру, как будто видел в последний раз.

Послышались звуки сирены, подъехал милицейский УАЗик. Еще несколько минут спустя появилась карета скорой помощи. Когда Ольгу грузили на носилки, к ней подбежала немолодая, но все еще красивая женщина с криками «Оля, доченька, доченька моя!» Рядом с ней пожилой мужчина крепко держал за руку внука и тихо, по-мужски, плакал. Из-за большой потери крови их дочь была без сознания.

Пострадавших отправили в Центральную районную больницу. Я полетел за ними. Климю медицинская помощь уже не требовалась.

***

Больница произвела на меня очень тягостное впечатление: длинные коридоры с множеством дверей, всюду люди в белых халатах... Она напомнила мне нашу лечебницу, где находились души, которые, как считало руководство, нуждались в принудительной госпитализации. И если ангелов-неудачников отстраняли, то заблудшие души определяли в такую лечебницу, из которой можно выйти только через определенный срок. Небесный аналог лечебницы для душевнобольных, даже название похожее — больница для неприкаянных душ.

Я слушал разговоры врачей. У Ольги было прострелено плечо и правое легкое. У нее преждевременно отошли воды, родовые схватки были очень слабые, требовалось экстренное кесарево сечение. Врачи надеялись спасти и мать, и ребенка. В хирургическое отделение вызвали специалистов из акушерского.

Владимир тоже потерял много крови. Его готовили к срочной операции. Я слышал, как один из хирургов, надевая стерильные перчатки, сказал медсестре:

— Рана у парня в живот почти как у Пушкина. Жаль, тогда медицина еще не дотягивала — сегодня поэта наверняка бы спасли.

— Женщину жалко. За что ее так, беременную... — откликнулась на его слова медсестра.

Я не стал присутствовать на Олиной операции, достаточно, что при матери постоянно находилась Д-16121998, которую сегодня я видел в последний раз.

В коридоре ждали родители Оли. Оба сидели с заплаканными лицами, надеясь на чудо. Внука они оставили у соседей, пообещав, что врачи обязательно спасут маму. Операция по спасению длилась почти четыре часа. Когда в коридоре появился хирург, мать Оли встала со стула, в страхе услышать самое страшное.

— У вашей дочери большая кровопотеря при ранении и кесаревом, ей требуется срочное переливание крови. Группа редкая — четвертая отрицательная. Мы делаем все возможное. С девочкой, вашей внучкой, все в порядке.

Олина мама положила голову на плечо мужа и тихонько заплакала. Он похлопывал ее по спине со словами: «Не плачь, не плачь, все еще обойдется...»

Из операционной слышался плач новорожденной. Я заглянул и увидел на столе маленькое красное тельце. Рядом хлопотала акушерка с необходимыми процедурами: протирала кожу малышки, чем-то смазывала... На остатке пуповины держался металлический предмет, похожий на ножницы. В конце концов, девочку запеленали и оставили одну. Я посмотрел в ее голубые глаза — точно такие, о каких всегда мечтала ее душа. Кроха пристально глядела прямо на меня, и мне на секунду показалось, что она меня узнаёт.

Д-16121998 поблизости уже не было. Она родилась.

— Шелина. Девочка. 8 марта, 18.25. Вес 3150, рост 52 см. Запиши, пожалуйста, на бирочке, — продиктовала акушерка медсестре.

В это время Лера пыталась дозвониться Володе. По ее расчетам, он уже должен был приехать в город. Она приготовила праздничный ужин, чтобы вместе отметить восьмое марта и заодно завтрашний развод Ольги с Климом.

— Не могу понять, почему он не берет трубку. Никогда такого не было, — сказала она Артему.

— Мало ли... Может, телефон в машине оставил, — предположил ее муж.

— Что-то все как-то очень странно... Ведь и Оля не отвечает. Тоже, что ли, телефон в машине забыла?..

Я слышал звонки и чувствовал, что это Лера. Устав от громких звуков, санитарка приемного отделения порылась в одежде пациентов и выключила оба телефона.

— А теперь вообще отключились оба... Так не бывает, — Лера не находила себе места. — А вдруг что-то случилось, пока они ехали обратно?.. На шоссе всякое бывает, маршрутки разбиваются, часто передают в новостях.

— Может, они просто передумали, решили провести вечер вдвоем и отключили телефоны. Такое тоже бывает, — предположил Артем.

— Нет... Это совсем на них не похоже... Буду звонить периодически, вдруг дозвонюсь.

— Прекрати надоедать людям! — строго сказал ей муж. Он сидел за компьютером и сосредоточенно строчил очередную статью в газету.

Лере стало очень обидно. От этого, и от переживания, что с друзьями что-то случилось, ей захотелось плакать. Она села к компьютеру и полезла в свою задушевную конференцию. Теперь она бывала там только тогда, когда ей было о чем поплакаться, и не навевалась туда с тех пор, как они подали заявление. «Хорошее дело браком не назовут» — озаглавила она новую тему под собственным ником — Оранжевая.

В это время Ольге переливали донорскую кровь, но она так и не пришла в сознание. Ночью, слегка задремав на подоконнике, я увидел взрослую женскую душу, которая тихо прошла через дверь реанимационного отделения и тут же исчезла.

Владимир находился в тяжелом состоянии, сознание после наркоза было спутанным, он все время звал Ольгу. Через день после операции ему сообщили о рождении дочери и о том, что

ее мать спасти не удалось. Володя молча уткнулся лицом в подушку, плечи его дрожали.

Ольгу похоронили через шесть дней на Южном кладбище. Похороны произвели на меня очень тяжелое впечатление: я никогда не видел столько человеческих слез одновременно. На родителей Оли было больно смотреть, я еле узнал Леру: так сильно ее веки опухли от слез. Она держала Артема за руку и иногда крепко сжимала ее. Гроб с телом сначала привезли в церковь при входе на кладбище. Я услышал разговор двух женщин, которые входили внутрь: «Мне кажется, он не стал бы ее убивать, если бы она не заслонила собой его соперника... Взяла на себя чужую судьбу...» «Детей так жалко...» — вздохнула в ответ вторая. Из церкви доносились звуки пения, и я решил остаться снаружи. Я видел, как одновременно со всеми туда вошла та самая взрослая душа. Больше я ни разу ее не видел.

Петю на похороны решили не брать, чтобы не травмировать ребенка еще больше. Владимир все еще находился в больнице, он пока не мог ходить. О том, где похоронили Клима, я не знал, да мне это было и неинтересно. Я лишь в очередной раз понял, насколько небрежно относятся к своим обязанностям те, кто назначает ангелов-хранителей, и каким страшным боком подобное может выйти для других. Ни в коем случае нельзя было оставлять одного этого заблудшего, злого на весь мир человека!..

Больше всего меня волновало одно: что теперь будет с Элиасом?

***

Ангел — золотые волосы,
Ты продли мне маету-молодость,
Не хочу стареть, ну и что же — смерть?
Легкий выход в свет.
Смерти просто — нет!

Марина Ивановна, мама Леры, сидела у постели Володи в больничном халате, накинутом на плечи. Эти стихи собственного сочинения она написала ему на открытке с изображением Иерусалима с высоты птичьего полета.

— Володенька, вот, возьми. Я недавно в Иерусалиме была в паломнической поездке. Нас в православный монастырь возили, и там я познакомилась с одной монахиней, тоже, как ты, возраста Христа и тоже из Петербурга. Она сначала поехала туда как паломница, а там нашла себя, придя к Богу. Говорит, это спасло ее от одиночества и теперь она совершенно счастлива. Такая девушка удивительная! Мариной зовут, как меня, — женщина, как могла, пыталась его отвлечь, но, видя, что у нее это плохо получается, произнесла: — Володюшка, ты не плачь только, не могу видеть, как ты плачешь. Все будет хорошо. Думаю, Оля не хотела бы, чтобы ты так страдал. Дочка у вас родилась! Как назвать, решил?

— Оля давно придумала. Любочкой будет.

— Любовь. Удивительное знаковое имя! — Марина Ивановна гладила Володю по руке. — Будет напоминать о вашей любви. Любовь Владимировна... — она вслушалась в звучание и одобрительно кивнула. — Да, очень благозвучно.

— Я ведь даже не похороны не смог пойти... — глаза Владимира снова наполнились слезами. — И не я ее спас, а она меня... Он ведь не ее хотел убить, а меня! Она же меня собой заслонила!..

У матери Леры была на редкость отзывчивая душа, и женщина расплакалась вместе с другом своей дочери. Я был поражен, насколько сильно в людях чувство сопереживания, — в нашем мире такого нет. Может, и я буду таким же, когда стану человеком, подумалось мне, и если что-то произойдет с моим другом, тоже буду держать его за руку и дарить свою энергию, чтобы помочь.

— Ничего, ничего... — Марина Ивановна хлопывала Володю по тыльной стороне ладони. — Все образуется, время лечит... А заботы о дочке не дадут грустить.

— Я сейчас вообще не представляю, как справлюсь, ведь я маленького ребенка даже ни разу в руках не держал...

В палату зашла медсестра в коротком белом халате. Это была молодая женщина лет тридцати, чем-то похожая на Олю: невысокая, серые добрые глаза, русые волосы до плеч...

— Владимир, как вы сегодня? — дальше она вдруг перешла на шепот. — На дочку хотите взглянуть? Я могу принести, но только не рассказывайте никому, а то меня могут уволить.

Марина Ивановна не дождалась ответа Володи:

— Конечно, конечно, принесите! Володенька, — она обернулась к нему, — ты ведь еще не видел девочку?

— Не видел, — подтвердил он.

— В какой удивительный момент я пришла!.. — радовалась эта поэтическая женщина. — Вместе впервые увидим Любочку!

Минут через пять приятная медсестра вернулась, держа в руках небольшой сверток в голубой пеленке, и подошла к кровати Владимира.

— Подержать хотите? — спросила она.

— Ой, очень хочу! — тут же отозвалась Марина Ивановна и протянула руки к младенцу.

Взяв новорожденную из рук медсестры, она поднесла ее к постели Володи, приговаривая «Ой, какая чудесная девочка! Спит маленькая... Ой, проснулась!» Малышка открыла глазки и посмотрела на мокрые от слез глаза своего отца — точно такие, как у нее. И я вдруг услышал ее мысли: «Ой, это же мой папа! Точно такой, каким я увидела его в первый раз, только немного уставший... Привет, пап!» Мне даже показалось, что на ее лице появилась улыбка.

— Марина Ивановна, она что, улыбнулась мне? Разве дети могут улыбаться так рано? — удивился молодой отец.

— Володенька, это пока еще только физиологическая улыбка, — с высоты своего материнского опыта объяснила Лерина мама. — Она пока еще не понимает, кто перед ней. Вот месяца через 2–3 она уже начнет тебя узнавать.

Мне было смешно слышать ее слова. Я испытывал симпатию к этой милой непосредственной женщине, что смогла написать столь светлое стихотворение об ангеле и смерти. И как она так верно все почувствовала, удивлялся я. Наверное, людям, которые пишут стихи, дано больше, чем всем остальным. Кому-то дано печь красивые торты, кому-то — писать душевные стихи...

Бросив прощальный взгляд на идиллическую картину, как Владимир с любовью смотрит на свою дочку, я решил, что здесь больше не нужен. И, несмотря на то, что, улетая, видел, как на высокое крыльцо больницы поднимается Лера, возвращаться не стал. Я уже очень сильно волновался за своего шефа.

***

Я метался из стороны в сторону и, когда встречал других ангелов-хранителей, приставал к ним с расспросами, но, по их словам, они ничего не знали об Элиасе, как будто его вообще не было на свете. До меня донесся лишь обрывок разговора, что на землю отправили сразу двух ангелов. Заметив меня, говорившие быстро сменили тему, и у меня сложилось ощущение, что им было запрещено говорить об этом вслух.

У меня возникла мысль найти ангела-хранителя Леры, но я опасался, что могу не сдержаться и начать задавать ей вопросы не только об Элиасе, а я боялся узнать что-то, чего не хотел бы знать о будущем моей несостоявшейся мамы. Мне было легче жить придуманными мечтами.

Я заглянул туда, где собирались такие же юные души, как я, и увидел подружек Д-16121998, которые обсуждали случившееся. Новости о трагической истории дошли уже и сюда:

— Хорошо, хоть она все-таки родилась живой и здоровой! — говорила одна другой.

— Да и папа у нее, к счастью, жив остался...

— Ничего ужасней в своей жизни не слышала, — они показывались в воздухе так, как если бы качали головами.

Эти души окликнули меня, но я сделал вид, что очень спешу. Мне не было дела до девчачьих сплетен.

«Элиас, Элиас!» — непрерывно посылал я призывы.

Прошла неделя с тех пор, как я в последний раз видел моего ангела. Он не прилетел на похороны Ольги. Может быть, ему было стыдно за то, что он не успел ее спасти?..

Устав от бесконечных безрезультатных поисков, я сделал привал на нашем месте. Там я просидел около двух часов, в мыслях

о том, как могло бы быть... Размышления об этом «могло бы», которое не случилось, окончательно ввели меня в тоску, и я твердо решил, что никуда не уйду отсюда, пока не увижусь с Элиасом. Ведь рано или поздно он должен прилететь!

Так прошло еще полдня.

— Ждешь меня, мой верный друг? — сквозь дрему услышал я знакомый голос и чуть не подпрыгнул от радости:

— Элиас!

— Привет, Мир, — вид у него был на редкость спокойный. — Я прилетел, чтобы попрощаться. Признаться, за это время ты стал мне как сын. То есть я хочу сказать, что если бы у ангелов были дети, то мне хотелось бы иметь такого сына, как ты: доверчивого, любящего, ответственного... И еще давно хотел тебе сказать: ты такой смешной в этих зеленых клетчатых штанах с дыркой на коленке! — он, улыбнувшись, хлопнул меня по месту, где видел дырку. — И волосы у тебя очень прикольные: густые такие, ярко-рыжие, со смешными завитушками... Кажется, ты рассказывал, такие были у твоей Леры, когда ты ее впервые увидел?

— Я не знал, что вы видите меня таким... — мне было и радостно, и грустно одновременно. Я ждал, что он скажет дальше.

— Меня отстранили, Мир. Крылья, которые ты видишь, я ношу сегодня последний день, — он расправил одно крыло и провел по нему рукой, приглаживая перышки, как будто прощался с каждым.

— Где твои крылья, которые нравились мне?.. — произнес я тихо.

— Это слова из какой-то песни?

— Да. Там еще есть «...я вижу свежие шрамы на гладкой, как бархат, спине. Мне хочется плакать от боли или забыться во сне. Где твои крылья, которые так нравились мне?..»

— Сильные слова. Буду на земле — наверное, услышу. Только меня это уже не заденет. Помнить, кто я, мне осталось всего несколько часов. И, пока я это помню, я хотел дать тебе одно совсем неправильное напутствие.

Я с ожиданием смотрел на него.

— Нет правил, Мир! Правила — ничто против того, что про-
сит твоя душа. Ты лучше знаешь, как тебе лучше. Любишь свою
Леру? — неожиданно спросил он.

— Очень!

— Любишь — будь с ней! Подумаешь, кто-то решил, что
нельзя попытаться еще раз... — усмехнулся он. — Ну и что?..
Все, кто сидит там, — ангел показал пальцем наверх: — точно
такие же балбесы, как мы, просто строят из себя ученых мужей
с серьезными лицами. А счастье вовсе не в том, чтобы обрести
спокойствие и стабильность, соблюдая навязанные ими правила,
счастье — понимать, что ты — сам себе хозяин! Сам будь хозя-
ином своей жизни, — понял? — он улыбнулся печальной улыб-
кой и слегка щелкнул меня по носу.

— Понял, — сказал я. Мне было ужасно грустно расставать-
ся с ним. — Элиас, а куда вы сейчас? Уже хотя бы знаете, в каком
городе будете жить?

— Да чего далеко летать. Обниму в Питере какого-нибудь
бронзового ангела, благо, там их хоть отбавляй, и буду ждать сво-
его часа. А там уж куда судьба занесет... Откуда я знаю, как люди
поступают с потерявшими память? Может, меня даже по телеви-
зору покажут, — гордо сказал он, — или портреты мои развешат по
всему городу: не видел ли кто точно такого же, но без крыльев?..

— Грустно сознавать, что я могу увидеть вас где-то, а вы да-
же не узнаете меня.

— Милый мой, более того — я тебя даже не увижу! — рас-
хохотался Элиас. — А когда смогу видеть, то ты и сам меня не
узнаешь.

— Ну да... Совсем забыл. Как все сложно... — вздохнул я.

— Зато интересно! У каждого из нас начнется новая жизнь,
и это здорово! — от него просто брызнуло оптимизмом. — Ты обя-
зательно родишься и будешь очень талантливым необычным маль-
чиком, возможно, даже станешь известным изобретателем. Все за-
висит только от тебя, иди вперед и ничего не бойся! Ну, в смысле —
лети, — он засмеялся и хлопнул меня по плечу. Было ощущение,
будто Элиас даже рад перспективе стать человеком.

Мы посидели еще несколько секунд молча, как люди перед дальней дорогой. Потом Элиас встал и раскрыл крылья:

— Ну ладно, кажется, все. Ой, чуть не забыл! — он протянул мне маленький листок бумаги. — Тут номер телефона, который нужно передать Маше. Но не просто передать, а так, чтобы она его непременно запомнила и в нужный момент набрала.

— А какой момент — нужный? — спросил я, пока он наблюдал, как я прячу бумажку в задний карман своих зеленых штанов.

— Объясняю, — ангел снова сел и сложил крылья. — У Маши многое будет далеко не радужно в ближайшие полгода. С сынишкой-то будет все в порядке: нормальный, в меру упитанный, родится младенец. Но трудности наша девушка действительно не потянет и через несколько месяцев отдаст его на содержание государства. Нет-нет, она не откажется от него и будет навещать... — успокоил он меня, увидев мои округлившиеся глаза. — Но моральное состояние ее при этом не улучшится, хотя работу она найдет и деньги, какие-никакие, появятся. В общем, будет в ее жизни момент, когда ей станет совсем тошно и одиноко. И она пойдет бродить по улицам и решит отправить сообщение с вопросом «Умоляю, скажите, — как жить дальше?» по случайно набранному номеру. Так вот — этот номер не должен быть случайным! Это мое последнее ответственное задание для тебя. Ты все понял, Мир?

— Да. А что это за номер? — меня разбирало любопытство. — Что ей ответят? И кто?

— Номер одного хорошего человека, мой любопытный друг. Он швед, зовут его Мартин. Неделю назад он на год по контракту приехал работать в Петербург и взял себе такой номер. Мартин — тот, с кем у Маши все может сложиться как предначертано. Они вместе заберут мальчика из Дома ребенка и уедут в Швецию, когда у Мартина закончится контракт. Именно в Стокгольме Машин сын, когда ему исполнится одиннадцать лет, познакомится с художником, который поможет развить его талант к рисованию. В общем, Мир, присни ей опять какой-нибудь сон или напиши номер на рекламном щите напротив ее ок-

на... — как твоей душе угодно. Я тебе полностью доверяю, ты это отлично умеешь, и знаю, что не подведешь.

— Не сомневайтесь. Не подведу, — заверил я.

— Ну и Владимира не бросай, кто знает, когда там, — он снова показал наверх: — соберутся выделить ему нового ангела-хранителя.

— Обещаю!

— Удачи тебе, дружок. Я верю, что у тебя обязательно все будет хорошо. Не сдавайся!

Он, собравшись лететь, повернулся ко мне спиной, и я в последний раз видел его огромные, такие родные, крылья. Мне так сильно захотелось обнять его за шею и сказать, что он мне очень дорог и что я буду очень скучать! Но я сдержался. Некоторые вещи бывают понятны без слов.

***

Я сидел на столе, рядом с Лериным мобильником. Внезапно он стал издавать непрерывный жужжащий звук, такой жуткий, что я даже испугался. Лера схватила трубку, сначала взглянув на дисплей:

— Привет, Ань!

— Привет, Лерик. Знаю, у тебя сейчас не лучшее настроение для праздника, но мы, наконец, решили крестить Ромку, — на этот раз я слышал каждое ее слово. — Просто к нам тетя Люда из Москвы приехала всего на два дня, она очень верующая, да когда еще снова придет... Ты можешь в субботу утром?

— Конечно. И даже если что, отменила бы свои дела. Крестины — это святое! Да и сейчас совсем не помешало бы, чтобы жизнь изменилась к лучшему, как обещают после того, как станешь крестной мальчика.

— А, ну да, ну да, что-то такое припоминаю, ты говорила, — рассмеялась Аня. — Вот и отлично. Значит, встретимся у выхода из метро «Московская» в 12.00 и вместе пойдем в Чесменскую церковь. Очень необычная красивая церковь, кстати.

— Ни разу там не была. Договорились. О крестике не волнуйтесь, я куплю. Помню по прошлому разу, что это святая обязанность крестной мамы.

— Хорошо, — довольным голосом сказала Аня. — Тогда до встречи, кума!

Эта суббота стала днем, когда я впервые решил побывать в церкви. Я не мог пропустить действие, называемое «крестинами». Мне было ужасно любопытно, что там такое делают с младенцами. Да к тому же Ромка был тем самым ребенком, благодаря которому я почувствовал, что есть на свете такая Лера, которая хотела бы иметь такого сына, как я. И мне очень хотелось хотя бы раз посмотреть на этого мальчика.

Будущий девятимесячный крестник в ярко-желтом лохматом конверте с капюшоном напоминал маленького пушистого цыпленка. В церкви, без верхней одежды, я разглядел его более детально: это был симпатичный малыш с пухлыми щечками, светлыми глазами, светлыми волосиками и очень густыми ресницами. Такими, какие были у Элиаса. Ромка ни минуты не вел себя спокойно, переходил с рук на руки и у всех извивался, как уж. Лишь на руках у своей мамы Ани первые две минуты сидел спокойно. У телефонной поверенной Леры тоже были серо-голубые глаза, точь-в-точь как у ее сына.

Отец Ромки — высокий худой блондин по имени Леха — стоял в сторонке со своим другом, и они вместе прикалывались над происходящим. Друг с фамилией Семейкин был приглашен в качестве крестного отца. Лера, услышав такую душевную фамилию, в шутку посокрушалась о том, что будь аналогичная у ее мужа, наверняка брак продлился бы всю жизнь. Ибо, как она уверенно заявила, с Семейкиными по-другому быть не может.

К моей радости, песен в церкви на этот раз не пели. Дело было после утренней службы, и священник, крестивший Раба Божьего Романа, только читал молитвы. Лера стояла рядом и держала довольно тяжелого и очень юркого младенца на руках в течение всей церемонии. Крестный с патриархальной фамилией наблюдал за процессом со стороны. Мне было даже немного

жаль Леру; я представил, что на Ромкином месте мог бы быть я и тогда моей маме пришлось бы держать такого внушительного карапуза не один раз во время крестин, а ежедневно циркулировать на руках из кухни в комнату, из комнаты в ванную и так далее. Я мысленно посочувствовал всем мамам маленьких, но тяжелых детей, и еще немного позавидовал этому малышу из-за того, что Лера стала его мамой. Хоть и крестной.

Раба Божьего Романа побрызгали водой из чаши под названием купель, отстригли с головы прядь волосиков, помазали освященным маслом ручки и ножки и предложили крестным трижды обойти вокруг купели вместе с младенцем. В самом конце, дав Лере поцеловать крест, батюшка пожурил ее за накрашенные губы и строгим голосом дал какое-то напутствие, которого я не расслышал. После этого напутствия у Леры испортилось настроение. Она вышла из церкви с озадаченным и даже немного рассерженным видом и сказала всем, кто ее ждал:

— Не понравился мне этот батюшка. Да и я ему, похоже, тоже. Сказал, что света любви во мне нет, поэтому ребенок и ерзал все время. Умный какой, ишь! Он и у Лехи ерзал, выходит, и в нем свет любви отключился.

Мне хотелось как-то успокоить ее и объяснить батюшке, что он не прав, но разве я мог?.. Новообретенные кумовья посоветовали ей «забыть» и забыть, хотя отец Ромки сперва попытался что-то слабо возразить на выдвинутое против него обвинение. Компания двинулась к дому, где было обещано застолье с горячими закусками. Чуть позже в гости ожидался Артем, который весь день бегал по своим журналистским делам.

Дома у Ани, когда все расселись за столом, а Ромку положили спать в кроватку, я решил остаться с ним. Приглушенно слыша разговоры и смех из соседней комнаты, я прилег рядом, чтобы ощутить, каково это — быть ребенком. Я хотел хоть ненадолго почувствовать себя тем, кто радуется потолку и сучит ножками. Лежал и представлял, как ко мне подходит Лера, берет на руки, улыбается мне, а потом садится в кресло и кормит грудью, говоря «Ну какой же ты у нас получился симпатичный ребенок!»

А рядом стоит Артем, смотрит на меня и тоже улыбается по причине своей причастности к такому удачному результату. И еще просто потому, что любит меня.

Ромка быстро заснул. Крестик, подаренный Лерой, поблескивал на его нежной детской коже. Мальчик со своими густыми пушистыми ресничками напоминал маленького ангелочка, и мне подумалось, что, наверное, именно таким был Элиас, когда появился на свет, хотя я никогда не видел ангела-ребенка.

Я никак не мог перестать думать о «неправильном напутствии», которое дал мне Элиас. Раньше страх пересиливал мои желания, но встреча с этим ангелом перевернула мое сознание. Я больше не хотел подчиняться. А еще я категорически не хотел быть подчиненным другого ангела-хранителя, пусть даже он будет самым замечательным из всех ангелов. И я принял решение остаться с Лерой, что бы ни было. И когда подойдет срок, снова попробовать стать ее сыном.

Я больше не хотел встречаться с другими душами и решил, что не вернусь.

Вы слышите?

Н-е-в-е-р-н-у-с-ь!

И меня, как назло, услышали...

Невидимые нити подхватили меня и потянули наверх, точно-точно как произошло в тот день, когда мы с Лерой сказали друг другу «Прощай!» Я пытался сопротивляться, но сопротивляться их силе было невозможно. Мне даже не дали в последний раз увидеть Леру. Последнее, что я слышал — это звук дверного звонка, голос Артема и ее смех.

***

Меня не было на земле два года. Несмотря на то, что полгода мне зачили в трудовой стаж в должности помощника ангела-хранителя, я должен был провести еще двадцать четыре месяца в лечебнице для неприкаянных душ. И при необходимости мне могли продлить срок. Попав сюда и поняв, что это надолго, я часто вспоминал слова Элиаса: «Мысли твои, друг мой, крамоль-

ные, и по головке тебя за это никто не погладит, а дойдет до руководства — сразу вызовут на ковер». Я был слишком неосторожен со своим «Вы слышите?» И зачем только я бросил такой вызов? Не сделай я этого, может, про меня бы все благополучно забыли... Но я сделал.

Время тянулось бесконечно долго. Я бродил по длинным коридорам, постоянно сталкиваясь с другими душами, и совершенно не имел желания ни с кем общаться. От больницы здесь было одно название, ибо это больше напоминало тюрьму. Все мое лечение заключалось в том, что каждые полгода меня вызывал главный врач и пытался оценить степень моей покорности. Видимо, что-то его не устраивало в результатах каких-то дурацких цветочных тестов, которые он проводил, а также в моих ответах, потому что он продлевал и продлевал мне срок пребывания здесь.

Я ненавидел эти стены, ненавидел невидимые нити, что притягивали меня сюда, и уже начал чувствовать, что ненавижу и себя за то, что оказался здесь по собственной глупости. И еще мне было ужасно плохо от того, что я ничего не знал ни о Лере, ни об Артеме. Я вообще ничего ни о ком не знал.

Так пролетело ровно два года. На последнем осмотре я вел себя максимально спокойно, говорил то, что от меня хотели услышать, и заверил, что не собираюсь нарушать никаких общепринятых норм и правил. Даже в мыслях нет! Да, тут же полечу искать себе новых родителей. Да, никакого возврата к прошлому, я вас умоляю, зачем мне это нужно? А... тогда? Тогда был не прав. Ангел попугал.

Я говорил так убедительно, что мне поверили, хотя в тот момент я был просто мелкой лживой душонкой. Мне не оставили другого выхода, кроме этой лжи во спасение. Теперь я спасал самого себя, потому что больше просто не мог здесь находиться. И я невероятно сильно хотел увидеть Леру. Но мне предстояло очень быстро найти себе новых родителей: мне поставили жесткие рамки, и я должен был определиться в кратчайшие сроки хотя бы с мамой, а уж потом сколько угодно ждать будущего зачатия.

Мне вернули старый номер, я снова стал М-04041999. Теперь мне нужно было выбрать маму, с которой процесс будет тянуться медленно-медленно... Желательно из Лериных подруг, чтобы быть ближе к ней. Находясь в заточении, я все продумал.

***

В Петербурге снова наступила весна. Но, несмотря на то, что был уже конец марта, на улице еще оставался тающий лед и большие лужи. Я кружил над домами, вдыхая в себя уличный воздух, который опьянял меня самой мыслью о том, что я наконец-то свободен! Горожане ходили по улицам осторожно, кое-где лежали дощечки — в качестве мостиков через лужи. По одному из таких мостиков женщина переносила на руках прехорошенькую девчущку лет двух в яркой розовой шапочке и такого же цвета курточке. Что-то знакомое в глазах девочки заставило меня остановить свой первый за долгое время полет. К ним, немного прихрамывая, подошел мужчина, поцеловал малышку в щеку, подхватил на руки и стал кружить. Девочка залиисто хохотала и просила «Пап, хочу есе!»

Это был Владимир. Я сразу узнал его: он сильно похудел, но глаза по-прежнему напоминали лик с иконы. Как все изменилось, пока меня не было! Д-16121998 превратилась в дивное создание по имени Любочка с большими папиными глазами и светлыми кудряшками, торчащими из-под шапочки. Я не стал задерживаться, чтобы выяснить, что за женщина рядом с ними. Увидев, как они с Володей при встрече поцеловались в губы, я понял, что она вряд ли просто няня. Я узнаю это позже, после встречи с Лерой, решил я. Ведь они наверняка все еще дружат. Встретив Владимира, я как будто стал ближе к Лере. Вся моя душа горела от ощущения, что я скоро увижу ее. Я летел к ней на всех парах, втайне от самого себя опасаясь лишь одного — что она уже ждет ребенка.

В квартире, которую снимали Лера и Артем, всюю шел ремонт, и какой-то человек в рабочей одежде, испачканной краской, стоял на стремянке и белил потолок. Я заглянул в его ли-

цо — это был не Артем. Тут в домофон позвонили, и мужчина спустился вниз.

— Кто там? — спросил он, сняв трубку.

— Это я, милый, открой, у меня ключи на дне пакета с продуктами, очень сложно доставать, — ответил женский голос.

Я не узнал ее голос. А когда дверь открылась, понял почему. Это была не Лера.

Я летал по всему городу, пытаюсь найти ее. Иногда мне встречалась девушка, чем-то напоминающая образ, в который я был безнадежно влюблен, и я устремлялся за ней, но вскоре понимал, что ошибся. Мои поиски длились очень долго. За эти два года я окончательно потерял энергетическую волну, по которой когда-то нашел Леру в ночном клубе, когда они с Артемом решили пожениться, и теперь моя задача была практически невыполнимой. Я ругал себя за то, что не проследил за Владимиром, — ведь через него я мог бы узнать, где она теперь живет. В самом деле, было наивно надеяться, что за два года все осталось на своих местах, — я же, как никто, знал, как резко многое может измениться.

Я полетел на Литейный и заглянул в окно Володиной комнаты. Там тоже все стало по-другому: за столом сидела незнакомая пожилая женщина и что-то шила. Лериных родителей не оказалось дома. Теряя последнюю надежду, я смотался на Васильевский остров, где раньше жила Маша, но там не было и намека на то, что в квартире есть маленький ребенок. Я мысленно порадовался этому, надеясь, что с Машей все получилось именно так, как предсказал Элиас, ибо я все-таки успел выполнить его последнее задание перед тем, как попасть в лечебницу. Правда, я не стал заморачиваться ни снами, ни знаками, а просто оставил судьбоносный номер на ее кухне. Оранжевый стикер для этой цели я утащил у Леры. Маша постоянно клеила на холодильник стикеры с разной информацией, но у нее были только голубые и желтые.

Совершенно отчаявшись, я пролетел еще несколько улиц и присел на одну из старых питерских крыш. Я смотрел на дом

напротив, на курящего человека, что еле помещался на маленьком балкончике, на солнечные блики, которые играли в стеклах...

От скуки я решил сосчитать окна. Начав с верхнего этажа, я считал справа налево и, дойдя до пятого, с удивлением обнаружил, что оно оранжевого цвета. Остальные окна были снаружи покрашены темной неприметной краской, а это кардинально отличалось от всех. Меня вдруг сильно потянуло к этому окну. Я полетел на его яркий теплый свет, вспомнив подаренную елочку в машине Владимира и то, что в интернет-конференции Лера называла себя Оранжевой. У меня появилась надежда...

Форточка оказалась открыта, и, для того, чтобы проникнуть внутрь, мне даже не пришлось проходить сквозь стекло. За окном оказалась маленькая узкая комната, где все выглядело довольно забавно: батарея, выкрашенная в два цвета — серый и оранжевый — стала полосатой. Труба в серую и оранжевую полоску, что шла от батареи и исчезала в потолке, напоминала длинный тонкий хвост какого-то тропического зверя. На светлых обоях были хаотично наклеены оранжевые геометрические фигуры. Подушка, простыня и одеяло с дивана убраны не были, и моя уверенность в том, что я на правильном пути, крепла с каждой минутой. Под потолком на обоях протянулась длинная, во всю стену, фраза, напечатанная на узкой бумажной полосе: «Перестань выдавать желаемое за действительное!» Это несколько озадачило меня... Может быть, я все же ошибаюсь?

Я стал оглядывать полки с книгами в надежде найти какие-нибудь фотографии. Чего только здесь не было, кроме книг: засушенная трава, глиняный заяц, две фарфоровые солонки, пустые разноцветные бутылочки необычной формы, туалетная вода, какой я никогда у Леры не видел. То там, то сям встречались камешки, явно привезенные с морского побережья. На одно фото я все-таки наткнулся: упитанная девочка лет четырех с бантиком на голове держала в руке мягкую игрушку — такое фото есть у каждого, кто в детстве посещал детский сад. Маленькая Лерочка? Личико малышки очень отдаленно напоминало ее ли-

цо, однако очень многие дети обладают пухлыми щечками и карими глазами, поэтому радоваться было пока рано.

Меня никто нигде не ждал, и еще я ужасно устал от бесконечных поисков. Решив воспользоваться незаправленной постелью, я прилег на подушку и мгновенно уснул, так и не заметив знакомое оранжевое бра над диваном...

***

Пробудился я от того, что в комнате зажегся свет и мужской голос произнес:

— Знаешь, я долго думал и решил, что нам надо пожениться. Выйдешь за меня?

— Шутишь? — недоверчиво ответил женский.

— Зачем «шутишь»? — несколько обиженно отреагировал мужской.

— Да потому что сегодня первое апреля, уже целых десять минут как! — воскликнул женский.

— Раскусила ты меня... — раздосадовано произнес мужской. — Господи, как же невыносимо скучно общаться с людьми с чувством юмора!

— Ну а как ты думал? — ехидно прозвучал женский. — Можем мы и сами шевелить усами.

Я, еще спросонья, первым делом посмотрел за окно. На улице уже стемнело и горел фонарь. Тут на меня стала опускаться чья-то попа в черных джинсах, и, в последнюю секунду выпорхнув из-под нее, я наткнулся на обладательницу женского голоса, и чуть не закричал от радости: это была Лера!!!

Она снова стала рыжей. Экстравагантная короткая стрижка. Похудела, но это ей шло. Я смотрел на нее и не мог насмотреться. Мои чувства не изменились: я безраздельно принадлежал ей всей душой. Я ловил взглядом каждый жест, каждый поворот головы, как будто пытался вобрать в себя всю ее целиком и таким образом компенсировать то, что ее так долго не было рядом.

Часть тела, что чуть не помяла меня, принадлежала Артему. Он тоже изменился, но в противоположном направлении:

прибавил в весе, и с аккуратно постриженной бородой выглядел намного солиднее, чем раньше. Но в мягких серых глазах с прищуром я узнал его прежнего и был очень рад, что Артем все еще рядом с Лерой и мои давние планы родиться похожим на него, наконец, осуществятся.

— Давай пельменей сварим, поедим и спать, я то уже плохо соображаю, — устала страшно. Как же это утомительно — ходить в кино на последний сеанс! — картинно произнесла она.

— Кто варить пойдет? — поинтересовался Артем.

— Я. А то ты опять всех соседей распугаешь. Света в прошлый раз убежала от твоих комплиментов, как ошпаренная.

— Соседи для того и созданы, чтобы их пугать, — со знанием дела заявил он.

— Ну да, — согласилась Лера. — Только жить-то с этими пугаными соседями потом мне, — улыбнулась она и вышла в коридор, взяв из холодильника пачку с пельменями.

Вскоре Лера вернулась, взяла полотенце и снова появилась еще через несколько минут, уже завернутая в него и с помытой головой.

— Не встречал ни одной женщины, которая мылась бы быстрее тебя, — оценил Артем. — И быстрее, чем ты, возвращалась из туалета. Может ты — мужчина? — серьезно-шутливым тоном спросил он.

— Может быть. Кстати, мы можем это немедленно проверить.

— А как же пельмени?

— Если я все-таки окажусь женщиной и мы забудем о времени, Света выключит газ. Она долго не спит.

— Какая полезная соседка, — он притянул жену к себе, бросив полотенце на диван. — Ты меня успокоила.

Я впервые видел Леру совсем без одежды. Странно, но я даже никогда не представлял ее такой, а женская грудь была для меня всего лишь сосудом, откуда ребенок получает необходимое питание. Но тут я понял, что она может быть еще и произведением искусства, ибо то, что я увидел, было, и правда, очень красиво.

— Блин, красиво... — повторил мои мысли Артем, только в менее романтической форме.

— Дык! Даже старенький доктор-гомеопат, у которого я недавно побывала с жалобой на заложенность носа, велел мне раздеться по пояс и советовал выставляться в Эрмитаже! Ты вообще чувствуешь, как тебе несказанно повезло прикоснуться к прекрасному? — глаза Леры смеялись.

— Да-а-а... И главное — бесплатно! — сказал Артем и приник губами к ее груди.

— Нахал, — Лера легонько стукнула его по затылку.

Как же здорово, что они до сих пор вместе! И, как и прежде, заняты тем, на что я всегда стеснялся смотреть. Звуки, доносящиеся из комнаты, пока я был на кухне и наблюдал, как соседка помешивает пельмени, стали более громкими, а финал — гораздо ярче и продолжительнее. Но — странное дело — я почему-то не почувствовал между ними тех чувств, что раньше, и энергетической воронки, в которую меня могло затянуть, не возникло.

— Лер, а с другими тебе было так же хорошо? — вдруг спросил ее муж, одной рукой обнимая ее за обнаженные плечи, а второй продолжая ласкать грудь.

Я уже вернулся в комнату и подслушивал.

— Опять ты за свое...

— А с этим твоим Олегом, психологом, у вас в сексе полная гармония? — продолжал он, не обращая внимания на ее реакцию.

— Артем! — Лера повысила голос.

— И все же хотелось бы знать.

— И все же не хотелось бы об этом говорить, а хотелось бы поесть пельменей, — пытаюсь свести к шутке, ответила она, но тут же добавила: — Ты вроде тоже дома не сидел, однако я к тебе в душу не лезу, да?

— Ты же знаешь, что я от тебя так просто не отстану... — не унимался он.

— Так, Тёма, чего ты хочешь? — такого жесткого тона я ни разу у Леры не слышал. — Ты, кажется, сам ушел, да? Я тебя

не выгоняла, более того — неоднократно предлагала вернуться. Инициатива развода тоже была твоя. Но уговор есть уговор: изначально мы решили, что развод — по первому требованию, прости, что согласилась только с третьего. Теперь, когда мы оба свободные люди, почему ты так уверен, что имеешь право лезть в мою личную жизнь? Я же тебя не держу, хочешь — будь здесь, не хочешь — не будь...

— Я не хочу. Но почему-то здесь, — буркнул он. — Но я могу и уйти! — сказал он с вызовом.

— Знаю — можешь. Наблюдала пару раз. А может, и больше. Устала уже считать, — очень спокойноотреагировала она.

— Ну, я пошел?.. — спросил он с надеждой, что его попросят остаться.

— Если хочешь, иди, — как-то слишком легко согласилась Лера, хотя я видел, что ей на самом деле больно от происходящего. Мне мгновенно передалась эта боль. Я был готов броситься к двери, чтобы остановить Артема, но быстро понял — это бессмысленно. За время, что меня не было рядом, маленькая трещина между ними разрослась до невероятных размеров.

Артем молча натянул трусы, джинсы, носки и футболку и направился к двери, где его ждали ботинки и куртка.

— Погоди, без ключей все равно не откроешь, — Лера накинула халат и вышла проводить бывшего мужа. На кухне соседка как раз выключала газ под пельменями:

— Лер, они разварились. Забыла я, прости, — виновато улыбнулась девушка.

— Спасибо, Светик, это все ерунда, дело житейское, — кивнула ей Лера. — Пельменей так и не поел... — сказала она Артему с сожалением, открывая входную дверь.

— Тебе больше достанется. Я как-нибудь обойдусь, — обиженно ответил он, с видом побитого щенка направляясь к лифту: — Поем в другом месте.

— Поженились в шутку, развелись всерьез, да, Тем? — донеслось ему вслед.

Он не ответил. Лифт проглотил его фигуру и увез вниз. Закрыв дверь за бывшим мужем, Лера присела на корточки и тихонько заплакала.

— Лер, ты чего? — склонилась Света над своей соседкой.

— Чего-чего... Дура я, вот чего! В одну и ту же воду — столько раз!.. — она безнадежно махнула рукой, взяла с плиты полотенцем небольшую кастрюльку с пельменями и понесла в свою комнату.

— Ну, ты это... Не переживай так, перемелется все! — попыталась ободрить ее участливая девушка, комната которой, как оказалось, находилась через стенку. Я проследил, куда она зашла, с мыслью, что, может быть, именно ее стоит «запланировать в мамы». Ибо кто ж еще может быть ближе к Лере, чем соседка?

— Ага, и мука будет, — Лера, открыв плечом дверь, скрылась в комнате.

Я сел на ее открывающее двери плечо и прижался к теплой мокрой щеке. Мне было одновременно и радостно, и грустно.

***

Что случилось за эти два года? Почему они разошлись? Артем очень изменился, в нем чувствовалась бесконечная обида. И кто такой Олег? Я столько пропустил и хотел все знать!

Идея сделать официальной мамой Лерину соседку провалилась сразу. Ночью за стенкой раздался детский плач. Света оказалась матерью-одиночкой: ее дочке накануне исполнился один месяц. Мы не имеем права выбирать в мамы беременную или ту, ребенку которой не исполнилось хотя бы полгода. А так долго ждать я не мог.

Как оказалось, Лера поселилась здесь совсем недавно, — когда Света вернулась из родильного дома. Я узнал об этом, когда она, уложив малышку, заглянула к соседке на чай. Девушки сидели на диване, поставив чашки на табуретку перед собой. Столом Лера обзавестись еще не успела.

— Ты, Света, конечно, героиня. В жизни не забуду, как ты мне сказала «Это же счастье!»

— Когда это я тебе такое сказала? — отхлебнув глоток чая, удивилась соседка.

— Ты не помнишь? Когда въезжала. Ты как раз в коридор вышла, а я в открытую дверь заглянула и на диване дочку твою увидела. Комната малюсенькая, дочка малюсенькая, а ты — счастливая, светишься вся, как имя твое... Я, помню, тогда спросила тебя: «Ты... одна с ребенком?» А ты мне: «Но это же счастье!»

— А... — засмеявшись, вспомнила Света. — Ну да. Так ведь, правда, счастье!

— Не знаю... — с сомнением протянула Лера. — Я бы не решилась. Да я и не решилась...

— Аборт сделала?

Лера кивнула.

— Я бы ни за что не сделала, — сказала Света, в ее голосе звучало осуждение.

— Так ты и не сделала, — грустно улыбнулась Лера. — Да и я не собиралась. Но я трусиха. Правда, тогда сказала себе, что больше никогда, что бы ни было. Прямо поклялась себе, когда поняла, как это больно. Не физически, конечно. Теперь вообще боюсь, что детей не будет. По женской части проблемы какие-то начались, цикл скачет страшно.

— Так сходи к врачу! УЗИ сделай, анализы сдай.

— Да надо... Времени не найти, все время дела мешают.

— Здоровье дороже.

— Золотые слова! — рассмеялась Лера, глядя на серьезное лицо Светы. — Срочно улыбнись! — приказала она ей, — а то у меня уже ощущение, что я какой-то монстр. Уже жалею, что рассказала тебе.

— Да нет, ты не монстр, просто оступилась. В следующий раз будешь умнее, — Света явно была серьезной и правильной девушкой. — Ребеночка только жалко...

— Слушай, а что, Сонин отец совсем-совсем не помогает? — Лера попыталась свернуть с болезненной темы.

— Не-а, ни один не помогает, — ответила соседка.

— То есть как это — ни один? — сделав большие глаза, удивленно спросила Лера. — Их что, два, что ли?

— Ну, я сначала думала, что один, а потом вспомнила, что это могло случиться и днем раньше... Тогда, выходит, два. Не знаю точно, кто именно, — рассмеялась Света.

— Ну ты, мать, даешь!.. И оба — Бунши? — процитировала Лера.

— Оба, — расхохоталась та.

— Я бы сняла перед тобой шляпу, если б она у меня была. Надо же, а на вид такая скромная девушка... — она была ошарашена.

— Внешность обманчива, — хихикнула соседка. — Видишь, какая я хитрая оказалась.

— Вижу-вижу, одна с маленьким ребенком в комнате 10 метров... Всех перехитрила!

— Ну так найди мне кого-нибудь!

— Да я уже одной подруге нашла... С тех пор завязала находить.

— Что, какого-то морального уroda нашла?

— Нет, замечательного человека, моего лучшего друга. Только из-за этого ее теперь в живых нет. Муж из ревности убил. Стрелял в обоих, но Вовка выжил. Оля беременная была, вот-вот рожать. Ребенка удалось спасти, девочке два годика сейчас.

— Ужас какой. А муж сидит?

— Лежит. В могиле. Застрелился на месте преступления.

— Слушай, как в кино... Даже не знала, что такое на самом деле бывает. Нет уж, лучше одной, — Света была в шоке.

— Иногда и я так же думаю. Да мне все нейдет... —

— А что к тебе Олег перестал приходить, — расстались, что ли? — поинтересовалась соседка.

— Расстались. Встретила опять бывшего мужа, и понеслось, — Лера кивнула в сторону двери. Я весь обратился в слух. — Это у нас уже третий раз после развода. Находим повод увидеться, одной встречи не хватает, радуемся общению недели две-три,

а потом начинается взаимный вынос мозга. Мне почему-то достается больше, — с грустью усмехнулась она.

— А развелись из-за чего? — любопытствовала Света.

— О, тут в двух словах не расскажешь...

— Расскажи в трех, — засмеялась она.

— Слишком много знал о тех, с кем встречалась до него. Думал-думал и накрутил черт знает чего.

— А откуда узнал?

— Спросил. Рассказала.

— Ну и дура.

— Знаю, что дура.

— Никогда ничего нельзя мужикам рассказывать.

— Я так не могу: меня спрашивают — я отвечаю. Моя бабушка говорит, что на войне мне цены бы не было — «языком», — расхохоталась Валерия. — Артем, кстати, как и ты, противник абортотв. И, когда узнал о моем, сказал, что ему меня жаль. Но ты бы слышала, как он это сказал! Снисходительно так, будто я таракан, а он надо мной тапок заносит и последнее, что я слышу: «Эх... жаль мне тебя...»

— И прямо вот из-за того, что знал о тебе, подал на развод?

— Да я уже и сама не понимаю из-за чего. Наверное, я просто не дотягивала до его утонченной натуры, прямая слишком: вела себя неправильно, говорила не то... А потом он еще видеокассету нашел, где мы целуемся с моим бывшим. Собрал вещи и уехал к маме, пока я в отъезде была. А до этого еще прочел мой личный дневник, малоприятных комментариев понаписал на полях...

— Погоди... Но все же до него было!

— Так именно, что до него! А его это угнетало. Сказал, раз ты кассету хранишь, значит тебе это дорого, велел уничтожить.

— А ты? — Света как будто смотрела захватывающий сериал.

— Можем вместе посмотреть, если интересно, вон она — на верхней полке стоит, — Лера показала рукой, где именно.

— Не послушалась, значит, мужа... — ее все это явно забавляло.

— Не-а, не послушалась, — помотала головой ее новая соседка. — Сказала, что это кусок моей жизни, — и, если я ее уничтожу, что же тогда буду смотреть на пенсии, чтобы вспоминать, какая была молодая и красивая? Ведь свадебное видео он стер...

— Лерка, молоток! — Света протянула ей руку для рукопожатия. — Я бы тоже, наверное, оставила кассету. Жалко!..

— Конечно, жалко! Да и, в конце концов, там же не порнография какая-нибудь, а совершенно невинный поцелуй! И вообще не только он, еще прогулка по Летнему саду и всякое другое...

— А свадебное видео он зачем стер?

— Наверное, не хотел оставлять материальных воспоминаний о свадьбе, о которой не любил вспоминать.

— Мда... Тяжелый случай... А зачем ты вообще встречаешься с бывшим мужем? — с недоумением поинтересовалась Света. — Мне твой Олег нравится, спокойный такой, красивый мужик! А этот... невнятный какой-то, еще и с тараканами... Зачем тебе нужны эти регулярные «мозговые травмы»?

— Тянет. Не знаю, почему, но тянет со страшной силой, — Лера допила чай и поставила пустую чашку на табуретку. — Причем обоих, стоит только раз увидеться. А вскоре мы начинаем друг друга раздражать. Мне иногда кажется, что нам надо просто заниматься сексом и — по домам. И лучше молча. Потому что, как только мы начинаем разговаривать, сыплются взаимные упреки: он атакует — я не могу не реагировать... И в итоге все летит в тартарары.

— Ох, не знаю, Лерик, — Света тоже сделала последний глоток, — у меня такого не было, судить не могу. По-моему, ты просто теряешь время. А могла бы найти себе нормального мужика и родить ребенка. Ты, кстати, ребенка-то вообще хочешь?

Я замер.

— Хоч, — уверенно ответила Лера. — Мы с Олегом это обсуждали не раз, даже думали квартиру снять, пожениться и ребенка родить. Он о сыне мечтает, имя уже придумал — Григорий. И тут в моей жизни опять, как назло, появился Артем... Не хотелось никому врать, вот и рассталась с Олегом.

— Жалко... Может, еще помириться?

Слетев с карниза, я сел на табуретку, где стояли чашки, и переводил взгляд то на одну девушку, то на другую, в зависимости от того, чья была реплика.

— Так и не ссорились вроде, просто стыдно очень перед ним, — вздохнула Лера. — Он хороший парень, а тут я со своей «тараканной» любовью. Вот сидит в голове такой дурной влюбленный таракан, — она легонько стукнула себя по лбу ладонью, — и при виде родственного объекта — на тебе! — выползает... Я ведь и Олега тоже люблю, просто по-другому. Не так давно полгода отметили как мы вместе, и тут я сделала финт ушами. Ненавижу себя за это...

— А ты его откуда знаешь, как вы познакомились?

— Олега? Он мой одноклассник. Мы случайно встретились в прошлом году в летнем кафе на Петроградке, потом поехали в свой район на Дыбенко — дома-то наши рядом, в одной ведь школе учились. Зашли в соседнюю высотку с черного входа на самый последний этаж, на утренний город полюбоваться с высоты птичьего полета. Он курил, и я вдруг увидела надпись маркером «Я искала тебя» — песня так называется у Земфиры, одна из моих любимых. А он рядом стоял, так, как будто о нем написано, и мне вдруг стукнуло: это знак. Подумала: не случайно все, это — Он.

— А чем он занимается? — продолжала допытываться Света.

— Начинаящий психолог. Не так давно устроился консультантом в реабилитационный центр где-то в пригороде, с алкоголиками и наркоманами работает. Вот только мне до сих пор не смог помочь, наверное, потому что я к ним не отношусь, — она рассмеялась. — Я не его пациент, вот он и реагирует на все как простой смертный, а вовсе не как психолог. А жаль. Провел бы курс психотерапии, прописал бы каких-нибудь пилюль против бывшего мужа, и жили бы мы долго и счастливо! — заключила Лера.

— Да... Как у тебя все лихо закручено!.. — выдохнула Света.

— У тебя тоже интересная коллизия, — парировала ее соседка.

— А тот, от которого ребенок мог бы родиться... что с ним сейчас? — не унималась мама девочки Сони, утоляя информационный голод, мучивший ее в четырех стенах.

— Я ничего о нем не знаю, да и не хочу. Отболело уже. До-о-олго колбасило! Пыталась сама себя за косичку, как Мюнхгаузен, вытащить, отвлечься — ничего не помогало. Замуж тогда ведь и вышла: думала, начнется совсем новая жизнь и перестану эту боль чувствовать, но только хуже сделала, причем не только себе... И все это продолжалось, пока не стала крестной одного мальчика. И, знаешь, так странно, — в тот самый день меня как отпустило! А до этого очень тошно было, как будто он все время рядом был, мой ребенок.

Я не мог верить в то, что слышал. Получается, Лере было плохо из-за моего присутствия?! Мне захотелось ударить себя. Выходит, не зря наш департамент запрещает душе ребенка навещать ту, по чьей вине он не родился?.. Быть может, они думают не только о нас? И, если это так, получается, что с моим появлением Лере снова станет грустно? Я этого не хотел.

— А, может, и был... — сказала Света. — В смысле, его душа была. Я в такое верю.

Я с уважением посмотрел на нее.

— На самом деле у меня аж трое детей! — вдруг, улыбнувшись, сказала Лера. — Только они все крестные: два мальчика и девочка — Петр, Роман и Любовь. Ты гляди, какое красивое сочетание получилось: роман и любовь... — неожиданно заметила она.

— Ну вот, знак! — Света ободряюще похлопала ее по плечу, что напомнило мне последнюю встречу с Элиасом и его дружеское похлопывание по моей «коленке». — Надо по любви завести четвертого, своего. Мой тебе совет: помирись с Олегом, не плохой ведь мужик...

— Простит ли... — грустно усмехнулась Лера.

— Если любит — простит! — уверенно сказала мудрая девушка и поднялась с дивана, услышав, как за стенкой захныкала ее дочка. — Я буду за тебя кулаки держать.

— Хорошо, держи, — настроение у нее явно улучшилось. — Попытаюсь. Не хочу, чтобы между нами все так закончилось. И ты это... забудь, что я тебе тут наплела, считай это первоапрельской шуткой, — подмигнула ей она.

— Длинная какая получилась шутка, — улыbnулась соседка.

— Краткость не всегда сестра таланта! — важно заключила Лера.

Света ушла к себе, и мы остались в комнате вдвоем. Я зарылся в ее рыжие, приятно пахнущие шампунем, такие родные волосы. Лера почесала затылок, будто снова что-то ощутила, как тогда, когда я впервые увидел ее. Я чувствовал себя в теплом оранжевом океане, который качает меня на своих волнах. Мне стало так хорошо, что я забыл обо всем на свете, пока не почувствовал свет от включенного монитора.

***

Лера снова полезла в свою любимую интернет-конференцию. Услышав громкое «Ничего себе!», я тут же бросился читать то, что ее так удивило: «Оранжевая, я знаю, ты регулярно сюда заходишь и обязательно увидишь мое сообщение. Я хочу публично признаться в том, что за эти две недели понял, что по-настоящему люблю. И — не смейся там! (рядом стоял смайлик) — люблю именно тебя. Мне тяжело думать о том, что все наши планы на совместную жизнь может разрушить человек, с которым у тебя, как ты мне сама сказала, «трехнедельные отношения непреодолимой силы». Половину этого срока я искал в себе силы это понять и принять, а также мужество — простить. И, кажется, у меня получилось! Фиговый я, конечно, психолог, но я ведь не волшебник, а только учусь, прости и ты меня за это. Тебе, похоже, везет на ревнивых мужчин, но я работаю над собой и обещаю в кратчайшие сроки изобрести какое-нибудь лекарство «для преодоления непреодолимой силы». Предлагаю встретиться в воскресенье на нашем месте в 20.00 и обсудить компоненты.

P.S. Ни в коем случае не подумай, что это шутка. Просто совпало».

Дата и время сообщения: 01.04.2002. 03.18, автор — Психолог-неудачник. Под сообщением был один комментарий: «Респект!» от Потапия — автора давнего сообщения про костюмчик.

Лера встала и возбужденно заходила по своей узкой комнате из конца в конец, приговаривая «Надо же!» и «Ну дает!», — настолько радостно взволнованной я видел ее не так часто. Мне уже не терпелось увидеть «Психолога-неудачника».

«Нашим местом» оказалась набережная рядом с Биржевым мостом на Петроградской стороне. Здесь, как я понял, и находилось летом то самое кафе, где состоялась, быть может, неслучайная встреча двух бывших одноклассников. Еще издали я увидел высокую фигуру в черном. Надо же, удивился я, как этот Олег любит черный цвет: и кепка, и шарф, и куртка, и джинсы, и ботинки — черной была абсолютно вся его одежда. Психолог-неудачник оказался по-настоящему красивым статным мужчиной. Было в нем что-то монументальное. Серые глаза смотрели пронизательно, как и подобает глазам психолога. Не могу сказать, чтобы Олег мне сразу понравился, но такой антипатии, как к Виктору, я не испытал.

— Привет, Олежка, — подошла к нему с немного виноватым видом Лера. Мне стало смешно: ничего себе «Олежка» — какой-то монах в черных штанах...

— Здравствуй, Солнце! Рад, что ты вовремя прочитала мое сообщение, а то бы мерз тут, как дурак, до ночи.

— Неужели до ночи меня тут ждал бы?

— Ну, я же не знал, когда именно ты его прочтешь. Ждал бы, да.

— Какого верного поклонника послала мне судьба, а я, балда, все мечусь...

— Эту тему мы закроем, не открывая, хорошо? — очень мягко сказал он, но в его взгляде я почувствовал холод.

— А как же обсуждение компонентов пилюль для преодоления непреодолимой силы?

— Я решил сделать их сам, — улыбнулся Черный и притянул Леру к себе для поцелуя, — когда буду в полной тишине

и одиночестве. А сейчас давай в какую-нибудь кафешку сходим, я сегодня зарплату получил, хочу тебя угостить.

— Ну что, дело хорошее. Ты же знаешь — против походов в кафешки я никогда ничего не имела, — она с радостью ответила на поцелуй.

Они еще полчаса стояли на набережной, разговаривали и целовались, а я смотрел на старинный корабль на приколе. Удивительный какой корабль, думал я. Вот бы сесть на него и уплыть далеко-далеко, где никто не смог бы меня контролировать и мы с Лерой были бы только вдвоем, — я совсем размялся. Ну, или втроем, — я недоверчиво покосился на Черного. С ним, что ли? Не знаю... надо сначала присмотреться. Какой-то он... странный. Но, похоже, действительно любит Леру, да и она относится к нему с душой, но... Было какое-то «но», а какое именно, я не понимал.

Они зашли в маленькое кафе в подвальчике неподалеку, заказали пиво, орешки и что-то горячее. Под курткой у Олега оказалась черная рубашка. Безнадега какая-то, вздохнул я. Лера, в отличие от него, была одета в полное разноцветье: оранжевые шапка и шарф, пестрая куртка, под ней — полосатая кофта всех цветов радуги и штаны в черно-красно-белую клетку.

— Знаешь, а мы с моей подругой Настей в Чехию на неделю летом едем. А в эту субботу собрались с Вовкой с парашютом прыгать, давно собирались, уже года два, если не больше, — рассказывала Олегу Лера, пока они ждали заказ.

— Ого, сколько новостей! — мучительно пытаюсь разгрызть фисташку, сказал он. — С парашютом я, если ты не против, к вам присоединюсь, тоже всегда хотел. А в Чехию куда? И что за Настя, почему не знаю?

— В Прагу, в Карловы Вары, в Кутну гору, в Чешский Крумлов, еще куда-то, — весь маршрут пока не запомнила. Настю давно пора куда-нибудь вывезти: сидит дома, как мешок с пылью, никуда не ездит, никуда не ходит. Я еле уговорила ее поехать. Кому расскажи — девице двадцать пять лет, ни разу даже не целовалась!

— Ого! — присвистнул он, сделав большой глоток пива. — А такое в наше время еще бывает?

Я тоже присвистнул. Вот! Вот он — идеальный вариант для подставной мамы! Мне нужно как можно быстрее увидеть эту Настю и отправить в нашу «душную» канцелярию информацию, что я определился. И тогда можно спокойно, без ограничения во времени, делать все, что захочется. Главное, чтобы они были уверены: я терпеливо жду, пока моя мама встретит и полюбит достойного человека, и прикладываю к этому все усилия. От радостного возбуждения я стал нарезать круги вокруг Лериного бокала с пивом.

— Как видишь, бывает, — ответила Лера, продолжая рассказ о своей несовременной подруге. — Она работает в библиотеке, страшно нерешительная, несмотря на то, что довольно симпатичная и даже похожа на куклу Барби — ноги просто длиннющие! И, несмотря на это, все время во всем сомневается, прямо куста боится... Вот я и хочу расширить для нее мир: вдруг ее по дороге кто-нибудь полюбит, — рассмеялась она. — А уж дальше я помогу ему связать Настю ради первого поцелуя... Там, глядишь, ей понравится, и мы ее развяжем, — расхохоталась она. — Главное — начать! — в слове «начать» она нарочно сделала ударение на первый слог. — В общем, завтра мы с ней идем в турфирму оплачивать путевки.

— Вечно ты в заботах о своих подругах, — как будто с легкой ревностью произнес Черный. — А с вами нельзя?

— А разве у тебя есть отпуск? Ты же вроде на работу совсем недавно устроился.

— Отпуска нет... — грустно вздохнул он.

— Мы с тобой в день моего приезда на концерт Земфиры пойдем в Ледовый дворец, наша газета — информационный спонсор, билеты халявные будут, — она погладила его по руке. — Не расстраивайся, пожалуйста, поездка же всего на неделю. Надеюсь, ты не будешь ревновать меня к Насте?

— К Насте — не буду. А что если «кто-нибудь» по дороге полюбит не ее, а тебя?

— Ну что-о-о ты... — деланно произнесла она. — Рядом с Настей моя красота меркнет! Такие ноги, куда мне до нее!

— Главное — не ноги, а харизма, а у тебя ее в избытке, — со знанием дела заявил Черный.

— Кстати, — вдруг сказала Лера, — хочешь, подскажу надежный способ сделать так, чтобы мужчины перестали обращать на меня внимание?

Олег с интересом вопросительно смотрел на Леру.

— Нужно сделать меня беременной! — рассмеялась она. — Тогда все мои мысли будут только о будущем материнстве, и флюиды, притягивающие противоположный пол, значительно ослабеют.

— А мысль не лишена... — улыбнулся Психолог-неудачник. — Могу хоть сегодня вечером!

— Сегодня, увы, не получится, по техническим причинам. Но дней через десять вполне можно попробовать, — сказала Лера.

— Договорились, — будущие родители со смехом пожали друг другу руки.

Я был озадачен. Значит, моим папой станет Черный? Хмм... Черный папа... Я очень смутно представлял его в этой роли. Заглянув в его глаза, я ничего не понял. Посмотрел на его руки: надо же, какие у него пальцы — длинные и тонкие, как у пианиста. Хочу ли я, чтобы эти руки держали меня?.. Не уверен. Олег не вызвал во мне теплых чувств, из них двоих я однозначно любил только Леру. Жаль, что у нее все так получилось с Артемом... Какая же загадочная сила непреодолимо тянула их друг к другу, и что так быстро отталкивало? Я мог лишь предположить, быть может, судьбе угодно, чтобы у них был общий ребенок?.. Но что до сих пор мешало ему родиться? А что если их ребенком должен стать именно я, но мы разошлись во времени?.. Спросить об этом я не мог, ибо сразу бы нарвался на встречный вопрос, зачем я этим интересуюсь, если Лера для меня — табу.

И я решил положиться на волю воздушных волн и плыть по течению их потока. Я ведь хочу, чтобы именно Лера стала моей

мамой? Да, да и еще раз да! Тогда какая мне разница, благодаря кому произойдет зачатие?..

Будь что будет, решил я. Нужно лишь быстрее познакомиться с «последней в мире» 25-летней девственницей по имени Настя и отправить наверх ее данные. И еще слетать к своим, рассказать, что я нашел себе новую маму, и отпраздновать это событие, станцевав со всеми наш традиционный танец. Да, пожалуй, так будет убедительнее.

***

Настя оказалась симпатичной высокой особой с пепельными волосами, которые она с помощью резинки убирала в хвост. Она действительно напоминала куклу Барби и даже была похоже одета: узкие джинсы и розовый в обтяжку свитер. Но у Барби был Кэн, а у Насти Кэна не было. Но зато у Барби не было очков в изящной оправе, какие были у Насти.

— Привет, Насть, чего опаздываешь? Пойдем быстрее, я уже с утра позвонила в турфирму и обо всем договорилась, нас ждут, — Лера еле дождалась подругу на выходе из метро «Чернышевская».

— Я вот все сомневаюсь, ехать, не ехать... Лера, я же никогда не летала на самолете! — за то время, пока Настя произнесла эти два предложения, Лера сказала бы пять.

— Значит, это будет твой дебют! — она потянула девушку за руку.

— Ну, не знаю... Я вообще ни разу не была за границей, как-то боязно, я же не знаю английского... И еще у меня нет загранпаспорта, — продолжала та искать причины отказать.

— Значит, побываешь! Английский знаю я, а мы постоянно будем вместе — обещаю, — упрямо твердила Лера, крепко держа ее руку. — Кстати, в Чехии и на русском тебя прекрасно поймут. Паспорт тебе оформят в турфирме, времени еще вагон. Это же надо же — дожить до 25 лет и не иметь загранпаспорта! Я уже не говорю обо всем остальном, что ты еще не успела!..

— Как у тебя все легко... — вздохнула Настя и покорно пошла за ней.

Да, это точно был идеальный вариант. С Настиным подходом к жизни, забронировав ее себе в мамы, я мог надолго расслабиться. Да еще полететь вместе с ней и Лерой в Чехию, что было бы здорово, ведь я раньше никогда не бывал в других странах.

Выяснив из анкеты Настину фамилию, я оставил их в турфирме оформлять путевки, а сам полетел к своим. От радости, как я все здорово придумал, на душе у меня было легко-легко! Теперь они от меня отстанут, и я буду совершенно свободен. От нахлынувшего счастья мне даже захотелось петь. Но я сдержался.

Первым делом я сообщил о принятом решении вышестоящим, чем вызвал их похвалу за оперативность. Затем, согласно своему плану, полетел к «коллегам». Души, знавшие о моей печальной истории, окружили меня и потребовали подробностей. Какими глупыми они мне казались! Особенно души девочек. Они постоянно щебетали, шушукались и хихикали над какими-то сплетнями. Одарив любопытных минимумом информации, я уже собрался лететь, но две будущих девочки догнали меня.

— Мир! — крикнула одна из них. — Эй, ты что, не слышишь? Мир!

Я вздрогнул и обернулся. Откуда она знает мое имя помощника ангела?

— Ты ведь Мир? — поравнялась со мной она.

— Был до недавних пор... — осторожно ответил я.

— Тебе передавал большой привет М-09071999!

Машин сын? Так он же почти два года как должен был родиться... Я напрягся, в ожидании услышать самое худшее.

— Он родился!

Уфф... Меня сразу отпустило.

— Я случайно оказалась рядом, потому что моя будущая мама — акушер-гинеколог, — продолжала она. — Я познакоми-

лась с М-09071999 как раз когда она принимала роды у его мамы. И он очень просил меня, если я увижу душу по имени Мир, передать привет и огромное спасибо за жизнь.

— А ты что-нибудь знаешь о том, что стало с ребенком?

— Нет, просто видела, что родился здоровенький мальчик с темными волосиками.

— Отличная новость! — я был очень рад узнать об этом. — Спасибо, что сказала.

— Удачи тебе с твоей Настей! Пусть на этот раз все получится! — пожелала мне она.

— А ты хорошо знаешь Валерию, подругу Насти? — встряла в наш разговор душа ее подруги. У нее был очень звонкий голосок.

— Мне очень нравится Олег. Как думаешь, стоит взять ее в мамы?

Я похолодел.

— Знаю столько же, сколько Настю. В мамы, думаю, не надо, я слышал, у нее серьезные проблемы с зачатием. Она как раз недавно рассказывала об этом моей , — сочинил я на ходу.

— Жалко... Олег ее так любит! Может, она займется своим здоровьем и все наладится?.. — с надеждой сказала она. — Давай знакомиться, Я — Д-15012002.

По номеру мне сразу стало понятно, что это совсем молодая и наивная душа. Я постарался быстрее закончить разговор и полетел прочь, думая о том, как же все-таки надоедливы будущие девочки.

***

Теперь я все время проводил с Лерой: провожал на работу, сидел на ее мониторе в офисе, наблюдал, как она обедает в кафе в компании коллег и вместе с ней побывал на дне рождения ее крестника Ромки, который за это время превратился в забавного трехлетнего малыша. Вместе с Лерой мы ходили в кино на фильм «Куда приводят мечты», в котором — это удивительно! — люди очень похоже изобразили место, где собираются

души, и правдиво рассказали о том, что они могут представлять друг друга такими, какими им хочется.

Лера, вняв совету Светы, все же отправилась к врачу. Вновь увидеть голубоглазого профессора я был даже рад. Ни он сам, ни окружающая обстановка ничуть не изменились: он все с той же милой улыбкой встретил Леру в своем кабинете.

— Здравствуйте, Сергей Александрович, вы меня помните?

— Помню, милая, конечно, помню, — ответил он, взглянув на нее и дописывая что-то в карточке предыдущей пациентки. — Танюша, найди мне карточку... — попросил он медсестру и вопросительно посмотрел на Леру.

— Воробьева, — громко сказала она медсестре, улыбнувшись маленькой хитрости своего любимого доктора. — Валерия.

— Что беспокоит, Валерия? Давай, рассказывай.

— Да вот, наконец-то встретила человека, с которым хотим завести ребенка, а с организмом творится что-то странное: критических дней иногда полгода нет... Очень не хотелось бы проблем с зачатием. Решила прийти к вам обследоваться, вы же для меня уже как семейный доктор, — с нежностью заключила она, — хоть семья моя пока и состоит всего из одного человека. Но потенциал большой! — пошутила она.

— Молодец, молодец, все правильно делаешь, — ему явно было приятно слышать ее слова. — Перед таким важным шагом всегда лучше посетить врача. Беги на кресло, я тебя посмотрю.

Я отвернулся к окну и стал смотреть во двор, где на детской площадке у соседнего дома играли дети. Мне казалось, что с Лерой все должно быть в порядке и ей сейчас сообщат, что она совершенно зря волнуется. Но этого не произошло, — доктор взял мазки и отправил ее на УЗИ.

Мы снова находились в таком же кабинете, в каком она побывала со мной два с половиной года назад. Но на этот раз радости на лице Леры не было.

— Что-то не так? — спросила она врача-диагноста, которая водила ей прибором внизу живота.

— Похоже на склерокистоз яичников, — не прерывая процесса, ответила та.

— Что это значит? У меня не будет детей? — я прикоснулся к ее руке, — она была совершенно холодной. Через нее я почувствовал ужас, сковавший Леру в ожидании «приговора».

— Нет, почему, дети будут, — ответила та таким тоном, как будто просто не хотела огорчать пациентку, — но не в ближайшее время. С такой проблемой обычно около года сначала лечатся, на все гормоны анализ обязательно надо сначала сдать... А через год — на контроль.

Из кабинета Лера вышла в полной прострации, держа в руке бумажку с заключением специалиста. Профессор, увидев диагноз, подтвердил ей все, что она уже слышала, и, заметив ее потерянный вид, попытался утешить свою давнюю пациентку:

— Да не переживай, Валерия, это лечится! Все непременно будет хорошо! Будет у тебя ребенок. Может, не так быстро, как тебе хочется, но обязательно будет!.. А вообще, — неожиданно добавил он, — не всегда медицина отвечает за эти вопросы. Детей посылают оттуда, — и он поднял указательный палец к потолку. — Так что...

— Я поняла, — грустно улыбнулась Лера. — Надо надеяться на чудо, — и она тоже показала пальцем наверх.

— Ну перестань!.. Не так страшен черт, как его малюют. Летом отдыхай, набирайся сил, а в сентябре придешь ко мне, сдадим анализы, пролечимся, и все будет в порядке!

— Спасибо, Сергей Александрович, за то, что вы есть, — вздохнула Лера и, попрощавшись с профессором, вышла из кабинета.

Вот это да! — подумал я. Выходит, я, сам того не зная, сказал Д-15012002 правду? Получается, мне нужно ждать год. Я ждал дольше, и еще один год совершенно не сыграл бы никакой роли в принятом мною решении. А Настя была гарантом стабильности моего положения.

Вечером Лера со Светой снова вместе чаевничали, и та посоветовала соседке ничего пока не сообщать Олегу о диагнозе:

— Расстроится парень, а может, это вообще ошибка... Сначала попробуйте, вдруг все получится и без лечения?..

***

На воскресенье у Леры был запланирован прыжок с парашютом в компании Владимира и Олега. Друзья договорились встретиться в десять утра у станции метро «Московская». Выбравшись на поверхность из нелюбимой подземки, я вдруг все здесь узнал: именно отсюда мы шли на крестины Ромки в тот день, когда меня забрали наверх. На этот раз мы собирались отправиться в Гатчину, где после двухчасового инструктажа любой желающий мог прыгнуть вниз с высоты восемьсот метров.

Мы с Лерой приехали раньше всех. Володя позвонил и сказал, что уже подъехал к метро и ждет в машине. Начинающий психолог опаздывал. Он появился в 10.15 не один: его спутник, весьма упитанный брюнет с творчески длинной прической, выглядел старше Олега лет на десять и имел немного потеранный вид. Увидев его, я вздрогнул: этот человек был двойником Элиаса! Сходство было просто поразительное! Я даже дважды облетел вокруг него, чтобы убедиться, нет ли у него под одеждой сложенных крыльев.

— Лера, познакомься, это Илья. Мы вместе работаем. Он тоже хочет прыгнуть с нами.

— Здравствуйте, Илья, — протянула ему руку Лера.

— Извините, Лера, за опоздание, это произошло из-за меня. Я слишком долго искал вчерашний день, а без него я мерзну, — Илья, похоже, обладал врожденной галантностью и весьма не-обычным чувством юмора.

Я все еще не мог прийти в себя от удивительного сходства Ильи с Элиасом, — даже голос похож!.. Но ведь это не может быть Элиас... Прошло столько времени! Да и люди с потерей памяти наверняка должны находиться в больнице, а не разгуливать по улицам с намерением прыгать с парашютом.

— Давайте пойдем, нас Вовка в машине уже заждался, — потянула Лера Черного за рукав.

Они подошли к давно знакомым мне жигулям. Володя вышел из машины, чтобы соблюсти традицию мужских рукопожатий.

— Владимир — Илья, — познакомила их Лера.

Когда они пожали друг другу руки. Илья вдруг повел себя странно: он не отпускал руку Володи и очень пристально смотрел ему в лицо.

— А вы меня раньше нигде не видели? — спросил он, наконец отпустив ее.

Володя с недоумением взглянул на Леру, как будто ждал, что та ответит за него, но она только удивленно пожала плечами.

— Да вроде нет, — ответил он после паузы. — Вот это вопрос! Илья, это вы так шутите? Я просто не сразу понял, — и Володя немного напряженно засмеялся.

— Нет-нет, он не шутит, — вмешался в разговор Олег. — Просто у Ильи ретроградная амнезия — полная потеря памяти. Мы познакомились месяц назад в реабилитационном центре, где я консультирую, а он помогает как волонтер.

— Простите, меня, ради Бога, если я вас испугал, — обратился Илья к Володе. — Просто при виде вас передо мной вдруг возникла картина, будто мы с вами вместе были на войне.

— На войне? — встряла в разговор Лера. — Ничего себе! А что именно вы увидели? — ее разбирало любопытство.

— Увидел, как Володя лежит на земле в крови и рядом еще какие-то раненые люди... Может, это воспоминание из прошлой жизни, в которой я, вероятно, был медсестрой во время Великой Отечественной?.. — он засмеялся, вопросительно глядя на Черного. — Я совершенно запутался, ребята. Простите, Владимир, простите меня еще раз. Олег, как такое может быть? — обратился он к другу-психологу.

— Наверное, Володя просто напомнил тебе кого-то, кого ты раньше знал, но забыл. Вот если бы он тебя помнил, то сейчас мы могли бы распутать твою историю, — здраво рассудил Олег. — Но, как я понял, он тебя не знает. Верно, Володя?

— Не припомню, чтобы мы были знакомы, — подтвердил тот. — Хотя ситуация, похожая на ту, что вы описали, в моей жизни два года назад была, и с тех пор я немного хромаю. Но это была не война, а всего лишь сражение, и оружие было только у одного участника. Вас там точно не было. Вы меня тоже простите, что не смог помочь, — он сел за руль и повернул ключ зажигания. Я видел, как Владимиру тяжело от внезапно нахлынувших воспоминаний.

Во время разговора Владимира и Ильи я никак не мог прийти в себя. Милый, милый Элиас, ты вернулся! Как бы тебя сейчас ни звали, ты для меня всегда останешься ангелом-хранителем, который перевернул мою жизнь. Когда все сели в машину, я прижался к его груди и ощутил, что совершенно счастлив: мои любимые люди были рядом!

Лера и Илья сидели сзади. Всю дорогу она болтала, не переставая. Как выяснилось, в прошлом году во время поездки в Геленджик она уже успела полетать с парашютом:

— Там есть такой аттракцион: на берегу привязывают уже раскрытый парашют одним концом веревки к человеку, а другим — к лодке. Лодка отъезжает, стропы натягиваются и — опля! — ты уже в небе. Лодка едет медленнее — летишь ниже, меня так чуть в воду не макнули. И — что самое интересное — я совершенно не помню момент между тем, как я была на берегу и как очутилась в воздухе. Видимо, организм удалил стрессовый момент из памяти. Эх, жаль, что невозможно сделать так со всеми событиями, которые хотелось бы забыть. Я бы непременно воспользовалась. Как в фильме «Люди в черном» — шелк, и нету. Будто и не было. Ой, Илья, извините, ради Бога, я, как всегда, ляпнула, не подумав...

— Ну что вы, Лера, все нормально! — он похлопал ее по колену, как когда-то меня в день нашей последней встречи. — Мне бы тоже хотелось иметь такой прибор, но чтобы он был перепрограммирован на восстановление событий. Неважно, каких. Просто ужасно хочется вспомнить, кто я и откуда.

Я пересел к нему на плечо:

— Вы ангел! — прокричал я в его ухо, зная, что он все равно меня не услышит. Я просто хотел хотя бы попытаться... — Но у вас забрали крылья и стерли память!

— Что-то уши заложило, как в полете, — сказал вдруг он. — Какая скорость, Владимир?

— Не превышаю, — лаконично ответил мой потенциальный крестный. — Вы прямо как инспектор ГИБДД, Илья. Такие вопросы задаете... — шутка Володи попала точно в цель, но он так и не узнал его.

— А что, Илья, вы прямо вот так совсем-совсем ничего не помните? — не отставала Лера.

— К сожалению, нет. Вот только раза три встречал на улице людей, которых будто бы раньше видел, но все они от меня шарахались. Видимо, внешность моя слишком выдающаяся, — он выпятил грудь вперед и откинул со лба прядь черных волос: — Не располагает людей к разговорам. А может, думают, что наркоман, раз вопросы такие странные задает... Я ещесны постоянно вижу, как будто летаю, — добавил он. — Очень интересные сны.

— Летаете? — в голосе Леры звучал явный интерес. — Как именно летаете? Я просто тоже иногда летаю во сне.

— Только обещайте мне не смеяться, и, кстати, давно пора перейти на «ты», — на этот раз он уже не похлопал, а погладил ее по коленке. К счастью, сидевший на переднем сиденье Олег ничего не видел.

— Хорошо, — согласилась она, с удивлением покосившись на его руку. — Обещаю не смеяться.

— Во сне я часто вижу себя ангелом с огромными белыми крыльями. И пикирую откуда-то сверху. Один раз даже снилось, будто бронзовые ангелы, что стоят на Исаакиевском соборе — мои друзья, и мы разговариваем.

— Какие удивительные сны! — восхитилась Лера. — Даже завидно, в моих все намного прозаичнее.

— Да, но они, увы, совершенно не помогают мне вспомнить ничего о себе... Я же точно не мог быть ангелом! —

расхохотался он. — Врачи даже не смогли определить причину, по которой я потерял память. Меня никто не бил по голове. Такое ощущение, что память просто стерли, как ненужный файл. Одним словом, мистика!

— Представляешь, Илья, если ты, прыгнув с парашютом, встретишь на высоте других ангелов и они узнают в тебе своего?.. — с юмором поддержал разговор, обернувшись с переднего сиденья, Олег. — Весьма неплохо иметь знакомого ангела!

Они проболтали всю дорогу, и я видел, что Лера в полном восхищении от нового знакомого.

— У тебя замечательное чувство юмора, Илья! — сказала она ему. — Я уверена, что до потери памяти ты явно был творческой личностью. Господин психолог, — вдруг обратилась она к жениху, — а если прыжок с парашютом поможет Илье все вспомнить, мы сможем запатентовать это как метод нетрадиционного лечения амнезии?

— Было бы здорово! — отреагировал ничего не помнящий.

— Почему бы и нет, — сказал Черный.

— Ты памперс-то взяла? — не отвлекаясь от дороги, вдруг спросил Володя.

Лера расхохоталась:

— Не только взяла, но и надела!

— А это еще зачем? — удивился бывший ангел.

— Да на работе достали, когда рассказала, что иду с парашютом прыгать: купи да купи, а то от испуга всякое может случиться. Вовке рассказала, а он — а и купи. Ну, я пошла и приобрела детский подгузник. На всякий случай... — она будто оправдывалась перед Ильей, который смотрел на нее с удивлением.

— Я понял, Валерия, — улыбнулся он. — Сразу понял, что ты весьма необычная девушка.

Я с интересом наблюдал, как они общаются. Между ними явно проскочила искра обоюдной симпатии, и Черный тоже не мог ее не заметить.

После инструктажа всех распределили по весу, кто за кем должен прыгать: сначала самый тяжелый, потом — легкий, затем — легче легкого и в конце должен был выпрыгнуть самый легкий. Илье выпало прыгать первым. Забавное зрелище: бывший ангел, намеревающийся без крыльев вышагнуть в пропасть на высоте птичьего полета. Инструктор открыл дверь, и мой любимый шеф, ни слова не говоря, исчез в воздушном пространстве. Я видел, что он совершенно спокоен: Элиас возвращался в свою стихию.

Пришла очередь Черного, и он тоже храбро сделал шаг в бездну. За ним из самолета выпрыгнул еще один мужчина. Подошла очередь Леры. Давай, мама, вперед! Я видел, как она волнуется. Подойдя к открытой двери «АН-2» и посмотрев вниз, она тут же отпрянула назад:

— Нет, я не прыгну, не прыгну... — забормотала Лера себе под нос.

— Давай! — у инструктора явно лопалось терпение.

— Не могу! — в ее глазах было столько ужаса, что, казалось, он вот-вот выплеснется на пол. Я никогда не видел Леру такой испуганной.

— Отойди назад, к стенке, — буквально прошипел инструктор и закрыл дверь. Дуть в самолете перестало.

Я видел, что Лере ужасно стыдно, но разум ее ничего не мог поделать с организмом, который упорно отказывался сделать шаг в никуда. Я вспомнил то роковое утро, когда она приняла решение не родить меня. Возможно, тогда ею овладел такой же неконтролируемый страх перед неизвестностью, боязнь взять на себя ответственность за важный шаг?.. Мне стало жаль ее. Ты моя трусиха, с нежностью подумал я, вспомнив, как в полумраке перед зеркалом она просила у меня прощения.

Володя должен был прыгать следом, но из-за Леры самолет пошел еще на один круг. Лучший друг смотрел на нее с немым укором, его большие глаза как будто говорили «Эх, ты...», а ее взгляд отвечал: «Вовка, миленький, прости, не могу!..» Но я видел, как она изо всех сил борется с собой. Инструктор снова

открыл дверь, в которую бесстрашно вышел Володя, а следом за ним самая легкая из их группы девушка. Лера осталась наедине с инструктором и своим страхом. Вдруг она сделала шаг вперед:

— Помогите мне, пожалуйста! — Лера умоляюще смотрела на него. — Мне очень нужно прыгнуть, но я ужасно боюсь.

Инструктор кивнул.

— Вставай, — скомандовал он.

По дороге домой Лера рассказывала, что последнее в ее памяти, это — открывшаяся дверь. Следующий кадр — когда над ее головой начали натягиваться парашютные стропы. Я летел рядом и видел, как она отключилась и парашют через три секунды раскрылся сам. С ней снова произошло то же самое, как в полете за лодкой над морем. Поборов свой страх и медленно опускаясь под куполом парашюта, Лера кричала:

— Вовка-а-а, я прыгнула! Вовка, ты слышишь? Я лечу-у-у! — но расстояние между ними помешало Володе ее услышать.

Удачно приземлившаяся, полная впечатлений компания возвращалась обратно. Ничего не изменилось: память к моему бывшему шефу так и не вернулась, купленный на всякий случай памперс остался сухим... Но Лера преодолела свой страх, и это было самое главное.

Прощаясь, Володя пригласил всех смельчаков на день рождения своего сына Петьки. Его дата выпадала как раз на день возвращения Насти и Леры из Чехии.

***

Весной время летит быстрее. Снова попав на землю, я обратил внимание, что настроение у весенних людей лучше, чем у осенних и зимних, коих я видел в изобилии, когда был помощником Элиаса. Наверное, потому что чаще светит солнце, впереди — лето, у всех какие-то планы на отдых... Мне нравилось летать по городу, слушать смех и ловить весенние улыбки. Иногда я встречал такие же души, как сам, которые занимались тем же, но я — из любопытства, а они — из целеустрем-

ленности, ведь им были нужно искать себе родителей. Заметив друг друга, мы делали приветственные знаки и разлетались в разные стороны. Мне иногда казалось, что я ощущаю незримое присутствие еще одной души. Даже тогда, когда мы были с Лерой наедине.

Несколько раз я навещал Настю в библиотеке Лермонтова, что находилась совсем рядом с прежним домом Владимира. Девушка работала здесь библиотекарем. В этом удивительном старом здании, полном книг, всегда стояла приятная тишина, и я, убедившись, что в Настиной жизни все по-прежнему, катался по широкому скользким перилам мраморной лестницы со второго этажа на первый и представлял себя хулиганистым мальчишкой.

Так постепенно подошло время нашей поездки. Я впервые собирался лететь в самолете, и мне все было ужасно интересно.

— Лера, я боюсь, — ныла Настя в аэропорту. — А вдруг он упадет?.. По телевизору так часто показывают катастрофы!

— Наш — не упадет, — отрезала Лера.

— Почему ты так уверена в этом? — Настино лицо выражало такое сильное беспокойство, что мне стало жаль ее. Это была крайне милая, но ужасно неуверенная в себе девушка: она постоянно в чем-то сомневалась, чего-то боялась... Ей точно был нужен хороший психолог.

— Потому, что сегодня утром узнала, что, скорее всего, беременна, — улыбнулась та, ради которой я был готов на все. — И этот ребенок обязательно родится, — добавила она.

Если бы я мог упасть, я бы упал. Беременная?! Как я мог это пропустить? Рядом с нами ни одной живой души, кроме меня самого. Хоть у меня иногда и возникало странное ощущение, будто за мной наблюдает кто-то из наших, но ведь я, как ни старался, так никого и не увидел! Как могло случиться, что я пропустил момент зачатия? Кто в моей маме? Я? Или кто-то другой, кого я почему-то не вижу? Где ты, появься! Зачем ты прячешься? Давай поговорим!

— Лера, да ты что? — Настино лицо расплылось в умилении. — Вот это новость! А тебе точно можно лететь

на самолете? Может, не полетим?.. — ухватилась она за последнюю соломинку.

— Насть! Если что-то там и есть, то срок такой маленький, что даже смешно об этом говорить. А полетим мы непременно, потому что отпуск уже взят, деньги за путевки отданы и сумки собраны. И вообще, если ты еще не заметила — мы уже в аэропорту! — Лера слегка повысила голос.

— А кто отец ребенка? Олег? — проявила любопытство Настя.

— Насть, а как ты думаешь, кто еще может быть его отцом, если встречаюсь я только с Олегом и ребенок, в общем-то, запланированный?

— Но ты же мне ничего не говорила, — растерянно повела плечами подруга, — о том, что вы ребенка планировали.

— Да я сама точно не знаю, получилось или нет, чего говорить-то. Вторая полоска совсем слабая, может, тест бракованный, а за вторым бежать было уже некогда. Через недельку еще один сделаю.

К девушкам подошел запыхавшийся Олег. Он по-прежнему был одет во все черное, несмотря на то, что на улице стояла июльская жара:

— Привет, девчонки, простите, что опоздал, не смог пораньше уйти с работы, а потом в пробке простоял полчаса.

— Да уж, да уж, — с укором сказала Лера. — Мы вообще-то надеялись, что ты нас подвезешь.

— Прости, родная, не получилось, — он наклонился к любимой и чмокнул в губы. — В следующий раз исправлюсь. Здравствуйте, Настя, — Олег галантно поцеловал руку покрасневшей от смущения девушке.

— Когда он будет, следующий-то раз... — отозвалась Лера. — Если все подтвердится, то теперь я буду становиться все толще и толще, и так — до следующей весны. А потом памперсы, пеленки, распашонки, детские врачи, бутылочки, лифчик для кормления... — уже не до поездок! Но из роддома, надеюсь, ты нас забрать не опоздаешь? — она легонько щелкнула

его по лбу. — А то меня вместе с харизмой и ребенком заберет оттуда кто-нибудь другой.

— Этого я не допущу, — обнял ее Черный. — Заберу лично и сам перевяжу Гришу голубой ленточкой.

— Ого, уже и имя придумали! А вдруг девочка будет? — вставила свою реплику Настя. — Тогда розовую ленточку надо.

— Будет мальчик, — уверенно заявил Черный, и с этого момента даже начал мне нравиться. Но ведь я не мог пропустить момент зачатия, я непременно должен был его помнить! Может, встреча с потерявшим память Элиасом оказала на меня такое странное воздействие? Вдруг это заразно?..

Лера с Олегом — я все никак не мог даже в мыслях назвать его папой — поцеловались на прощанье. Девушки, помахав गरे-провожающему, скрылись за специальной дверью, где пассажиры проходили какие-то процедуры с документами, сумками, переобуванием и обыском. Женщин обыскивали женщины, а мужчин — мужчины, мне в этом показалось что-то нелогичное. Но, видимо, таковы правила.

Самолет на взлетной полосе набрал скорость и с шумом взмыл в воздух. Вот здорово — мы летим! Радостное ощущение, которое я испытал, напомнило мне наш полет с Элиасом. Через стекло иллюминатора я видел, как мы прошли слой облаков и оказались на мушке у солнца. Оно ярко светило прямо в глаза бедной Насте, которая от страха буквально вжалась в кресло.

— Насть, да успокойся уже, все будет нормально, сядем все! — погладила ее по голове Лера.

— Я пытаюсь, — закрыв глаза, мужественно ответила та.

— Может, тебе что-нибудь выпить? Сейчас стюардессы начнут предлагать крепкие напитки в маленьких бутылочках. Для храбрости должно хватить.

— Лера, но я же не пью совсем...

— Ну и что? А ты выпей! И жизнь станет светлой и радостной!

— Нет, я как-нибудь сама справлюсь с собой, без спиртного.

— Окей, как хочешь. А мне, наверное, нельзя... — Лера тоже закрыла глаза и задремала.

Девушки проспали почти все время полета, прервавшись только на завтрак. Позже мужской голос свыше сказал, что самолет совершил посадку в столице Чехии Праге, и пассажиры медленно двинулись к выходу.

Прага произвела на меня сильное впечатление. Увидев ее, я понял, что Санкт-Петербург — не единственный красивый город в мире. Особенно мне понравилось летать вокруг темных фигур, что стояли на удивительно красивом старинном мосту через широкую реку. К некоторым из них туристы в порядке очереди прикладывали ладони и загадывали желания. Места для желаний были натерты до блеска. Лера тоже, закрыв глаза, напряженно что-то загадывала, а один раз бросила через плечо в воду монетку. Я не знал, о чем она думает, и очень волновался: ведь, если Лера беременна, получается, кто-то меня опередил?.. Иначе я должен был слышать ее мысли.

Среди скульптур я увидел ангела и вспомнил об Элиасе. Интересно, что он сейчас делает в этом своем центре с труднопроизносимым названием «реабилитационный». Лечебница для неприкаянных душ, где я провел два года, по сути, тоже была таким центром.

Почти каждое утро мы садились в автобус и ехали в какой-нибудь маленький чешский городок. Самыми забавными и не похожими на другие мне показались Карловы Вары, где люди ходили с кружками и пили воду через отверстие в ручке. Лечебная минеральная вода из источников иногда была такой горячей, что от нее шел пар.

— Существует легенда, что если девушка сможет минуту подержать палец в этой воде, то в текущем году обязательно выйдет замуж, — поведала группе экскурсовод с фальшивым потрепанным цветочком на конце длинной палочки. Это был ее опознавательный знак — благодаря ему туристы издалека видели свою группу.

— Правда? — живо отреагировала на информацию Лера, которая до сих пор слушала экскурсовода крайне невнимательно. — Интересно-интересно... Настя, давай? — предложила она.

— Лера, ну как можно верить в такие сказки?.. — Настино-му скепсису не было границ.

— В сказки непременно нужно верить, тогда и жизнь будет сказочной! Давай палец, — велела она своей нерешительной подруге.

— Сначала ты, — ответила осторожная Настя.

— Я и так выйду. Тебе нужнее.

Подруги спорили примерно с полминуты, в итоге Лере все-таки первой пришлось подставить палец под струю, но выдержала она всего нескольких секунд:

— Слишком горячо, не могу...

— И не надо, я же говорила! — поучительным тоном заявила Настя.

— Нет, погоди! — Лера двинулась к ларьку, где продавались кружки с дырочками.

— Что ты задумала? — засемила за ней подруга.

Лера сделала решительный жест рукой, мол, погоди, сейчас все будет, и вернулась с маленькой розовой кружечкой. Набрав воды и немного подождав, она смело опустила в нее палец.

— Засекай! — гордясь своей смекалкой, важно скомандовала она Насте.

Та рассмеялась:

— Но это же нечестно!..

— Почему нечестно? — возмутилась Лера. — Экскурсовод сказала что «если девушка сможет минуту держать палец в этой воде»... О том, что ее нельзя налить в кружку, речи не было. Давай тебе другой нальем, а то в одной и той же, наверное, лучше не надо. Мы же не хотим, чтобы у нас был один и тот же муж на двоих?.. — пошутила она.

И Насте тоже пришлось держать палец в кружке.

— Я вижу, ты не веришь в результат, — вздохнула Лера, глядя на выражение лица своей подруги. — Это плохо. Главное — верить, тогда можно держать палец хоть в пиве, и все равно непременно в этом году выйдешь замуж! Ну или хотя бы в начале следующего, — засмеялась она. — Эх, жаль, мне теперь пить нельзя, а то я выпила бы кружечку-другую пива. Побывать в Чехии и не попить чешского пива — это аномально. Может, все-таки можно одну... — договаривалась она сама с собой.

— Не знаю, я бы не стала, — пожалала плечами Настя.

— Да ты и так не станешь, — улыбнулась Лера. — В общем, я думаю, от одной кружки пива ничего ужасного не случится. Надо найти какое-нибудь кафе и пообедать, но сначала — в бассейн!

В бассейне под открытым небом девушки целый час плавали в теплой минеральной воде. Мне тоже стало интересно побывать в воде, понять, как чувствует себя ребенок внутри матери. Я нырнул и прижался к Лериному животу. Пока она плавала, я пытался почувствовать, есть ли в нем жизнь. Но так ничего и не ощутил.

«В тебе маленький Я», — получила она вечером сообщение от Черного.

Они постоянно обменивались сообщениями на волнующую их обоих тему. Лера писала, где они находятся, рассказывала о забавных моментах путешествия, они обсуждали будущее, и я узнал, что мой Черный папа уже занялся поисками жилья для будущей семьи.

Неделя пролетела как один миг. Цели, которой пыталась достичь Лера, вытащив свою слишком домашнюю подругу за границу, она так и не добилась. По дороге Настю никто не полюбил, а на дискотеке в ночном клубе эта скромная особа так и не решилась дать свой номер телефона чеху, несколько раз приглашавшему ее на медленные танцы.

— Ну почему, почему ты не дала ему хотя бы адрес электронной почты? — возмущалась Лера по пути в гостиницу.

— Лер, ну, я что-то засомневалась... Зачем, подумала, мне это надо. У нас языковой барьер, из России я уезжать не собираюсь, интернета у меня дома нет и ящик свой я до сих пор не завела, — где я буду его письма читать?

— Боже, сколько причин, чтобы ничего не делать! — Лера закатила глаза к небу. — Какой такой барьер? Во-первых, чешский язык очень даже понятный. По второму пункту — дала бы мою почту, я ее каждый день проверяю. По третьему — проведи уже интернет и заведи себе собственный адрес! А насчет уезжать не собираюсь — это ты зря: Машка уехала, счастлива и возвращаться не хочет.

— Маша — это которая родила мальчика и потом отдала в Дом ребенка?

— Именно.

— И куда она уехала? С сыном уехала или одна?

— Она встретила замечательного русскоговорящего шведа и уехала с ним в Швецию. Да, с сыном, когда ему исполнился год. Причем познакомились они с этим шведом просто потрясающе: Машка в не лучший период своей жизни написала сообщение «Умоляю, скажите, — как жить дальше?», отправила его в космос, и ей сразу пришел ответ.

— То есть как это — в космос? — не поняла Настя.

— Ну, по случайному номеру, — Лера говорила об этом как об обычном деле. — Просто набрала, как говорится, от балды. И тут ей вдруг приходит: «Скажу. Давайте встретимся». А она: «Где и когда?» Ответ: «Можно сейчас. Я совершенно свободен». Ты представляешь?! И они встретились буквально через полчаса, потому что он гулял где-то неподалеку. И с первого взгляда понравились друг другу. Вот это судьба! Как после такого в нее не поверишь, а? Надо верить, надо! И палец в воде подержать тоже не лишне. Он ведь от этого не отвалится!..

— Какая необычная история!.. А как иностранец воспринял то, что у нее есть ребенок?

— Отлично воспринял. Они вместе Ваню забрали. Сначала здесь жили, а когда у Мартина работа по контракту закончилась,

уехали в Стокгольм, успев пожениться в Питере. Я была свидетельницей, а мой бывший муж — свидетелем, — больше никого, только мы четверо. С документами ребенка, правда, повозиться пришлось, потому что мальчика на Машиного бывшего мужа записали. По закону, если трехсот дней с даты развода до родов не прошло, автоматически отцом записывают бывшего мужа. Но биопапа без проблем дал отказ, и теперь все счастливы. Особенно он. Со всех сторон замечательный мужик этот Коля! — с сарказмом заключила Лера.

— Надо же... — история произвела на Настю неизгладимое впечатление. — Так угадать со случайным номером!

— А знаешь, у этой истории есть любопытное продолжение.

— Интригуешь... — подруга вся обратилась в слух.

— Позже выяснилось, что тот самый случайный номер был записан у Маши на одном из стикеров на холодильнике. Причем, откуда такой стикер взялся, она не знает: все были одного цвета, а этот кардинально отличался от всех. И почерк не ее, а какой-то... детский. А Машка не замечала бы его и дальше, если б Мартин, когда впервые пришел к ней в гости, не задал резонный вопрос, зачем она повесила его номер на холодильник, если он у нее есть в мобильном. И это так и осталось необъяснимой загадкой! Ведь не мог же швед проникнуть в квартиру незнакомой русской девушки с целью написать свой номер телефона на стикере, прилепить его на видное место и испариться! Вот такие чудеса...

Настя потрясенно молчала.

— Так что и ты, — Лера хлопнула подругу по плечу, — не тушуйся! Надо использовать все возможности, что дает тебе жизнь. Можно, в конце концов, сделать рассылку с уже проверенным текстом: так шансов будет больше, — пошутила она.

Следующим утром у нас был обратный самолет. Перед завтраком Лера сделала еще один тест и узнала, что беременность оказалась плодом ее воображения. Когда на бумажке отчетли-

во проступила одна-единственная полоска, я услышал рядом с собой грустный вздох. Точно не Лерин и не Настин. Тщательно осмотрев комнату, заглянув под кровати и за шторы, я так никого и не увидел.

Новость о том, что ничего не получилось, вызвала вздох и у меня. Только не грусти, а облегчения. Втайне я все еще надеялся, что Лера попробует начать все сначала с Артемом...

***

— Олежка! — в аэропорту Лера повисла на шее у Черного.

— Привет, Солнце! Я ужасно соскучился. Как долетели? — он поцеловал невесту.

— Долетели отлично. Съездили прекрасно! Чехия замечательная страна с очень забавным языком: он напоминает русский, только изрядно исковерканный, как будто ради хохмы. Чехи на 180 градусов изменили смысловые значения наших слов: «забыл» у них значит «запомнил», «прекрасный» — «ужасный», «фрукты» — «овощи», а в школах лучшая оценка — единица! Как на другой планете побывали — где все с ног на голову! — щебетала полная впечатлений Лера. — Люди такие вежливые: все дни у них добрые, кругом только и слышно «Добрый дэнь, добрый дэнь!» Ну и пиво у них тоже доброе. Хорошее, в смысле.

— Ты там пиво, что ли, пила? — нахмурился Олег.

— Всего одну кружку, чисто символически, — оправдываясь, вздохнула она, — а теперь очень жалею, что так мало.

— Почему жалеешь? — не понял он.

— Сегодня утром отменилась беременность. Не получилось у нас ничего и на этот раз тоже... Надо будет все-таки пойти сдать анализы.

— Понятно, — Черный резко погрустнел. — Ну, может, позже... А я квартиру нашел неподалеку от места, где Володя с Натшей живут. Завтра поедem посмотреть.

— Замечательно! Ну, может, это и к лучшему, да? — заглянула ему в глаза Лера. — Будем делать все последовательно,

как нормальные люди: начнем вместе жить, поженимся, и уже потом заведем ребенка. Мы ж, в конце концов, не в Чехии, чтобы у нас все наоборот было, — она засмеялась. Я обожал ее манеру во всех ситуациях быстро находить плюсы.

Тут к ним присоединилась Настя, багаж которой в авиакомпании потеряли и никак не могли найти. Вид у нее был крайне растерянный.

— Вечно мне не везет... — вздохнула она.

— Потому что ты сама притягиваешь к себе невезение, — «утетила» ее Лера. — Ты мне напоминаешь ослика Иа-Иа. Правда, я себе иногда — Винни-Пуха, — она расхохоталась и взяла расстроенную подругу под руку. — Пойдем ругаться по поводу твоего чемодана. Пусть только попробуют его не найти!

Через десять минут вопрос с багажом был улажен, и они сели в машину Черного — вишневого цвета жигули с серыми сиденьями. В салоне стоял непонятный резкий запах, и я послал Лере мысль, что хорошо бы открыть окно. У нас, похоже, снова налаживался контакт, ибо это было сделано практически сразу. Настя удобно устроилась на заднем сиденье и задумчиво смотрела на дорогу:

— А все-таки, Лер, хорошо, что мы с тобой съездили в Чехию, — вдруг произнесла она. — Хоть мир посмотрела, а то все дом-работа, работа-дом...

— Ну, слава Богу! — обрадовалась Лера. — А то я себя тираном каким-то чувствовала. Тащу тебя, а ты упираешься, как выше-упомянутый ослик.

— Нет-нет, спасибо тебе. Может, я теперь еще куда-нибудь соберусь, паспорт теперь есть, самолеты вроде надежные...

— В Турцию слетай, недельки на две. Там твое «засомневалась» не прокатит, от мужиков точно отбоя не будет! — со смехом посоветовала ей подруга.

Они довели Настю до дома и поехали за тортом. Сегодня был день рождения у Лериного крестника Петьки. В подарок ему Лера привезла из Чехии большого плюшевого крота — героя известного чехословацкого мультфильма — и Бабу Ягу

на батарейках, которая от любого резкого звука начинала дрыгать ногами и жутко хохотать. А к семи вечера Лера и Олег собрались на концерт Земфиры.

— А Илья придет на день рождения? — спросила Лера. — Вов-ка ведь и его приглашал.

— Да, он Пете вертолет с пультом управления купил.

— Крутой подарок! После такого он даже не заметит моего крота, — вздохнула крестная мать.

— У меня еще огромный конструктор в багажнике. Пацан будет доволен, не переживай, — успокоил ее Олег.

— Какой ты у меня заботливый! — она поцеловала его в щеку.

Они приехали в какой-то район, по количеству настоящей природы напмнивший мне тот, где раньше жили Ольга с Климом, а также Лера и ее родители. Место называлось Красное село. Всюду было тихо, зелено и даже росла трава, — ничего общего с Саперным переулком, где находилась коммунальная квартира, в которой теперь обитала Лера.

— Вот как раз на соседней улице квартира сдается, — показал рукой Черный. — Завтра сюда придется еще раз ехать, агент сегодня не может показать.

— А если снимем, то и послезавтра, и послепослезавтра, и каждый день сюда ездить придется... — задумалась Лера.

— Тебе не нравится? Зато с ребенком есть где гулять, — привел довод Черный. — Вон сколько зелени! Дыши — не хочу!

— Это неоспоримый плюс, — улыбнулась Лера. — Ладно, пошли, мы уже опаздываем, дольше шести сидеть не будем, потому что концерт Земфиры я ни за что не пропущу. Мы в списке, пойдем со служебного входа. А Илья-то сам дорогу найдет сюда? — вдруг взволнованно сказала она.

— Не волнуйся за него, он уже пришел. Они с Володей с утра тут вместе машину ремонтировали.

— Они с Вовкой подружились, что ли? — удивилась Лера.

— Похоже на то.

— Ну и замечательно. Илье как раз этого не хватает.

Дверь им открыла молодая женщина, которую я видел на улице в день своего освобождения. Тогда я плохо разглядел ее, а теперь отметил их явное сходство с Ольгой. И тут я вспомнил, где видел ее раньше: это была та самая медсестра, что принесла в палату Владимиру новорожденную Любочку! Значит, вот как все потом сложилось... У Олиных детей появилась новая мама, — выходит, Володя все-таки не остался без ангела-хранителя.

— Привет, Наташа, — сказала Лера, и девушки дружески обнялись.

— Привет-привет, проходите! Дедушка с бабушкой уже час как приехали, только вас ждем.

— С днем рождения, дай пять! — Олег пожал руку Пете, прибежавшему на звук дверного звонка в прихожую. Он вытянулся и похудел с того страшного дня. Мальчик улыбался, но в глубине его глаз я все равно увидел навсегда затаенную грусть.

— Привет будущему первокласснику от феи-крестной! — послышалось у меня за спиной.

Я обернулся и расхохотался: у Леры в руках откуда-то взялась блестящая «волшебная» палочка, а за спиной торчали крылья из проволоки и полупрозрачной фиолетовой ткани. Она была ужасно смешной в этом образе.

— Здравствуй, мальчик по имени Петр! Я твоя фея-крестная, специально прилетела с далекой планеты под названием Чехурий, чтоб исполнить три твоих желания! — нараспев произнесла «фея». — Если я что-то не смогу исполнить сегодня, в твой день рождения, ты можешь написать их мне на бумажке, и я обязательно материализую их в ближайшее время! — она слегка взъерошила Петькины волосы волшебной палочкой. — Также через меня можно передать письмо для деда Мороза, — понизив голос, добавила она, как будто это был секрет. — А пока — подарки — в студию!

Пете был торжественно вручен торт, крот, конструктор и Баба Яга, хохота которой ребенок поначалу испугался. Сказав «спасибо», крестник схватил Леру за руку и потащил в комнату:

— Крестная, смотри, смотри, что мне Илья подарил! Вертолет с пультом управления! Он летает как настоящий!

В комнате за столом уже что-то ел мой бывший шеф. Рядом с ним сидели родители Ольги: дедушка Пети возился с вертолетом, пытаюсь разобраться, как его запускать, а бабушка читала сказки Любочке. Девочка в честь дня рождения брата была одета в нарядное розовое платьице, а на светленькой головке с кудряшками возвышались два розовых бантика, напоминающие кремовые розочки на торте. Удивительно мило выглядела Д-16121998 в своем земном воплощении! Наташа хлопотала на кухне, то и дело пополняя ассортимент блюд на праздничном столе.

Я много пропустил, находясь на «душной реабилитации», и не знал, как развивались события в этой семье после той страшной трагедии, но я видел, что, несмотря ни на что, все держатся вместе, и был очень рад этому. Жаль, Элиас ничего не помнит. Ведь если бы он тогда не прилетел...

— А у меня опять дежавю, — обратился Илья к Черному. — Такое ощущение, что и Наташа мне кого-то напоминает, и детей я как будто раньше видел. Я уже решил не обращать внимания на это, — похоже, мое беспмятство издевается надо мной. Ведь не мог же я оказаться среди знакомых мне людей, но чтобы при этом они меня — не узнавали. Ведь все должно быть наоборот!

— Чтобы все было наоборот, надо ехать жить в Чехию! — подхватила разговор Лера, которой не терпелось продолжить рассказ о своих впечатлениях от поездки. — Вот там никто про тебя не скажет: «Он забыл», там скажут — «Он запомнил!» А, каково? — обвела она глазами собравшихся, ожидая реакции.

Лера как-то быстро опьянела. Может быть, потому, что ей было буквально некогда поесть, ибо хотелось рассказать всем и обо всем. И еще потому, что она неожиданно перешла с вина на водку. Или, может, она была подсознательно огорчена из-за несостоявшейся беременности... Или все вместе. В общем, Валерию несло:

— А, вот еще! Еще одно очень забавное слово услышала в Чехии в отеле по телевизору — зачаточник! А у нас видела точно такую же рекламу, где это же самое слово перевели как «неопытный», — продолжала она развлекать гостей, а заодно и себя.

Праздничный стол с целью расширения пространства в комнате переставили к дивану, на который посадили Черного, Леру и моего любимого бескрылого уже ангела. И она тут же закидала его вопросами:

— А что конкретно ты делаешь в реабилитационном центре? — она выпила залпом еще одну стопку водки после очередного тоста. — Олег рассказывал, там ведь и наркоманы, и алкоголики... Со всеми общий язык находишь?

— Помогаю на кухне. Да вообще все делаю, что попросят, — рассказал Илья. — Я ведь так и не знаю, какая у меня была профессия до того, как со мной случилась эта неприятность, а методом научного тыка выяснилось, что я неплохо готовлю. Вот меня и отправили на кухню. С наркоманами общий язык нашел быстро, я ведь и попал туда благодаря одному из них. Пристал на улице к человеку, который мне кого-то напомнил, со своим стандартным вопросом, не видел ли он меня раньше. Стас единственный отнесся ко мне по-человечески! Разговорились с ним, и он позвал меня в центр. Он сам недавно прошел там курс лечения и остался работать волонтером. Так я обрел свой новый дом. Главное — мне ужасно нравится помогать людям! Я словно всегда это делал.

— Как будто вторая жизнь... — Лера была в восхищении. Я видел, что с каждой стопкой Илья нравится ей больше и больше. Да и он смотрел на нее с явным интересом.

— А имя у тебя такое откуда взялось, если ты ничего не помнишь? — поинтересовалась она.

— Крестился в День Ильи Пророка. А до этого несколько месяцев я без имени был, все ждал, что найдутся родные, скажут, кто я и как меня зовут...

— А каким был первый день твоей новой жизни?

— Ты будешь смеяться, — улыбнулся Илья. — Даже не знаю, стоит ли такое рассказывать...

— Ну, расскажи, пожалуйста! — заканючила она уже довольно нетрезвым голосом.

— Меня нашли рано утром на Дворцовой площади. Лежал у подножия Александрийского столпа без сознания совершенно голый. Но никаких следов, что меня били, не было. Разве что на спине обнаружили два больших, симметрично расположенных, красных пятна, но никто так и не понял, что это за пятна. Они через неделю так же таинственно исчезли, как и появились.

— Представляю... Надо же! Голый на Дворцовой площади... — Лера в изумлении покачала головой. — Олег, ты представляешь, через что Илье пришлось пройти? — она обернулась к Черному.

Тот сидел мрачнее тучи, но она этого как будто не замечала. Я уже стал волноваться за нее. Родители Оли что-то обсуждали между собой, Петька смотрел мультфильм, а Наташа отправилась в соседнюю комнату уложить Любочку немного поспать. Только Володя с явным интересом наблюдал за происходящим, как будто смотрел кино.

— Лер, ты это... Может, тебе больше не наливать? Вам же на концерт еще. Уже почти половина шестого, — предупредил он подругу. Та кивнула, откусила половину соленого огурца и продолжила свое обращение к Черному:

— Слушай, Олечка, мне что-то так жалко Илью стало... Как представила все, что он мне рассказал! Сначала человек просыпается без одежды на Дворцовой, потом болтается неизвестно где... По телевизору-то хоть объявление давали с твоим фото? Или в интернете? — повернулась она к Илье.

— Конечно! Но безрезультатно. Да ты так не переживай за меня, все будет хорошо, — и он, по своей старой ангельской привычке, слегка похлопал ее по коленке. Но из-за весьма условной длины летнего платья, которое было на Лере, этот жест не слишком походил на дружеский. Черный заметил его и стал еще мрачнее. Над его головой нависла темная энергетическая

туча, похожая на ту, что я видел у Клима. Лера же продолжала ничего не замечать:

— Олег, а давай его себе заберем? — выдала вдруг она.

— Кого? — ошарашенно спросил тот.

— Как кого... Илью!

— То есть как это — себе? — не понял Черный. Я и сам ничего не понял.

— Завтра снимем тут квартиру, ту, о которой ты говорил, она же двухкомнатная, — и пусть он с нами живет! Что ему в этом центре со всякими сомнительными личностями торчать? На нормальную работу устроится, ну и вообще... — голос Леры уже заплетался.

— Я все понял. Пойду покурю, — спокойно сказал Черный и поднялся из-за стола.

— Олег, а Вы куда? — удивленно спросила его Олина мать.

— Пойду покурю, — еще спокойнее и четче повторил он, вышел в коридор, обулся и бесшумно закрыл за собой дверь.

Я смотрел на Леру, ожидая, что она сейчас побежит за ним. Но она продолжала болтать с Ильей как ни в чем не бывало.

— Лер, уже седьмой час, — вскоре еще раз напомнил ей Володя. — Ты на концерт-то пойдешь? Я не то чтобы гоню, просто вроде как ты давно на него хотела...

— Пойду, конечно, — спохватилась Лера и стала вставать из-за стола, опрокинув по дороге чье-то недопитое красное вино на скатерть. — Ой, простите! А куда Олег-то делся? — удивилась она, не увидев жениха на прежнем месте. — Ладно, я тогда побегу уже, на улице курит, наверное, у подъезда.

Она быстро собралась, поцеловала в щеку по очереди всех друзей, попрощалась с родителями Оли, чмокнула Петьку в макушку, обулась и захлопнула за собой дверь. Вслед ей гомерически захохотала Баба Яга.

Я устремился за Лерой. Насчет Черного у меня были нехорошие предчувствия, которые тут же подтвердились: у подъезда не оказалось ни Олега, ни его вишневой девятки. Телефон

приятным женским голосом сообщал, что абонент недоступен или находится вне зоны действия сети. Большая поклонница Земфиры уже сильно опаздывала на ее концерт и злилась на то, что, как назло, нет ни одной маршрутки.

— И как отсюда выбираться? Глухомань какая... Как здесь можно жить-то, — ворчала Лера, залезая, наконец, в маршрутку. Она смотрела на часы, было уже 18.25, а еще предстояло добраться до Автово и потом довольно далеко ехать на метро с пересадкой. Я хорошо ее знал: она всегда сильно нервничала, когда опаздывала.

Безуспешно пытаясь дозвониться Олегу, она, в конце концов, отправила сообщение: «Что случилось? Куда ты делся? Еду на концерт, приезжай!» в надежде, что он скоро включит трубку. Ответ пришел примерно через час, когда она уже подбегала к служебному входу в Ледовый дворец. Текст был такой: «Вижу, у нас все равно ничего не складывается. Я ушел.» Вид у Леры стал совершенно потерянный.

Охранник на служебном входе держал в руках список «безбилетников»:

— Воробьева, — назвала она свою фамилию.

— И еще Голубкова сразу посмотрите, пожалуйста!

Лера вздрогнула и обернулась. Позади нее стоял Артем, загоревший, будто только что вернулся с юга. Светлый костюм удачно оттенял загар, и его обладатель напоминал этакого мацо, не хватало только сигары в зубах.

— Ну что, опять встретились? — с усмешкой спросил он. — Пельмени-то доела уже?

— А ты? Нашел где поесть? — она постаралась быстро взять себя в руки.

— Нашел, конечно.

— Ну да, судя по твоему цветущему виду, тебя явно неплохо кормят.

— Давай, пошли, дорогая моя бывшая женушка, — он слегка подтолкнул ее вперед, приобняв за талию. — Концерт уже давно идет.

Я полетел за ними, не в силах поверить в происходящее. Радость переполняла меня. Я вдруг понял, что Элиас, даже будучи отстранен от дел, сам того не желая, снова сыграл значительную роль в моей судьбе. Вдруг происходящее — не случайность, и на этот раз все, наконец, получится так, как я хочу?

***

Эти двое снова были на концерте, как в самом начале, когда только познакомились. Для прессы выделили отдельный ряд. Пока они искали свободные места, Земфира пела песню, которую я часто слышал у Леры дома:

Он — твой мальчик,
Ты — его девочка.
Он — обманщик,
Да и ты не припевочка.
Ты наследила, он же не понял,
Что это было, кто этот Кроме...
И полетели ножи
И стаи упреков.
И заблудились во лжи
И в собственных чувствах.
Он тебя таки убьет,
Но в самом финале.
А пока дыши весной злой с кем захочешь...

Эта песня была будто про них. Тексты Земфиры всегда оказывали на Леру сильное воздействие, а сейчас к нему примешивалось опьянение и растрепанные чувства из-за поступка Олега. Она прокручивала в голове все, что говорила на дне рождения, и никак не могла понять, почему он решил уйти. То, что она еще была пьяна, мешало ей адекватно оценить ситуацию.

Я видел, что ей хочется, чтобы Артем обнял и приласкал ее, как маленькую девочку. Моих объятий она не чувствовала, и, забыв про все разногласия, Лера доверительно положила голову на плечо бывшего мужа. Он внимательно посмотрел на нее и погладил по волосам. Лера прижалась сильнее. Непредолимое притяжение снова включилось. Но, несмотря на то,

что внешне Артем был нежен и явно не против продолжить вечер, я чувствовал, что внутри он холоден.

От душещипательных песен Леру совсем развезло, от нахлынувших эмоций по щекам потекли слезы. Она была уже не в силах контролировать себя и шепнула ему на ухо:

— Тёмка, скажи честно, ты пришел на этот концерт специально? Ведь Земфира тебе никогда особо не нравилась, и ты наверняка знал, что я его не пропущу.

— Ничего не специально! — возмутился он. — Просто в редакции, где я теперь работаю, никто больше не захотел идти. Я подумал: воскресенье, лето, не дома же сидеть, почему бы не пойти...

— Вечно ты так. Нет бы правду сказать: пришел, потому что тебя хотел увидеть.

— Да ничего я не хотел! — еще больше возмутился Артем. — Вот еще больно надо, — он уставился на сцену.

— Ну да, ну да... — Лера тоже устремила взгляд на монитор, где крупно показывали лицо ее любимой певицы:

Поздно, о чем-то думать слишком поздно
Тебе, я чувствую, нужен воздух,
Лежим в такой огромной луже.
Прости меня, моя любовь...

Это была последняя песня, после которой толпа из Ледового дворца повалила к метро. Я, боясь, что бывшие супруги разведутся в разные стороны, стал изо всех сил этого не хотеть. Сильно зажмурившись, я думал: «Пожалуйста, ну, пожалуйста, не расставайтесь так быстро!» Дойдя до светофора, Артем вдруг предложил:

— Может, по джин-тонику?

— Давай, — охотно согласилась Лера. — Я сегодня уже, правда, достаточно выпила у Петьки на дне рождения, но за время концерта место в голове вроде освободилось. Так что можно добавить, — улыбнулась она.

— Ничего не скажешь — хороша крестная: напилась на детском дне рождения!

— Уж какая есть. Зато от души, — парировала она укол.

— А ты помнишь, когда мы с тобой первый раз увидели друг друга в редакции и договорились идти на концерт Шевчука, ты сказала, что предпочла бы сходить на Земфиру, — спросил Артем.

— Смутно припоминаю...

— Вот видишь — получилось, сходили. А помнишь, как я тебя попросил не ломать мне жизнь?

— Помню. Что, у меня все-таки получилось?

— Не то чтобы получилось, но стать другим человеком помогла мне ты.

— И каким же человеком ты стал?

— Циничным и равнодушным, — он весело посмотрел на нее, но в его глазах я прочел, что доля правды в его словах есть, и немалая.

— И что, прямо таки из-за меня?

— Конечно, после тебя были и другие женщины, — он сделал долгую паузу, будто вспоминал каждую. — Да чего только не было... Но первое эмоциональное потрясение связано именно с тобой.

— Слышать это одновременно и приятно, и грустно... Сволочь я, да? — Лера сделала внушительный глоток джин-тоника.

— Ну, скажем так — обаятельная сволочь, — приобнял ее Артем.

— Выходит, я настолько привыкла наступать на грабли, что сама сделала себе новые?.

— Франкенштейн отдыхает! — пошутил он.

Подождав, пока основная толпа народа исчезнет в метро и допив джин-тоник, они спустились вниз и доехали до станции метро «Чернышевская», недалеко от которой теперь жила Лера. На этот раз они держались друг от друга на пионерском расстоянии.

— Поясни, пожалуйста: ты меня провожаешь, — уточнила она: — или намерен зайти?

— Как насчет посидеть в парке?

— Не имею возражений.

Они купили еще по джин-тонику и присели на лавочку в Таврическом саду. Вскоре алкоголь снова стал оказывать на Леру пагубное воздействие: и она вдруг горько-горько заплакала.

— Ты чего? — испугался Артем.

— Тёмка, если бы ты знал, как мне плохо!.. Мне хочется зажмуриться сильно-сильно, а потом открыть глаза и чтобы — раз! — прошло два года.

— Почему именно два?

— Просто мне кажется, что через два года у меня обязательно все будет хорошо. Но я не хочу ждать так долго! — она ревели, как маленькая девочка.

Видимо, бывший муж никогда раньше не видел ее такой, — я понял это по его удивленному виду. Он сел ближе, крепко обнял ее и зашептал ей в ухо: «Чи-чи-чи». Лера не выдержала и сквозь слезы засмеялась:

— Ты это помнишь?

— Конечно, — улыбнулся он. — Ладно, не реви. Еще по баночке?

Я впервые видел, чтобы Лера за один день так много пила. Настроение у нее скакало от плюса к минусу: она то становилась грустной, то смеялась, как сумасшедшая. Когда уже стемнело, у Артема зазвонил мобильник:

— Привет, Юленька, — он встал с лавочки, голос его резко изменился. — Да, конечно, могу говорить, я сейчас в офисе, зашел немного поработать.

Лера на лавочке поперхнулась очередным глотком.

— Охранник кашляет, — ответил он на вопрос женского голоса из трубки. — Пьет пиво и подавился кириешкой. Бухает все время на работе, наверное уволят скоро.

— Да... Дела... — вдруг Лера повернула голову направо и посмотрела точно на то место, где сидел я, как если бы там сидел еще кто-то.

— Нет, вы себе можете такое представить? — обратилась она прямо ко мне.

Было уже совсем темно. Я замер. Она меня видит?

— Не могу, — ответил я.

— Вот и я не могу! И тем не менее это происходит... — сказала она и снова стала смотреть на Артема. Ситуация была похожа на ту, что бывает в кинозале, когда с соседом делятся впечатлениями во время сеанса. «Мачо» уже заканчивал разговор:

— Да, я завтра позвоню, вечером сходим куда-нибудь. Пока-пока. Целую.

— Ну ты даешь... Прямо врушка-виртуоз! — оценила Лера.

— Хочешь жить — умей в...рать.

— Ну да, ну да... И кто эта Юля? Не моя ведь подруга, с которой ты целовался тем летом, когда я на тебя запала?

— Когда это ты на меня запала?

— Тем летом, когда ты целовался с Юлей, — ответила она и сложила губы бантиком, карикатурно изображая их поцелуй.

— О, я уже об этом и забыл совсем! Нет, это другая Юля. Сексуальная блондинка с высокой грудью, — сказал он хвастливо.

— И крутыми бедрами? — продолжила Лера характеристику.

— С нормальными бедрами, — ответил он, будто обидевшись за Юлины бедра. — Мне нравятся.

Удивительно: я впервые видел, как Лера ревнует. Разум, затуманенный алкоголем, выдавал выводы в готовом виде с явным запозданием, и эмоции его опережали. Она встала со скамейки и, как купчиха Белотелова, взяла Артема за грудки:

— Ах, вот, значит, как! Нравятся больше, чем мои? Что, и грудь тоже?! — голос ее звучал шутливо-угрожающе.

— Лерка, Лерка, тише, напилась! — он захихикал, как девочка.

Она первой поцеловала его, и он не сопротивлялся, несмотря на наличие высокогрудой Юли в телефонной трубке. Поцелуй получился долгим и страстным, — они оторвались друг от друга не меньше, чем через минуту. Оба прерывисто дыша-

ли, Артем смотрел на Леру со смесью чувств, в которой были и любовь, и горечь, и злость на самого себя:

— Черт, ну почему, почему меня к тебе так тянет?! — раздосадованно сказал он.

— Пойдем ко мне? — заговорила в ней Непреодолимая сила.

Но человеческий организм слаб, и любитель Юлиных бедер внезапно решил по малой нужде непременно отправиться за музей Суворова, который находился точно напротив их лавочки. Первой его мыслью было, в стиле крокодила Чуковского, перемахнуть через ограду Таврического сада, но он не осилил и пришлось идти в обход. Я решил сопроводить Артема через дорогу: он уже тоже был пьян, и я боялся за его жизнь. «Погибнешь, дурень, под колесами. И то, ради чего я столько преодолел, сделать так и не успеешь!» — переживал я за нас обоих. Но, к счастью, ни одной машины на Кирочной улице в то время не было.

Проконтролировав переход Артема через дорогу на фоне старинной мозаики «Переход Суворова через Альпы», что украшала Музей Суворова, я заметил, что и Лера собирается сделать то же самое, и срочно устремился к ней. Было невероятно забавно наблюдать перемещения двух нетрезвых людей. Обойдя здание музея слева и обнаружив бывшего мужа, Лера искренне восхитилась увиденным:

— Боже мой, какая прелесть! Позволь полюбоваться на твой профиль в лунном свете! — изобразила она Кота Бегемота.

— Отстань, — огрызнулся он. — Дай человеку спокойно пописать.

— Не могу! Уж больно душа поет! — она решительно направилась к нему.

Я снова был вынужден отвернуться. Счастье, переполнявшее меня из-за того, что те, кого я мечтал сделать своими родителями, снова вместе, «сидело во мне пушистым котенком». Я смотрел на дом, где все спали и лишь в одном окне горел нежно-фиолетовый свет. Я представил, что, может быть, и там

люди сейчас занимаются тем же, и душа их ребенка в этот самый момент готовится обрести свою будущую плоть.

Стоп! Так чего же я медлю? Ведь именно сейчас идет необходимый поток энергии! В том, что Лера по-настоящему любит Артема и хочет ребенка именно от него, у меня не было никаких сомнений: еще перед тем, как меня заточили в лечебницу, она сама призналась ему в этом. А Артем... Ну, в конце концов, что мне до того, если его не будет рядом, когда я появлюсь на свет? Главное — рядом будет моя мама. А я буду всегда напоминать ей того, кого она любила... И об этом необычном дне, когда она вернулась из Чехии, встретилась с бывшим ангелом и бывшим мужем и в ней зародилась будущая жизнь.

Пока я настраивал себя, пришло время действовать. Я резко развернулся к моим родителям и спикировал, в ту же секунду услышав звуки, после которых обычно возвращался в комнату. Но на этот раз одновременно.

Я успел. Дело было сделано. Я нарушил правила, и теперь надо мной уже не будет ничьей власти.

***

— Утро добрым не бывает, — проснувшись, произнес Артем. Первое, что он увидел, было оранжевое окно.

— Голова болит? — уточнила Лера.

Он кивнул и тут же поморщился от боли.

— У тебя есть что-нибудь?

— Парацетамол. Подойдет?

— Все что угодно подойдет. Я же не смогу работать с такой головной болью. И зачем мы вчера так напились...

— Это ты предлагал — давай еще, давай еще!

— А ты не отказывалась.

— Ну, у меня-то голова не болит, хотя до этого я еще приличное количество водки выпила у Вовки с Наташей.

— Это потому, что ты не человек... — сказал он, взяв из ее рук таблетку.

— Так, ну-ка отдай таблетку! Дольше будешь чувствовать себя человеком! — она в шутку попыталась ее отобрать.

— Это ж мы еще потом всю ночь сексом занимались... — к Артему пришли воспоминания, — и не предохранялись... А если ты забеременеешь? — в его голосе чувствовалась озабоченность.

— Не забеременею. Я недавно была у врача. У меня серьезные проблемы, надо целое обследование проходить и лечиться долго, чтобы забеременеть. Потом еще много читала в интернете про свой диагноз, — надеяться пока не на что.

— Ты меня успокоила, — сказал Артем и снова поморщился. — А-а-ай... Какой я сегодня работник, а у меня еще две важные встречи, первая в десять...

— Так соберись скорее, уже девять. Я-то никуда не тороплюсь, мне к одиннадцати.

— Успею, встреча совсем недалеко, ты поселилась в удобном месте.

— Так приходи на ночлег, когда утром на встречу надо, — предложила она. — Из Колпина не наездишься, я вчера добиралась из Красного села, из-за этого на концерт и опоздала.

— Вряд ли воспользуюсь твоим любезным приглашением, но за заботу спасибо, — вежливо отказался он.

— Как хочешь, было бы предложено, — в ее голосе я почувствовал, что ей больно слышать такой равнодушный ответ после всего, что произошло между ними ночью, но она старательно делает вид, что ей все равно.

По их старой семейной традиции, они позавтракали яичницей. Артему было пора идти. Лера взяла ключи и открыла дверь:

— Юле привет.

— Да уж... — вздохнул он и нахмурился. — Не знаю теперь, как в глаза ей смотреть.

— Не парься. С бывшей женой не считается, — она по дружески поцеловала мужа в щеку и закрыла за ним дверь.

Весь день — я теперь снова все чувствовал и слышал ее мысли — Лера была сама не своя, а вечером, вернувшись с работы, зашла в конференцию по семейным отношениям и стала писать, озаглавив тему «Бывший муж = настоящая любовь?»

«В сентябре исполнится два года нашему с мужем разводу, причин которого я называть не буду — слишком длинно получится, да и, честно говоря, сама толком не разобралась, почему это произошло: имела место быть его болезненная ревность к моему прошлому, моя несдержанность на язык и т.п. В общем, он предложил развестись и просто жить вместе. Смешно, да? Брак наш продлился ровно девять месяцев — вот такое милое число. Но никого родить мы не успели.

Первое время после развода продолжали встречаться и разговаривать, наши своеобразные «сходки», длящиеся около трех недель, всегда заканчивались каким-нибудь глупым конфликтом.

Потом в моей жизни появился другой человек, с которым мы планировали быть вместе, родить ребенка... Но — снова встретилась с б/мужем. И снова ровно на три недели. Тот, другой, понял и простил. Я тогда еще остро не чувствовала, что люблю моего, на тот момент уже бывшего, мужа. А вчера, когда мы совершенно случайно встретились снова, вдруг четко это поняла. Но уже поздно: у него все остыло и есть другая девушка.

И именно теперь, когда, похоже, ничего уже не вернуть, я вдруг осознала, что хочу быть рядом с ним. Мне наплевать на то, что у него нет своего жилья и есть куча проблем. Вместе все можно преодолеть! Но проблема в том, что этого «вместе» уже нет. На вопрос любит ли он меня, он честно ответил, что испытывает только теплые дружеские чувства.

Знаю, знаю пословицу «Насильно мил не будешь». И я даже не знаю, что я хочу услышать от вас, и могу предугадать некоторые ответы. Типа терпи, если уж хочешь быть с ним... Или — забудь и живи дальше... Но, может, есть какая-то надежда завоевать сердце собственного бывшего мужа в подобной ситуации? За эти два года я отчетливо поняла, встретив его вчера

после очередного перерыва, что мне, кроме него, никто не нужен... Когда мы вместе, я как будто не вижу других мужчин: они мне не интересны ни эмоционально, ни физически. Физическая сторона всегда была очень важна для меня, а мне ни с кем не было так хорошо, как с ним. Поняла, что если я и дернусь опять и найду себе другого — все равно буду его любить.

Как быть? Биться ли головой в закрытую дверь? Может, есть более опытные женщины, пережившие нечто подобное, или просто мудрые люди, подскажите!

Извиняюсь, что длинно. Короче не получилось».

Она снова, как когда-то, не захотела подписываться своим ником и назвалась «Да так как-то всё...»

Ответы появились очень быстро.

«Было у меня такое. Правда, была я сильно юна, восемнадцать лет от роду, но теперь, став старше на десять лет, понимаю, что тогда все было действительно всерьез.

Мы два года были вместе, потом я ушла, он страшно мучился, очень меня любил (он намного старше меня). А, когда я решила вернуться, он сказал, что у него все перегорело. Я приезжала к нему по выходным... Встречал меня со вздохом — ну, мол, раз ты так хочешь, но вряд ли мы что-то вернем... — раздевал, ну и... А я во время этого самого ревел в три ручья. Записала тогда в дневнике патетически: «Слезы — оргазм души». Ну и долго это тянулось. А потом надоело. Ну, не любит — и ладно, не помру. Встретила другого человека и, хотя ничего особенно важного для меня с этим другим не было, решила на окончательный разрыв. Как он тогда взвыл, бывший мой, перегоревший! Я понял! Понял! Ты единственная! Как я мог тебя отталкивать!

Ну, тут уж мне так противно стало, что выворачивало просто от одного его вида. Терпеть не могу мужчин, которые любят за то и из-за того, что им отказывают. А я именно так это восприняла. И до сих пор мне о нем тошно вспоминать — хотя он все эти десять лет позванивает и, хотя и давно уже женат, намекает, что я таки единственная... Видела его недавно.

Тошнит меня от него, вот». Сообщение было подписано «Буду сегодня анонимкой».

«Постарайтесь разобраться в ситуации неподвзято, без высоких, все оправдывающих понятий, если действительно хотите найти выход из ситуации. Мы очень любим называть любовью все, что неподвластно нашим мозгам, но на самом-то деле — это далеко не так (могу даже сказать — это на 100% не так, просто вряд ли поверите). Существует большое количество всяких влечений и т.п., которые говорят лишь о некотором разладе внутри вас.

Конкретно по вашему случаю ничего сказать нельзя — просто очень мало данных, чтобы посторонний человек мог ответственно посоветовать вам что-нибудь конкретное. Попробуйте взять чашечку чая и задать себе вопросы, что и зачем у вас в жизни происходит, ответы придут», — написал Vlad.

«Скажите ему все, а он сам примет решение», — советовал Эльф-4.

«Вы поняли, что готовы все вернуть, поэтому сходите с бывшим мужем, пусть даже на некоторое время. А вот он с какой целью идет на эти «сходки»? Не хотелось бы думать, что у него это «от нечего делать». До конца серьезные чувства не перегорают, хоть что-то, да остается. То, что он говорит, что не любит, возможно, просто от обиды на вас.

Вам могут сказать сейчас многие, что разбитые вазы не склеиваются и дважды в одну реку не входят. А знаете, я бы попробовала, как вы выражаетесь, побиться головой в закрытую дверь: вы будете бороться за свое счастье. Ведь вы сейчас уже знаете, что именно этот человек вам дорог и нужен, независимо ни от чего. Я думаю, что у вас все получится. Главное — не повторять ошибок прошлого, ну и стараться быть друг к другу терпимее...» Этот совет был от Будущей мамы.

Лера читала ответы, положив локти на стол и держа лицо в ладонях. Я чувствовал, как ей тяжело, — от ее груди будто протянулась невидимая ниточка, которая искала в пространстве то, за что она могла бы зацепиться, как тонкое вьющееся

растение, что обнимает дерево и благодаря ему чувствует себя в безопасности. Но у маминой ниточки такого дерева не было.

Мне стало бесконечно жаль ее. Я вдруг осознал, на что я обрек Леру своим безумным желанием родиться именно сыном Артема. Понял, как ей будет тяжело, если он не захочет быть рядом с нами. Я начал бояться не только за ее будущее, но и за свое тоже. Надо мной больше действительно не было другой власти, кроме одной — маминой. Но и не было никакой гарантии, что Лера снова, как и в прошлый раз, не испугается рожать без поддержки моего отца.

***

Через неделю мы с Лерой приехали в Колпино и сели возле дома, где жил Артем. По ее расчетам, он должен был скоро вернуться с работы. Теперь, когда я хорошо слышал все ее мысли, я знал, что она загадала: «Если придет один — попытаюсь наладить отношения, если с девушкой — больше никогда не буду ему звонить». Мы просидели у дома больше часа, сделав своим наблюдательным пунктом детскую песочницу в соседнем дворе. Артем появился, держа за талию миниатюрную брюнетку с ультракороткой стрижкой. Они пили джин-тоник и смеялись. Лера проводила их взглядом, пока они не скрылись в подъезде.

После ночи с Артемом она не стала пытаться наладить отношения с Олегом, ей было очень стыдно перед ним. Очередную задержку Лера списывала на свои медицинские проблемы. Теперь, когда у нее никого не было, она не торопилась к врачу.

— А зачем лечиться-то? — сказала она Свете, когда та поинтересовалась, как идет обследование. — Чтобы потом снова нарваться на какого-нибудь придурка или, как ты, сразу на двух, и остаться матерью-одиночкой?

— Но ведь ты все равно когда-нибудь захочешь ребенка. Не стоит запускать такую серьезную проблему.

— Ладно, ты права, я пройду лечение. Только позже, может, в октябре, когда дожди начнутся. А сейчас такая чудесная осень! Не хочу портить настроение анализами крови и прочей

медициной. Еще и уколы назначат как пить дать, так вообще каждый день придется на работу опаздывать...

— Уколы, если что, и я могу тебе поделаться. Я умею, — предложила Света.

— Замечательная ты соседка! Повезло мне.

— А ты тест делала?

— Когда с Олегом встречались, делала, — отрицательный. А сначала был ложноположительный, даже думала, что беременна. Оказывается, тесты, бывает, врут.

— И после Олега ничего ни с кем не было?

— С Артемом. Но всего однажды.

— Так, может...

— Да перестань! — отмахнулась она от Светы.

— Слушай, сделай тест, а!

— Вот пристала! — рассмеялась Лера. — Хорошо, сделаю. Завтра. Или послезавтра. И чего я все время с тобой соглашаюсь?..

В течение недели она постоянно забывала зайти в аптеку. В это время я наблюдал за тем, как внутри нее растет мое будущее тело, приобретая все больше человеческих черт. Придя как-то вечером домой, она снова наткнулась на вопросительный взгляд Светы:

— Ну ладно, ладно, сейчас, несмотря на то, что уже поздно, схожу в круглосуточную! Только ради того, чтобы успокоить твое любопытство!

— Я оценила, — улыбнулась соседка и поспешила к себе в комнату, где захныкала дочка.

Лера, как полагается, дождавшись утра, сделала тест и, даже не взглянув на него, положила на стол и пошла умываться. Вернувшись, она оцепенела: на тонюсенькой бумажке отчетливо проступили две полоски.

Я занервничал и стал метаться по комнате, задевая углы. Я очень сильно волновался, какой будет ее первая реакция. Она взяла тест и, будто в ступоре, вышла в коридор. В этот же момент открылась дверь соседней комнаты и показалась Света,

держа на руках девятимесячную Сонечку. Лера молча показала ей роковую полоску.

— Так это же здорово! — обрадовалась соседка.

— Чему ты радуешься? — спросила ее моя мама таким тоном, что я на ее плече сжался в маленький комочек.

— Так не я, ты должна радоваться! А ты вместо этого мрачнее тучи...

— Я не знаю, как реагировать, Светик. Я не понимаю, что я сейчас чувствую... Может, через часик мысли придут в порядок, но пока ничего не могу сказать.

— Подожди. Я сейчас Соньке быстро попу сполосну и зайду к тебе.

— Я пока поставлю чайник, — и она, как зомби, пошла обратно в комнату за чайником.

На кухне болтали соседки, пеклись блины, текла вода из крана... Жизнь в шестикомнатной коммунальной квартире в субботнее утро бурлила, как в общегитии имени Бертольда Шварца. Обычно Лера всегда с интересом присоединялась к разговорам, но сейчас, сказав «привет» и воспользовавшись открытым краном, просто молча поставила чайник на газ и вышла из кухни. Соседки удивленно переглянулись и продолжили обсуждение насущных проблем.

— Лера, если ты сделаешь аборт, знай: я перестану с тобой разговаривать, — первое, что сказала Света, глядя ей прямо в глаза.

Эта мужественная молодая женщина, с улыбкой переносившая все тяготы жизни матери-одиночки, в который раз вызвала мое восхищение.

— Я же еще ничего не сказала, не надо меня пугать такими страшными вещами, — как всегда, вооружившись чувством юмора, ответила Лера.

— Ты сейчас просто успокойся, сходи погуляй, в церковь зайди... Завтра, кстати, день Веры, Надежды и Любви. Может, это не случайно, что ты именно накануне такого праздника узнала о ребенке? — Света в надежде, что убедила, взяла Леру за руку.

— Погоди, — завтра день Веры, Надежды и Любви? — Лера как будто что-то вспоминала.

— Да.

— Ничего себе...

— Чего «ничего себе»?

— Ты себе не представляешь, какое это удивительное совпадение! Если бы ты не сказала, я бы, может, и не вспомнила...

— Да что за совпадение-то?

— Ровно три года назад в этот самый день не стало моего будущего ребенка, о котором я тебе рассказывала. Сегодня три года назад... — повторила Лера, сложив ладони, как крылья, и прижав их к лицу. Я смотрел во все глаза и ждал, что будет дальше, и мне на секунду показалось, что они правда превратились в крылья, — точно такие, какие отняли у Элиаса. Я ощутил, что это совпадение — его крыльев дело... Но как такое возможно?..

— Да, удивительное совпадение! Очень похоже на знак свыше, — Света выглядела озадаченной.

— Получается, будто тот ребенок вернулся ко мне спустя три года, в тот же день!.. Тогда, 29 сентября, я с ним рассталась, а сейчас мне дали второй шанс, — Лера уже не смотрела на Свету и говорила сама с собой. — И в точно такой же ситуации...

— Ну, ладно, я пойду. Стучи, если что, — я рядом, — видя, что с ней творится, мудрая соседка решила дать ей побыть одной.

Я слушал Лерины мысли: «Неужели душа моего ребенка снова вернулась ко мне?.. Это точно знак. И то, что его папа вряд ли захочет быть рядом — тоже знак. Та же самая ситуация в тот же самый день — знак, что я не должна поступить так, как тогда. Значит, это мой путь, который я должна пройти. Тогда я сказала «да», а теперь должна сказать «нет», — он непременно должен родиться, вопреки всему... Я справлюсь! Но Артему все равно надо сообщить, раз он отец, и пусть решает сам. Ну почему, почему ребенок не получился раньше,

когда еще были живы его чувства ко мне? Где же ты был раньше, малыш?»

«Где-где, в лечебницу меня законопатили, — ответил я мысленно. — Оттуда не вырвешься. Да и ты в этом тоже частично виновата, ведь именно из-за твоего поступка мне на два года запретили даже пытаться стать человеком, — я неожиданно поймал себя на том, что мои мысли напоминают упреки Артема. — Я что, уже становлюсь на него похожим? — с удивлением обнаружил я. — Mam, обязательно расскажи ему обо мне! Может, он не откажется быть рядом, пусть и не каждый день...»

«Расскажу, сегодня же позвоню, назначу встречу и расскажу, — мысленно ответила она. — И будь что будет. Что бы он мне ни сказал, ты все равно родишься».

Я обнял ее и зарылся в уже слегка отросшие рыжие волосы. С ними она постепенно возвращалась к образу счастливой девушки из солнечного дня, — той, что я полюбил с первого взгляда.

***

— Ну, и зачем ты меня вызвала? — Артем был уже в другом стильном костюме. — Таинственно все так, как в кино: надо срочно поговорить...

Они сидели в кафе на Караванной улице. Тест, подтверждающий мое материальное бытие, Лера захватила с собой, чтобы показать Артему.

— Посмотреть хотела, каким ты стал, северный олень, — ответила она.

— Издеваешься? — он сделал глоток пива.

— Ни в коем случае.

— Ну и как, нравлюсь?

— Очень. Такой мужчина, такой мужчина, это что-то!..

— Язва.

— Выздоровливай.

— Да... С цитатами и чувством юмора, как всегда, полный порядок, — оценил он. — А на личном как? Тоже?

- Полосами.
- Сейчас какая?
- Черная.
- А у меня наоборот — белая. Никогда не было столько девушек, которым бы я нравился.
- Поздравляю, Юля обо всех в курсе?
- Юля уже в прошлом.
- Что так?
- Нашла себе какого-то женатого мужика и ждет от него двойню, — поморщился Артем. Ему явно было неприятно вспоминать об этом.
- А не твоя ли двойня-то?
- Ни в коем случае. Это невозможно. Я наверняка бесплоден.
- С чего ты взял?
- У врача был. Лечу одну давнюю инфекцию, ее побочный эффект — бесплодие. Не от тебя ли, кстати, взялась?
- Да вроде здорова, но спасибо, теперь проверюсь. А насчет бесплодия что, прямо так и сказали?
- Тебе же тоже сказали... Ты, кстати, чего пива-то себе не закажешь, подшилась? — ехидно спросил он.
- Вот так неожиданно мы и подошли к теме нашей сегодняшней встречи, — усмехнулась она и полезла в сумку.
- Чего там? Чего там? — деланно заволновался он. — Сейчас вытащишь гранату и дернешь за кольцо?
- Ну, почти... — она положила перед ним тест.
- Это что? — он вопросительно взглянул на нее.
- Это тест. На нем две полоски.
- Вижу. А чей это тест?
- Моей бабушки, Артем! — у Леры лопалось терпение.
- Поздравления твоей бабушке, у тебя скоро будет тетя или дядя? — продолжал он строить из себя Петрушку.
- А если серьезно?.. — спросила она.
- Что серьезно?
- Что делать будем?

— А я-то тут при чем? Разве я имею к этому какое-то отношение?

— Самое прямое.

— Докажи, — он скрестил руки на груди и откинулся на спинку стула с важно-вопросительным выражением лица.

— Увы, смогу доказать только после того, как ребенок родится, — спокойно сказала Лера, ожидавшая подобную реакцию.

— Точно решила рожать?

— Точнее не бывает.

— А как же твой диагноз? Обманула меня?

— Нет, не обманула. Но, может, на УЗИ ошиблись, сама ничего не понимаю...

— Значит, надо прийти обратно к той врачихе и потребовать от нее компенсации: моральной и материальной.

— А ты-то материально будешь помогать? Или хотя бы морально?

— Слушай, это все так невовремя... Я только что от мамы переехал, квартиру снял, на девушек куча денег уходит... погоди, а откуда такая уверенность, что ребенок — мой? Ведь он может быть чей угодно!

— Для того, чтобы он был чей угодно, надо было встречаться с кем угодно.

— Значит, ты хочешь сказать, что не встречалась... — он почти допил свое пиво и заказал еще.

— Ты, конечно, все равно не поверишь, но я таки скажу — нет.

— Ну да, ну да, верится с трудом... — он несколько раз, перебирая пальцами, постучал по столу.

Я сидел на краешке стола и переводил взгляд с одного на другого. И вы — мои родители... Во что превратились ваши чувства!.. Что осталось от них?.. Воистину, непонимание между людьми возрастает, если они не знают, что любят друг друга. У вас все произошло точно так. Я понял, что эта встреча у моих родителей, скорее всего, последняя.

Я слышал мысли мамы о папе, и папы — о маме. Мне было и грустно, и смешно смотреть на этих двух детей, обсуждающих взрослую проблему. Они так и не поставили в ее решении ни одной точки. В конце разговора у мамы пошла из носа кровь. Наверное, давление или перенервничала, предположил я.

— Артем, у тебя случайно нет носового платка? — спросила она, слегка запрокинув голову и держа руку у носа.

— Держи, — он вынул из кармана платок и отдал ей. — Оставь себе, — добавил он снисходительным тоном. — Что ты за мать-то будешь, если у тебя даже для себя платка нет...

Лера ничего ему не ответила. Я слушал ее мысли:

«Так странно: что бы он мне ни говорил, мне все равно... Глупость какая-то, но я, похоже, буду счастлива родить похожего на него ребенка, даже если его не будет рядом. И, может, даже лучше, если не будет — такого, каким он стал сейчас... Что со мной? Это что — и есть любовь?»

«Да, мам. Это и есть», — мысленно ответил я.

Бывшие супруги вышли из кафе, чтобы пойти в разные стороны. На улице светило солнце, моя мама подняла глаза к небу и зажмурилась от яркого света. Мимо снова клином летели птицы, и снова был день Веры, Надежды и Любви.

Я прильнул к маминому животу и увидел, что тот, кем я стану через семь с половиной месяцев, мирно спит, и на душе у меня стало спокойно и хорошо.

***

Вернувшись от своей мамы с куском праздничного торта, Лера зашла в конференцию. «Создать новую тему или дописать в старую?» — задумалась она и решила прочитать сначала собственное сообщение двухмесячной давности. За это время там появился еще один новый комментарий, заставивший ее вздрогнуть. К ней, зашифрованной за ником «Да так как-то всё», некто обратился по имени: «Борись за свою любовь, Лерик! Не слушай никого, он уже «подрос» и вполне может полюбить тебя во второй раз. Многое зависит от тво-

их слов и поведения». Подпись шокировала ее еще больше — Оранжевый.

«Что это? Откуда он знает мое настоящее имя? Я ведь даже не подписалась, — была первая ее мысль, а сразу за ней вторая: — Олег! Но как он нашел?»

Она тут же ответила Оранжевому, еще пытаясь шифроваться:

«Ни черта он не подрос... И почему Лерик?»

На следующий день в конференции появился ответ ее «тезки»:

«Значит, встряхни его, поживи с ним, а потом — оставь его, может до него и дойдет, что ты ему нужна... «Ташить» на себе несколько лет человека, которому ты безразлична, сие есть дело непростое и может оказаться неблагодарным».

И тут Лера не выдержала:

«Ну как, как ты нашел эту тему? Я ведь не называла себя! Не надо было нам летом расходиться... Думаю, мы подходим друг другу. И тебя я тоже люблю, просто по-другому. Забавали бы бэбика, я бы осела и успокоилась. Ну, да что теперь об этом... А муж... Поживи... Легко сказать... Вопреки его желанию? Я так не умею. Самоуважения хоть немного, но осталось».

Она подписала свое сообщение Оранжевому «Раз уж узнал».

Всю следующую неделю ответа не было. Лера каждый вечер, приходя домой после работы, заглядывала в конференцию. Он появился еще через неделю:

«Зашел что-то сюда и понял — шестое чувство рулит! Я ни о чем не жалею, хотя и люблю тебя. Ну, или любил, чтоб тебе было легче. И мне».

Она ответила быстро, не думая:

«Глупо все ужасно вышло... Но ты это, как в том мультфильме: «Если что — заходи!..» Знаешь, похоже, я буду матерью-одиночкой, как ни грустно. Но ребенку очень рада. Видимо, так с тобой настроила свой организм на это, что он потом не сдержался. Любишь, — говоришь? Ты вообще-то мне тоже далеко не безразличен».

«Рад за ребеночка, у него будет очень хорошая мама, — ответил Оранжевый через день. — Только Гришей не называй, хорошо?.. Все, извини, пообещал себе больше ничего не писать, все-все-все, ухожу полосатых и лупоглазых слонов озерных ловить...»

«Плюнь на слонов, не уходи! — она поставила смайлик. — Олег, ты, правда, думаешь, что из меня выйдет хорошая мать?.. Приятно, если ты искренне». Она подписалась — Оранжевая. Так виртуально они стали парой.

Олег, как и обещал, больше ничего не писал. Так прошла еще неделя. Лера поняла, что на этом все закончилось.

«Новая жизнь, — решила она. — А раз новая — надо избавиться от старого хлама. Убраться, наконец, в комнате и выкинуть все ненужное. Но это я сделаю завтра, а сегодня начну с того, что почищу почтовый ящик, спама накопилось — ужас!» Дойдя до третьей страницы, она удаляла все лишние входящие уже на автомате, пока вдруг неожиданно не наткнулась на недельной давности письмо с адреса Олега, которое чуть было не стерла:

«Лера, я не стал больше писать в конференции, это уже только наше дело. Я все хорошо обдумал и предлагаю тебе утвердить меня на роль папы своего ребенка. У меня, конечно, совершенно нет отцовского опыта, но я буду стараться. Родим девочку, а потом уже, как мы и мечтали, — мальчика...»

Лера сидела, обхватив голову руками и погрузив пальцы в волосы. Я пытался прочесть ее мысли, но ничего не слышал. Она была в ступоре.

Я еще раз перечитал письмо от Олега и ухмыльнулся. Папой моим, значит, хочешь стать? Ну-ну. Мы с мамой еще посмотрим на твоё поведение! А вот девочкой я уж точно не буду! Людям, которые с такой убежденностью планируют пол будущего ребенка, мы, души, частенько делаем наоборот. Для профилактики самоуверенности. Вот полечу к своим и договорюсь с душой какой-нибудь девчонки, чтобы она годика через два стала моей сестрой. Вроде даже была одна желающая... Так-то, Черный папа!

Я удивился себе: чего это я? Этот человек не сделал мне ничего плохого, более того — предлагает маме поддержку. Какая мне, в конце концов, разница, будет у меня сестра или брат. Главное, чтобы мама была счастлива!

***

Через неделю народу в нашей комнате прибавилось: Черный перевез к нам из родительской квартиры все свои вещи. Он оказался идеальным мужем: ухаживал за мамой так, как будто она больна, а не беременна, — каждый день покупал соки и фрукты, говоря, что в ее положении нужно больше витаминов. Вечерами мама читала животу детскую книжку, сказав Черному, что плод все слышит и от этого лучше развивается. Мне было смешно и хотелось крикнуть: «А я все слышал и раньше!» В такие моменты Черный сидел рядом и держал руку на ее животе. Он относился ко мне нежно, как к своему ребенку:

— Привет, доча! — говорил он, будучи уверенным, что там — девочка. Мне было даже жаль огорчать его.

Мама каждые две недели посещала Мариинский театр. Купив самые дешевые билеты, она терпеливо сидела на галерке, почти не видя представления, все с той же святой целью — чтобы плод слушал музыку и развивался. Ох, мама, зачем так мучиться, купила бы уже диск! И она его купила, — теперь каждый вечер на ночь в доме включали детские колыбельные.

В конце ноября мама начала вести дневник, первой записью в котором стало: «Привет, малыш, эта тетрадка — твоя. Я буду писать сюда все, что может быть тебе интересно прочесть, когда ты вырастешь». На тыльной стороне обложки мама приклеила тест с двумя полосками, благодаря которому узнала обо мне. Восьмого декабря она написала: «Впервые увидела небольшой животик. Если утром натошак втянуть его, то нижняя часть все равно остается круглой и выделяется. Это ты, малыш, уже стал немножко виден».

В женской консультации будущую мать регулярно взвешивали, измеряли сантиметровой лентой окружность талии, которая

становилась все круглее, и брали кровь на анализ. В эти моменты я всегда вспоминал день, когда мы с Машей были в лаборатории и она, как замороженная, смотрела на натюрморт с подсолнухами.

Теперь подруги общались только по телефону. Благодаря тому, что я обожал слушать Лерины разговоры, я знал, что Машин сын Иван растет смышленным творческим мальчиком и очень любит пальчиковые краски.

— Лера, он так много рисует! А вчера вдруг нарисовал целое поле подсолнухов с синими сердцевинами! Так необычно и талантливо получилось, что мы с Мартином дали ему прозвище — Иван Гог, — похвасталась Маша успехами сына. — Скоро устроим у нас дома его персональную выставку и будем ждать вас в гости. Кстати, Лер, игрушка, которую ты купила ему в тот день, — до сих пор его самая любимая, он даже спит с ней.

***

Жизнь Леры благодаря беременности совершенно изменилась: она стала размеренной. С работы будущая мать теперь шла домой, заходя по дороге только в магазин за продуктами. В меню постоянно присутствовал зеленый лук и пирожные, — без них она не могла прожить и дня. К счастью, у нее совсем не было токсикоза, который в свое время страшно измучил Машу.

Лера и Олег собирались пожениться. Их настроение омрачал только один вопрос — квартирный. Иногда они садились на диван, что-то считали на калькуляторе и записывали на листочек. Судя по их грустным лицам, что-то не сходилось.

Ребенок, которым я должен был стать, рос почти так же быстро, как князь Гвидон в своей бочке: в два месяца у него уже появились губы, нос и пальцы, к трем — он мог отдернуть руку, если ему что-то мешало, или сжать пальцы в кулачок... Когда он стал еще немного старше, я мог застать его за тем, что он сосет палец, — зрелище было весьма забавным, в эти мо-

менты мне хотелось его покормить. Но большую часть времени ребенок дремал. А в четыре месяца случилось самое удивительное — он мне улыбнулся! Будто хотел сказать: «Привет, душа моя!» К этому времени стало уже четко видно, что я буду мальчиком.

Чем больше становился ребенок, тем чаще я стал оставаться дома. Мне постоянно хотелось спать, и, проведив Леру до двери, я целый день спал на ее подушке. Может быть, потому, что снова наступила зима, а это время года всегда навевало на меня тоску.

Одним очень холодным вечером мама буквально влетела в нашу маленькую комнату, румяная и счастливая:

— Олег, у меня две новости, и обе хорошие!

— Давай сразу обе, — сказал он, помогая ей снять ботинки.

— Ребенок сегодня впервые зашевелился. Вернее, я впервые это почувствовала! Шевелятся-то они, насколько мне известно, с самого начала.

— И как это ощущается? — спросил Черный с явным интересом.

— Легонечко так, будто внутри пузырьки воздуха перекачиваются...

— Конечно, легонечко, она же пока еще маленькая, — нежно сказал он о будущей дочке. — Скажешь, когда будет шевелиться? Я тоже хочу почувствовать.

— Милый ты мой, — Лера расчувствовалась от такого отношения и поцеловала его. — Конечно, скажу. Но думаю, что пока это доступно только мне.

— А вторая новость какая? — поинтересовался он.

— Потрясающая! — воодушевленно сказала Лера. — Мне сегодня рассказали, что младенцам, родившимся в день 300-летия Петербурга, будут давать квартиры! Правда, не всем, а только первому, двадцать седьмому и трехсотому. Вот вечно так, — нет бы всем дать — был бы целый дом юбилейных детей!

— Представляю песочницу рядом с таким домом, — подхватил ее мысль Черный. — Так и что ты хочешь этим сказать?

— Что ребенок должен родиться как раз в те дни, мне на УЗИ написали — 27–28 мая. А день города — двадцать седьмого.

— Думаешь, это возможно? — скептически покачал головой Черный. — Чтобы так угадать....

— Я договарюсь, — подмигнула Лера своему животу.

— Ну-ну. Попробуй, — совершенно не веря в успех будущего предприятия, сказал мой будущий Черный папа.

— Если он послушный ребенок, должен послушаться, — засмеялась она. — Сфотографируешь меня сегодня?

Лера придумала каждые две недели фотографироваться боком в полный рост, чтобы после родов напечатать сразу все фотографии и проследить, как рос живот. Олег принес фотоаппарат.

— Улыбочку! — скомандовал он. — Сейчас вылетит птичка.

Обманул Черный. Птичка не вылетела. Я чувствовал, как с каждым днем все больше отдаляюсь от него, меня стало раздражать его постоянное «доча». Какая я доча?! Если бы ты видел, что у меня уже выросло, не говорил бы так. И в один прекрасный день он увидел...

В кабинете УЗИ доктор, вода маме по пятимесячному животу давно знакомым мне прибором, показала на экране мое мужское достоинство и, чтобы родители могли лучше его разглядеть, поставила кадр на паузу. Лера с тревогой взглянула на будущего мужа. Реакцией Черного было молчание. Он молчал целую неделю, сказав, что должен подумать.

— Вовка, я не знаю что делать, — жаловалась она по телефону моему будущему крестному. — Он так заиклился на собственном сыне, что, узнав, что ребенок Артема тоже мальчик, впал в какую-то непроходящую депрессию. Домой всю неделю приходит поздно, и от него пивом пахнет... У меня не получается поговорить с ним, как ни пытаюсь. Как быть, Вов? Чувствую, мы расстанемся, так и не поженившись...

— Может, ему поговорить с психологом? — предложил тот.

— То есть с самим собой? — рассмеялась она. — Думаю, он всю неделю это делает.

— Тогда просто подожди. Не делай сейчас ни поспешных выводов, ни резких движений. Наверняка он работает с собой.

— Сам себе психолог, — усмехнулась Лера. — А что — удобно! Денег платить не надо.

— Крестить-то нашего сына сразу после родов будем, а, кума? — спросил Володя.

— погоди, дай сначала родить, и желательнее двадцать седьмого мая, чтобы квартиру получить.

— Ты веришь в чудеса? — в трубке раздался смех.

— Продолжай смеяться, но верю. Так как невозможно рассчитывать, когда родится двадцать седьмой и трехсотый младенец, остается одно — родиться первым. В ноль часов и ноль минут. Чтоб наверняка.

— Ох, Лерка, ты просто безнадежная оптимистка, — он часто называл ее так, — за что я тебя и люблю. Ну, и за все остальное, конечно, тоже.

— Ладно, Наташе и детям привет, а я пойду договариваться с сыном. Артем с того дня, как увидел тест, ни разу не позволил, даже просто чтобы узнать, оставила ли я ребенка. А если и Олег сейчас решит уйти, то хоть не в коммуналке жить будем. Как погляжу на бедную Свету, соседку мою, которая одна с дочкой в десятиметровой комнате... — за такое геройство надо памятники при жизни ставить. А моя всего на три метра больше. Хорошо, вам с Наташей есть где жить. Ты можешь представить, как бы вы с двумя детьми жили в твоей комнате на Литейном?

— С трудом. Тем более, что Наташа хочет увеличить эту цифру до трех.

— Ого! Молодцы! Этак у нас будет целый детский сад. Много места надо, чтобы друг к другу в гости ходить. Пацан должен понять.

— Ну что ж, удачи!

Лера села на диван и, положив руки на живот, стала объяснять ситуацию. Милая ты моя, любимая мама! Я все и так прекрасно слышал и, хоть я и не волшебник, постараюсь исполнить твою просьбу. Тем более, если от этого зависит наше

с тобой благополучие. И, как сказала твоя подруга Аня, мужики приходят и уходят, а дети остаются с женщиной всегда. И я, твой единственный постоянный мужчина, сделаю все от себя зависящее. Я постараюсь, мам, слышишь? Постараюсь!

— Ты слышишь меня, да? — она чуть ниже наклонилась к животу.

— Слышу, — ответил я, сидя у нее на голове.

— Мне кажется, что слышишь...

— Тебе не кажется.

Черный вскоре все же смирился с тем, что я буду мальчиком, и, хотя и не оставил мечту о собственном сыне, помог придумать мне имя, решив приберечь имя Гриша для родного ребенка. Мама сначала решила назвать меня Даниилом, потом — Степаном, еще позже — Федором, а однажды вдруг предложила:

— А давай Александром назовем, в честь Суворова!

— Не знал, что ты так Суворова уважаешь, что даже сына готова назвать в его честь, — посмеялся Черный над ее идеей.

В общем, Лера буквально разрывалась между вариантами моего будущего имени и даже придумала шуточное — Всесад, сказав, что, пока я буду маленьким, можно будет звать меня Севой. Но мой Черный папа остановил поток ее фантазии, предложив остановиться на чем-нибудь мирном. В этот момент я проникся к нему теплыми чувствами, ведь он почти угадал мое тайное имя!

***

Чем меньше времени оставалось до моего рождения, тем быстрее оно летело. Лера и Олег тоже по-быстрому зашли в районный ЗАГС на Суворовском проспекте и буквально за пять минут стали мужем и женой. Моя мама вежливо отказалась от предложенной ей фамилии Белоконь.

С каждый днем она наливалась соком, как спелое яблоко, и по утрам из-за отеков иногда не могла согнуть пальцы рук. Она поправилась на десять килограммов и выглядела очень ко-

мично. Теперь она проводила время в другой конференции — по беременности и родам — где женщины в положении обсуждали все, что с ними происходит. Однажды, начитавшись советов, вместо того, чтобы просто попросить ребенка принять в животе правильную позу, она легла на спину и полчаса держала таз и ноги вертикально, чтобы плод перевернулся вниз головой. Мальчик в эти моменты очень комично чесал за ухом и показывал мне язык. Когда до заветного дня оставалось две недели, маму посетил токсокоз, и она, бедная, как когда-то Маша, резко вскочив, бежала в туалет. Ей везло: он почти всегда был свободен. В этом состояло маленькое счастье жителя коммунальной квартиры — вовремя попасть в туалет. Я помнил о маминой просьбе и, по мере приближения заветной даты, стал все чаще разговаривать с ребенком на заданную тему.

— Слышишь, дружок, — сказал я упитанному мальчику, который сосал палец, — скоро наступит день, когда надо будет выбираться отсюда. На тебе лежит ответственная задача — сделать это вовремя. Я дам команду, и ты спустишь воду, — понял? — я все рассчитал.

Ребенок понимающе кивал. У меня не было причин не доверять ему, ведь мы с ним были — одно целое.

Двадцать шестого мая, в 16.00, мама, вернувшись из магазина, позвонила моему будущему крестному:

— Кажется, ничего не получилось, Вов... Никаких предвестников. Хотя вчера врач на осмотре сказала, что в ближайшие два дня должна родить. Но, видно, не судьба. Ребенок меня не услышал...

— Ну и наплюй. Это была утопия. Дети появляются на свет тогда, когда им предначертано. Там, в небесной канцелярии, есть определенные правила, которые они вынуждены соблюдать.

— Всюду правила, — вздохнула Лера. — Жаль, что он у меня такой... правильный, — пошутила она.

— Нет никаких правил, мама! Я же — с тобой! — и я дал команду.

— Ой, кажется, у меня воды отошли... Мамочки, да как много!

— Вот это да! Так, может, еще успеешь? — расхохотался Володя. — Я сейчас везу детей к бабушке с бабушкой и раньше, чем через полтора часа, приехать не смогу. А Олег где?

— Олег на работе. Недавно совсем устроился, не по специальности. Говорит, понял, что психология — не его стихия. А за меня не переживай, роддом тут совсем рядом, на Фурштатской, я заранее обо всем договорилась, сумка уже собрана, дойду потихоньку. До полуночи еще далеко.

— Ни пуха! Сообщи, как все произойдет. Я держу за тебя кулаки.

— Спасибо, друг! — она нажала на отбой. — Мальчик мой, маленький мой, все будет хорошо. Ты услышал меня, да? Чудо какое-то в решетке... Да шут с ней, с квартирой этой, с минутами, главное, чтобы ты здоровым родился!

— Мама, ты сама — чудо, только в перьях, — ответил я.

Она вытерла с пола воду, в которой будущий я девять месяцев плавал, как рыба в аквариуме, и позвонила Олегу сказать, чтобы приезжал сразу в роддом.

— Выезжаю, — с волнением отозвался он. Присутствие на родах было его обязательным условием. Черный папа хотел увидеть появление «первопроходца» — так он стал называть меня, узнав мой настоящий пол.

***

От радости, охватившей меня перед рождением, мне захотелось сплясать, несмотря на то, что я довольно скептически относился к этому душевному самовыражению. Но сейчас было совсем другое дело, ведь я, наконец, появился на свет! Я, пританцовывая, как Карлсон, летал вокруг лампочки в родильном зале. Эй! Вы слышите меня? Я нарушил ваши дурацкие правила! И у меня все получилось!

Я радовался, пока не увидел, что маме больно. Она не жаловалась, не кричала, а только морщилась во время очеред-

ной схватки. С каждым разом схватки становились сильнее, и боль тоже. Врачи наблюдали, как раскрывается шейка матки, через которую скоро пройдет моя большая умная голова. Из разговоров я понял, что десяти сантиметров должно хватить, но дальше двух дело почему-то не шло. Я еще не был окончательно привязан к своему телу — это происходит в момент рождения, — но мог чувствовать все, что чувствовал он. А ему приходилось несладко — безводный период длился уже довольно долго, и он ощущал себя, как рыба, вытщенная на сушу.

— Давайте сделаем эпидуральную анестезию, — предложила Лере акушер-гинеколог, принимавшая роды. — Она помогает раскрытию, и вам не будет больно. Правда, это оплачивается дополнительно, но если вы согласны...

Моя мама, взглянув на Черного и получив его одобрение, дала согласие. Быстро подписав какие-то бумаги, она легла на кушетку и повернулась на бок. Я не стал смотреть на манипуляции, которые производили с ее позвоночником, но по тому, каким умиротворенным вскоре стало ее лицо, я понял, что ее отпустило.

Черный ходил вокруг нее с видеокамерой и увековечивал процесс, спрашивая маму об ее ощущениях.

— Ничего не чувствую, — устало улыбалась она. — Такие роды — дай Бог каждой.

Я был рад, что она больше не мучается, но ребенку от этого легче не стало.

— К потугам анестезия должна пройти, — подошла к Лере милостивая врач. — Тужиться умеете? Как дышать, знаете?

— Читала, но тренировалась мало, — ответила та.

Доктор очень смешно показала, как надо тужиться. Она набирала воздух в легкие, а потом у нее становился такой вид, будто она вот-вот лопнет. Я не выдержал и расхохотался.

— Поняли? — участливо спросила она Леру. Та кивнула.

Врач еще раз проверила раскрытие:

— Все, десять. Давайте на кресло!

Я снова отвернулся. Мне кажется, я буду очень скромным мальчиком и стану закрывать глаза при каждой неловкой сцене в кино.

Оставалось всего несколько минут, как я закреплюсь в моем теле, и еще несколько суток, когда я буду помнить, что со мной было, но с каждым часом все меньше и меньше... Прощаясь с дорогими мне воспоминаниями, я вдруг с ужасом осознал, что забыл сделать одну важную вещь. Часы показывали 23.37. У меня было не больше десяти минут, чтобы обернуться туда и обратно. И я решил «поставить на паузу» свое рождение:

— Милый, подожди, пожалуйста, совсем немножко! Я сейчас вернусь! — попросил я крепыша, который был уже готов к старту.

— Что ж ты тужишься-то так плохо... — услышал я, вылетая в форточку.

— Почему-то ничего не чувствую, — жалобно отвечала Лера.

Я никогда раньше не летал так стремительно. Теперь от моей скорости зависело многое.

Танцы будущих детей были в самом разгаре. Я очень громко, что было сил, крикнул:

— Душевные мои! Есть здесь такие, кому никак не найти себе маму? Отзовитесь!

Сквозь десяток откликнувшихся голосов я услышал голос одного мальчика, который прозвучал особенно грустно: «Мне никак не найти...» В доли секунды оказавшись рядом с ним, я почти скороговоркой произнес:

— Есть одна девушка, зовут Настя, ты найдешь ее на Литейном проспекте в библиотеке Лермонтова. Я хотел взять ее себе в мамы, но полюбил другую. Но Настя — она удивительная! Единственная сложность — тебе нужно будет подобрать папу, у которого получится сделать так, чтобы она больше ни в чем не сомневалась. Справишься?

Скромного вида сероглазый очкарик, — в этот момент я видел его именно таким — похожим на Настю, — обрадованно закивал.

— Действуй, я верю в тебя! — я хлопнул его по плечу, совсем как это делал Элиас.

— Прощайте, братцы! Я рождаюсь! — громко сообщил я своим, покидая их навсегда.

Те, кто это услышал, помахали мне вслед, желая удачи. Мое возвращение заняло всего пару минут. Пока я летел назад, у меня возникло ощущение, что я не один. Кто-то догонял меня. Обернувшись, я увидел Д-15012002 — ту самую будущую девочку, что прошлым летом присматривалась к Олегу и спрашивала мое мнение о Лере. Я кивнул ей и прибавил скорость, пытаясь оторваться от ненужной компании.

В родильном зале врачи готовились к кесареву сечению. Ребенок за время моего отсутствия будто уснул. По лицу Леры, на котором полопались сосуды от неудачных потуг, я видел, что она ужасно устала.

— Эй, дружок, проснись, — тебе пора! — пытался я разбудить спящего красавца, но тщетно.

— Пожалуйста, не надо кесарева, может, все еще получится само! — умоляюще попросила Лера.

— К сожалению, у нас мало времени, ребенку не хватает кислорода, — ответила ей врач. — Другого выхода просто нет.

Я должен был срочно что-то предпринять. Мне ничего не оставалось делать, как, собрав всю свою энергию, начать толкать наружу неповоротливого увальня. Будущий я оказался довольно тяжелым. Но даже благодаря моим титаническим усилиям он продвинулся к заветному свету в конце тоннеля совсем чуть-чуть.

— Готовьте анестезию, — услышал я. После этих слов Лера едва слышно заплакала. Она всегда говорила, что ужасно боится кесарева.

Я изо всех сил нажал на пятки, которыми через год должен буду начать ходить по земле:

— Ну, миленький! Ну, давай! Не подводи нашу маму!

Внезапно я почувствовал, будто мне кто-то помогает. К моим усилиям явно прибавились чьи-то еще. Благодаря моему

невидимому помощнику этот неповторимый упрямец наконец решил, что ему пора, оттолкнулся и высунул голову наружу. Внутри было так темно, что я никак не мог разглядеть, кому должен сказать «спасибо».

— Кто ты? — спросил я. — И почему помогаешь мне?

— Ты, хитрый, опередил меня... — ответил мне звонкий девчачий голосок. — Но так и быть — иди первый, я подожду.

*Санкт-Петербург — Карловы Вары
2010–2012*

Продолжение следует...

Литературно-художественное издание

Надежда СЕРЕБРЕННИКОВА
РОДИТЬСЯ ВОПРЕКИ

Технический редактор *Анна Ванеева*
Корректоры: *Нина Киселева, Андрей Шёпот*

Надежда Серебренникова — *www.hopesilver.ru*

Подписано в печать 17.10.2014.
Формат 60х90/16. Гарнитура TimesNewRoman.
Усл.-печ. л. 17. Тираж 150 экз. Заказ №

Типография «Интегральный переплет» Томск, улица Высоцкого, 28